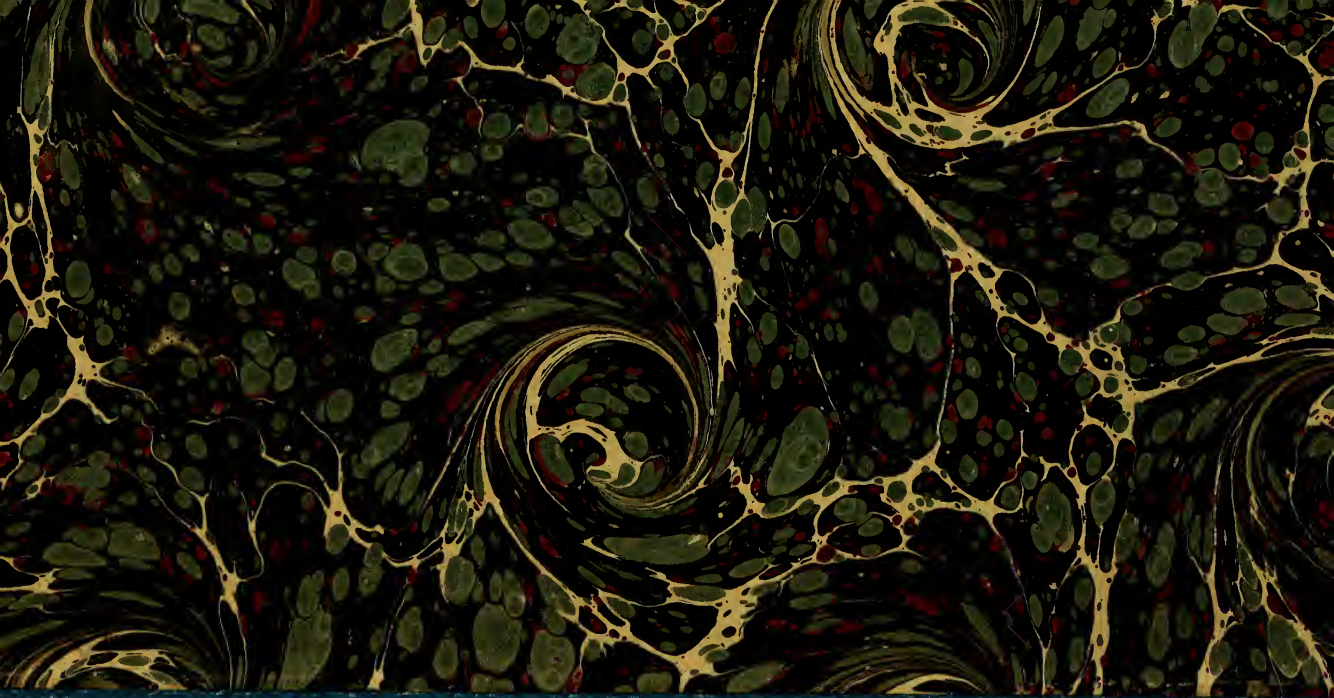
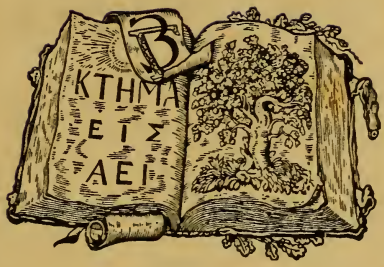


UNION DES COSAQUES
à
ROMA
MOSELLE



ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

М. С. МАРГУЛИЕС

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН
1923

N 67
UNION des COSAQUES
216, Bd Raspail, 216
PARIS - XIV

М. С. МАРГУЛИЕС

ГОД ИНТЕРВЕНЦИИ

КНИГА ВТОРАЯ

(АПРЕЛЬ — СЕНТЯБРЬ 1919 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН
1923

Alle Rechte, einschließlich des Übersetzungsrechtes, vorbehalten

Copyright 1923 by Z. J. Grschebin Verlag, Berlin

Набор типографии Г. Гольдберга
Печатано у Гемпеля и Ко., общ. с огр. отв., Берлин.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РУССКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ В ПАРИЖЕ

(8 АПРЕЛЯ — 12 ИЮЛЯ 1919 г.)

ГЛАВА I.

ПОПЫТКА СОЗДАТЬ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ДЛЯ НЕВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИЗМОМ.

Беседа с Альбертом Тома. — Мой доклад в Русском Политическом Совещании.— В. В. Вырубов. —У Венизелоса. —У Говена. — Беседа с Марселем Самба. — У Министра Иностранных Дел Пишона. — У Альберта Тома с В. А. Маклаковым.

8 Апреля 1919 года. Вторник.

В 11 часов у Альберта Тома. Потверждает, что Одесса эвакуирована и говорит, что 231 французских солдат перешли к большевикам.

Я: Допустим, что Русское Политическое Совещание в Париже пойдет на федерацию, республику и землю крестьянам; что теперь за это союзники дадут?

Тома: Ничего.

Я: Что же тогда дальше? Ведь и вы будете опрокинуты движением большевиков, а вы их не одобряете? Нужен комитет для мирной борьбы с большевизмом, раз вооруженная невозможна.

Тома: Идея мне представляется правильной; к тому же вот уже два года, как мы об этом говорим правительству, но оно ничего не делает.

Я: Нужно заняться пропагандою и товарообменом.

Тома: Согласен, все это хорошо.

Я: Укажите мне людей, которые занялись бы этим со стороны французов.

Тома: А в Русском Совещании кто за это?

Я: Думаю, что Маклаков и Бахметьев.

Тома: Давайте поговорим вчетвером с ними. Назначили в пятницу утром у Тома.

Тома бранит Русское Совещание, говорит, что если союзники не были тверды в вопросе об интервенции, то виноваты русские, потому что союзники и до сих пор не знают для кого и для чего эта интервенция, и теперь же все идет к сговору с большевиками.

Я: Чего вы добьетесь сговором?

Тома: Им поставят условия и прежде всего пусть устроят Учредительное Собрание — это заставит их отказаться от тактики диктатуры пролетариата. (!)

Я: Я предпочитаю Принкипо Учредительному Собранию, которое будет величайшим блефом. На Учредительном Собрании вы получите одних большевиков из-за отсутствия законных свобод, путей сообщения, почты, телефонов и телеграфов, а на Принкипо большинство будет не большевистское.

Тома: Но кто же это большинство — Кобленц?

Я: Отчасти; но ведь многие из России думают, не как Кобленц, а как я.

Тома: Давайте поговорим обо всем с Маклаковым и Бахматьевым.

В 12 часов завтракаю с бароном С. А. Корфом. Порицает мою идею федералистической лиги; не надо разговаривать с нациями, они в большинстве, а России нет; они нас задавят.

Я: А ведь вы говорили, что вы федералист. Когда же вы начнете разговаривать с окраинами и нациями?

Корф: Когда создастся Россия и можно будет созвать Учредительное Собрание.

Я: То есть через долгие годы, а нации и окраины будут дожидаться и ничего не делать? Такие отсрочки — гибель для дела.

Корф просит помочь сближению Авксентьева с Маклаковым, — у них не ладятся взаимные отношения, а так же предлагает привлечь и его к обсуждению с Маклаковым и Бахметьевым вопроса о Международном Комитете.

Охотно соглашаюсь.

В 3 часа — в Русском Политическом Совещании; присутствуют кн. Львов, Маклаков, Сазонов, Извольский, Гирс, Бахметьев, М. Стахович, Ефремов, Коновалов, Струве, Иванов (Шлиссельбургский), Аджемов и Вырубов (хотя оба последние и не члены Комитета). Делаю подробный доклад о событиях на Юго-Западе, не щадя ничего и никого; пользуюсь присутствием Сазонова, чтобы выяснить парижанам трагическую роль Совещания при генерале Деникине, какую оно играло в событиях, предшествовавших эвакуации. Чувствую, что сидящим в Париже это мало интересно, — они ведь представляют оффициально Деникина и Колчака, и как все оффициальные органы разрешают критику своих владык только самим себе.

Послы, выслушав мой доклад, ушли на посольское заседание в соседней комнате. Через некоторое время выходит оттуда Маклаков; говорит мне: один из послов сказал, что если бы 10% из того, что разсказывает Маргулиес, была правда — это было бы ужасно; Сазонов заметил: три четверти, по крайней мере, правда. — Скажите им, что все 100% — правда — предложил я Маклакову.

М. А. Стахович говорит мне, что был в Лондоне, видел там Н. С. Брасову; она получила телеграмму от

Михаила Александровича из Японии, он едет в Лондон. (?)

В 6 часов у Венизелоса; мелкие черты, красивый прямой нос, наседающие друг на друга желтоватые зубы, восковое лицо, быстрая речь, приятная улыбка, на голове ермолка. Говорит, что греческие войска уходят из Одессы. Венизелос получил телеграмму от большевиков с угрозой, что они отомстят на греках Феодосии и Мариуполя, если греческие войска не уйдут из Одессы. Рассказывает историю посылки греческих войск в Одессу. Сперва французы потребовали у Венизелоса войска для Одессы словесно. Венизелос ответил, что без письменного приказа от мирной конференции он войска не даст, ибо ему нужен документ для самооправдания перед греческой Палатой депутатов. Тогда французское командование прислало ему бумагу, где была ссылка на «нашу вчерашнюю беседу». Венизелос потребовал не такой бумаги, а ясного и точного приказа, который, наконец, и получил. Горько жалуется на французов: во-первых, они не прислали достаточно войска в Одессу, а присланное было невысокого качества, а потом всякий раз, как в прессе говорили об удачной обороне юга, говорили только о французских войсках, а когда речь шла о пораженпях — назывались греческие полки. Я расхвалил греческие войска, сказал что в Одессе на них одних теперь вся надежда. Венизелос забавно поблагодарил, пожимая мне руку: «Вы единственный пока говорите это». Французы посылают его войска в Бессарабию; он очень встревожен заявлением, что там прекрасная почва для большевизма.

Секретарь его, провожая меня, сообщил, что войска еще не уходят, ибо занялись вывозом граждан: греки одни вывезли 5.000 человек.

Я: Как это так? А пароходы откуда, матросы, уголь?

Секретарь: Ну, вывезли, может быть, и много меньше, но все же вывезли.

Когда я передал Маклакову о предложении Тома,— он тотчас же согласился; не знает, согласится ли Бахметьев, который очень высоко держит свое посольское знамя, считает, что итти к Тома, пока лучше без Бахметьева; не верит в то, что американцы пойдут в предполагаемый мною Международный Комитет.

Сведения в телеграммах: в Одессу идет итальянский дредноут за итальянскими подданными, греческий за греческими, французы повезут французов, а русских...

9 Апреля. Среда.

У кн. Львова казенный французский автомобиль, а посольству французское правительство автомобиля не дало

В 11 часов у Бурцева; читает мне свою статью по поводу бегства союзников из Одессы. Восклицания: «изменники, трусы», вопли, восклицательные знаки. И ни слова о том, как быть дальше. Спрашивает, а что же теперь?

В 2 часа дня я у Говэн, передовика „Journal des Débats“. Умный старик, внимательно слушает, говорит, что он — антибольшевик, что много работал с другими, чтобы укрепить эту позицию, но что русские были здесь очень неудачные, — либо знали о большевиках только по наслышке, либо рассказывали о личных драмах, что никого не убеждало, так как Франция все это пережила в XVIII веке. Многие (еще вчера один крупный французский дипломат говорил это) склонны изолировать Россию и предоставить ей пере-

варить большевизм, который теперь, по общему мнению, значительно смягчился и сам себя изживет.

Я предлагаю Международный Комитет для мирной борьбы с большевизмом путем прессы, торговли, подготовки требований для пред'явления большевикам, если они пожалеют, торговой и финансовой помощи от Европы.

Соглашается, готов всячески помочь, указывает ряд лиц, с которыми надо поговорить и с которыми он сам поговорит. Развиваю ему ту же тему, что на митинге радикальной партии в Одессе: главная опасность большевизма в падении значения труда, что крайне понизит мировую трудоспособность рабочих и вместе с нею повсюду крайне удорожит жизнь.

В 4 часа в Палате Депутатов у Марселя Самба (он, как и Тома, и Жорес, — видом скорее русские купцы, чем культурные французы). Говорим, перебивая друг друга.

Я: Одесса сдана. Этот фазис пройден. Нужны другие меры, если только Вы считаете, что большевизму не следует предоставить развиваться дальше и открыть ему в Европу двери.

Самба: Разумеется нет.

Я: Так вот, какие меры могут быть признаны допустимыми против большевиков французскими социалистами? Вот Тома находит нужным предложить им Учредительное Собрание, а я думаю, что это будет блэф.

Самба: Я тоже так думаю; мне кажется, нужно прежде всего, чтобы вы, русские, здесь отреклись от старого режима. А затем — необходимо, чтобы русские вошли в Советы и извнутри их взорвали.

На моем лице нескрываемое выражение признания этого совета безнадежно глупым. Самба сердится и говорит:

— Вместо того, чтобы говорить мне, что Вы думаете, — Вы заставляете меня высказываться.

Я: Надо завязать с ними торговые сношения в широком масштабе, потребовать, как в XV веке, когда торговали с некультурными странами, широкой гарантии личной неприкосновенности, открытой деятельности иностранных банков, чекового оборота, обеспечения товарных складов, надзора союзников в гаванях и т. п. Затем надо об'единить прессу в усилиях правильного изображения большевизма.

Самба: Прекрасная идея, — сражаться с ними торговлей. Я всячески ее поддерживаю.

Я: Если мы устроим нечто в роде международного Комитета, готовы ли Вы нас поддерживать?

Самба: С одним условием: отречение русских от всего старого.

10 Апреля. Четверг.

В 10 часов утра у Пишона — Министра Иностранных Дел, на Quai d'Orsay. Старик усталый, разочарованный. Говорю ему о позоре Херсона, Одессы, о нулевом престиже Франции, о немецкой организации, о возможно скором падении Румынии и Галиции и читаю ему набросанную вчера вечером на-скоро записку следующего содержания:

1. Стратегические и финансовые интересы Франции в России значительно выше таких же интересов Англии, Америки, Италии и Японии и равны лишь интересам Германии.

2. Симпатии к Франции были велики в русском населении до и во время войны, хотя, нужно сознаться,

в силу сопротивления французов не особенно то верили; защита Вердена, однако, сделала энтузиастами и наибольших скептиков.

3. Положение резко изменилось с тех пор, как союзники стали оказывать содействие в вооруженной борьбе с большевиками: эвакуация Херсона, Николаева, Одессы (а также и неизбежно предстоящая эвакуация Крыма) бросают всех нас в об'ятия немцев.

4. Русская буржуазия, интеллигенты, руководящий класс готовы немедленно перейти на сторону немцев, забывая, что эти последние напустили на Россию большевиков и поддержали их.

5. Момент для Франции — критический, так как для всех очевидна неизбежность новых войн, связанных с глубокой перетасовкой государств по мирному договору; прочие союзники не утратили своего престижа в такой мере, как Франция, ибо:

а) англичане твердо держатся в Архангельске, Ревеле и на Кавказе, где они с самого же начала оккупировали край, на что французы до самого конца не решались на Юге России из-за боязни ответственности;

б) американцы помогали лишь, как техники (например, на Сибирских железных дорогах) и там где они работали, — работа была успешна.

6. Единственный способ для Франции поднять свой престиж — это взять на себя смелую и широкую инициативу в создании Международного Комитета для разрешения большевистского вопроса.

7. Этот комитет должен будет:

а) распространять по всему миру правильные сведения о большевизме (сведения эти в одинаковой мере далеки и от той легкомысленно-сочувственной оценки, которую дают большевикам американцы, и от слепоты многих русских, которые видят в этом мировом событии только обыкновенный разбой). Нужно создать мировое бюро прессы;

б) послать в кредит в страны, больные большевизмом, большие стоки товаров, необходимых населению (единственный способ создать в них длительные симпатии к союзникам), и для этого надо заранее изучить условия, которые будут поставлены большевикам: в отношении транспорта товаров, охраны товарных складов, и нормальной работы банков. Принятие большевиками предложенных товаров, — а будут приняты если не все, то хотя бы часть этих условий, — и будет концом их владычества.

8) все эти вопросы подвергнуть теперь же тщательному изучению, дабы быть готовыми, как только наступит благоприятный момент, вступить в сношения с большевиками.

Только учреждение такого Международного Комитета может задержать внимание союзных правительств на этом основном вопросе мирового значения, без правильного разрешения которого конференции мира никогда не удастся создать прочного, длительного мира. Надо помнить, что есть только два способа быстро свергнуть большевиков: либо реальная, а не маргариновая, как до сих пор, вооруженная помощь нашей армии, либо торговля. Первая невозможна, благодаря бессилию современных союзнических правительств сломить сочувствующую большевикам оппозицию рабочих, — надо немедленно организовать и широко обратиться ко второй.

Пишон внимательно слушает; говорит: «разумеется, без победы над большевиками мир не будет прочен». Потом, задумавшись: «кстати, что же такое по вашему большевизм?»

Я: — «C'est le cris de détresse des misereux, exploités par des individus, denoués de tout sentiment de responsabilité (большевизм — это вопль отчаяния обездоленных, эксплоатируемый лицами, лишенными всякого чувства ответственности). Большевизм опа-

сен повсюду, где есть обездоленные, а так как они есть везде, то он и опасен повсюду».

Пишон говорит, что англичане и американцы что то в роде предлагаемого мною предпринимают; хотят везти товар через Швецию.

Говорю, что нужно все обдумать, призвать нас, русских, в качестве экспертов; прошу указать мне лицо в министерстве иностранных дел, которому я мог бы надоедать по этому вопросу. Пишон называет Филиппа Бертелло, которого берется немедленно предупредить.

Любезно провожает до дверей.

Еще одно пустое место.

Читаю в «Матэн», что союзники покинули Перекоп. Из Севастополя устраивают «укрепленный лагерь». Конец Крыму...

Звонил Маклаков. Бахметьев был у американцев; справлялся, признают ли они большевиков, — там ответили, что все это — вздор.

Завтракал с Э. И. Шепердом, — сотрудником банка «Луи Дрейфус и С-ья». Сообщил сведения о Комитете Юденича в Гельсингфорсе. Сперва им руководил Трепов (бывший Министр Путей Сообщения). Чтобы придать Комитету оттенок либеральности, — избрали во главу Комитета Карташева (бывшего обер-прокурора Святейшего Синода во Временном Правительстве). Представители союзников — мелочь, как было и на юге. Денег союзники не дают. Смета была составлена на сто миллионов франков на 6 месяцев, — французы ничего не дают, англичане обещали 12 миллионов франков. Генерал Маннергейм с финнами давно готов взять Петроград, — союзники не позволяют.

В 5 часов пришел мичман Холмский, до сих пор не попавший в Сибирь. Он с капитаном Щербаковым уже три недели путается в Париже. В Америку отказались

визировать их паспорта, как офицеров Колчака; в Англию дали визы (пароход прямого сообщения во Владивосток), но вместо 10-го от'езд перенесен на 17-ое и им телеграфировали, чтобы в Лондон приехали только к отходу. Из Марселя пароходы в Америку не идут. Боится, что когда приедет в Америку (45 дней пути) уже не застанет Колчака. Настроение у русских офицеров здесь тяжелое, боятся ареста всех в один прекрасный день. Просит денег, так как дорога до Владивостока стоит каждому 3.500 франков. За керенки здесь дают 23 сантима.

Был по указанию М-ме Мэнар д'Ориан у профессора Леви Брюль; мил, симпатичен, многое хорошо понимает; одобрил мой проект, но бездейственен, беспомощен. Склонен к социализму, — не человек жизни. Зря потерянный час.

Английские банки списали в ноль все русские долги.

11 Апреля. Пятница.

В 10 ½ с Маклаковым у А. Тома.

Маклаков: С вопросом об интервенции больше делать нечего, идем дальше. Я думаю, что единственный способ бороться с революцией, — это самому ее делать (сказал какой то француз). Надо взять все, что есть справедливого у большевиков, и предложить это самим: лозунг «долой войну» — отпал; «земля крестьянам». — тоже; надо найти другое.

Тома: Мы давно ищем; война многому научила; теперь, напр., право увечных на пенсию выросло, как никогда; прежде давалось единовременно 300 франков; теперь — выдают в течении 3 лет по 2.400 фр. в год. И в других областях гражданского законодательства пошли дальше—роженицам из рабочей среды

прежде давали 60 франков, а теперь — три месяца по три франка в день и т. д.

Я: Все это хорошо для программ политических партий, но пока все они и правительства будут сговариваться друг с другом о социальных реформах, большевики будут укрепляться. Надо начать создание Международного Комитета, — он выработает и программу дня, и большую программу, в которую войдут все социальные реформы.

Тома: Каков состав вашего Комитета?

Я: Представители союзнических правительств, представители политических партий, признающих необходимость борьбы с большевиками, и русские в качестве экспертов по вопросам большевизма.

Маклаков: Правительства вряд ли пойдут, так как американцы не будут работать с Клемансо, между ними черная кошка пробежала.

Тома: Очень встревожен настроением синдикалистов. Клемансо не вечен, но пока он у власти, ни он, ни Пишон его, Тома, ни в какой правительственный комитет не пустят. Он же охотно войдет в такую организацию и будет помогать. Нужно будет подготовить большевикам условия и первое: спросить мнения народа путем Учредительного Собрания.

Маклаков: Я не против Принкипо, но союзники должны поставить условия, на которых они считают для себя возможным работать с кем бы то ни было; тогда и большевики должны будут открыть карты.

Я: Я верю только в практические методы работы — нужно проникнуть в лагерь большевиков; если нельзя этого сделать штыком, то нужно сделать это товаром.

На обратном пути от Тома Маклаков говорил мне, «о Вас тут уже распространили слух, что Вы — сто-

ронник соглашения с большевиками; боритесь с этим, потому что это вредит Вашей работе».

В 12 часов завтракаю с де-Селиньи. Сообщает, что 7 апреля атаман Григорьев вошел в Одессу. Союзники ушли, вошли в Бессарабию; есть слух, что греки пошли на Перекоп. Добровольцы оставили Перекоп. Никто еще не понимает, что раз Одесса в руках большевиков — Черное море не свободно, и скоро подводные лодки помешают снабжению Новороссийска углем и военным снаряжением, помешают и сообщению Константцы с Константинополем. Селиньи считает, что дни Клемансо сочтены, его заменит Бриан, с которым бесполезно говорить теперь, так как он ничего делать не будет в желательном направлении. Он ждет председательского кресла и бездействует. Все во Франции застыло; все устали, никто ни о чем думать не хочет.

В 2½ часа у инженера d'Ornjelm; рекомендован мне Люберсаком. Делец, организовавший за счет французского правительства экспедицию Виллема на Кубань с товаром на десять миллионов франков для обмена. Говорит, что моя затея безнадежна; никто меня слушать не будет; коммерсанты не будут рисковать; правительства заняты другим; англичане и американцы готовы в любой момент признать большевиков. До сих пор имел в виду посылку товаров только в места смежные с большевиками, чтобы, давая мануфактуру, соблазнять население свергнуть большевиков, и не думал еще никогда о торговле с большевиками. Заинтересовался идеей; готов в любое время примкнуть к ней, но указать кого либо, кто бы мог работать в этом направлении, не может.

ГЛАВА II.

ПОПЫТКИ ПРАВИЛЬНОГО ОСВЕЩЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ.

Доклад в «Лютеции». — Русские солдаты во Франции. — В редакциях «Frarıçe» и «Homme libre». — На вечере у Мэнар д'Ориан. — Записка, переданная Бильону для Экономического Совета. — Встреча с Патеком. — Русские в Лиге Наций. — Беседа с Чермоевым. — У Нансена.

12 Апреля. Суббота.

В 5 часов читаю доклад на русской чашке чая в отеле «Лютес». Доказываю, что сила большевиков в бессилии противников. Выводы — нужно организовать в Европе лиц, признающих необходимой борьбу с большевиками, а саму Россию надо замаскировать, поставив вопрос о борьбе в европейском масштабе (днем Бильон чиновник М-ства Торговли, бывший недавно в Лондоне по делам торговли с Россией, сказал: «мне посоветовали для успеха дела, — организации борьбы с большевизмом, — выйти изо всех русских организаций».

В 8 часов на докладе с.-р. Слонима, д-ра Соколова и Савинкова о большевизме.

Слоним ловко, хорошо парирует выкрики большевиков; Савинков патетичен, но мало искренен, не встречает сочувствия, не верят ему. Верит в победу Колчака, Деникина, Юденича, много говорит о родине, презирает буржуазию. В публике не мало большевиков, яростно прерывающих.

13 Апреля. Воскресенье.

Разговор с Z.... Верит в финансовую силу банкового и иного еврейства. Они — все. «Тигром» Клемансо руководит шеф его кабинета — Мандль; президентом Вильсоном — еврей Юз (House), Ллойд-Джорджем — его секретарь-еврей (лорд Сасун). Когда Z ... был 23 года назад в Америке советником русского посольства, делом политической разведки руководил в Нью-Йорке некто Аларовский; один из его агентов следил за еврейской эмиграцией и проследил якобы аффилиацию всего этого еврейства с масонскими еврейскими ложами, в которые входили все богачи евреи: Монтегю, Шиф, Леви, и т. д.; он же добыл подлинник(?) речи Шифа, руководившего в какой-то центральной еврейской ложе русскими делами; там приветствовалось вступление на Престол Николая II, так как в его характере видели все данныя для подготовки революции в России. Масоны, очевидно, помогают евреям: свергнутые монархи — Вильгельм II, Николай II, Карл, Фердинанд Кобургский и Константин греческий — не масоны; их и столкнули (очередь за Альфонсом Испанским). Остались на престолах масоны — Виктор-Эммануил, Альбер Бельгийский, Георг Английский.

В 12 часов пришел Михаил Александрович Михайлов, русский адвокат, комиссар при русской армии, оставшейся во Франции. Рассказал о положении солдат и офицеров, находящихся на учете Франции. Их около 70 тысяч человек (60.000 — во Франции, остальные — в Алжире и на работах в Македонии). Ими ведает бюро в Ловалле (Бретань), с генералом Брюлар во главе. В Париже при штабе генерала Альби (начальник штаба у Фоша) русское бюро с полковником Замбо во главе. От русских в бюро был генерал

гр. Игнатьев, которого и французское, и русское совещание недавно удалило, назначив на его место контр-адмирала Погуляева (оффициальный его пост — советник при Военном министерстве). Желая создать ему положение, Чайковский и генерал Щербачев написали Клемансо письмо, требуя удаления Брюлара и назначения на его место Погуляева. Это не удалось, но из за этого Погуляев повис в воздухе и солдатами никто из русских теперь фактически не занят. Планы русских — достать у французов 800 миллионов франков (из русского золотого фонда в 300 миллионов рублей, отобранных у немцев), уплатить русским разницу между их прежним жалованием и полученным у французов что составит миллионов 50—60, потом одеть, обуть, дать нужные вещи, обучить грамоте и отправить в Россию. Щербачев и Чайковский с этим планом пошли к Клемансо, тот отправил их к министру финансов Клоцу, а этот к Пишону, который их не принял. Так и провалились. Чайковского Клемансо прежде принимал, но в последний раз Чайковский опоздал к Клемансо на час (из за переведенных часов); вышел холодок. Когда приехал Савинков, назначивший в бытность свою министром Временного Правительства Михайлова комиссаром при русском лагере, он сказал Михайлову: «у меня большие планы, и если вы будете по дороге, — я вас удалю. У вас скверная пресса». — А скверная пресса была некоторое время, потому что, как то русский военный прокурор Липовский и полковник Котович посадили в тюрьму солдат-делегатов, посланных с жалобами к Михайлову. Михайлов приехал в лагерь и приказал освободить всех, ссылаясь на права, созданные революцией. Теперь Погуляев признал Михайлова и назначил его заведующим культурно-просветительной пропагандой.

Дела ему все же не дают, жалования — тоже. Просил помочь ему.

Русский политический К-т никем не признается, влияния никакого. Михайлов месяц назад получил телеграмму из Стокгольма от жены Красина, спрашивающей адреса Альберта Тома и А. И. Путилова, — для чего — не знает; думает, для установления торговых связей, которые американцами теперь уже устанавливаются.

В 5 часов был у меня В. В. Топоров — бывший с.-р. потом — к.-д., сотрудник «Речи». Работает с Савинковым в агентстве «Унион». Печатают известия о большевиках, заимствуя их из большевистских газет, которые аккуратно получают американцы.

14 Апреля. Понедельник.

В 9 $^1/_2$ часов был у меня М. Н. Холмский — несчастный капитан Щербаков в жару—40^0; не может ехать в Лондон; Холмскому обещали достать несколько тысяч франков за счет Денисова, пока не дали. Эмиссар Колчака собирает с мира по нитке.

В 10 часов — Семенов (сын старого литератора) интервьюирует меня для «Petit Parisien» говорю о событиях в Одессе и Крыму без прикрас. С грустью замечает: «вряд ли напечают».

В 11 часов у Пютца — редактора «Франс», натыкаюсь на заседание правления газеты. Суб'ект с розеткой Офицера Почетного Легиона развязно спрашивает: «что же это в конце концов такое большевизм и как с ним бороться?».

Злюсь, хочу сказать: «попробуйте, узнаете», но сдерживаюсь и заявляю, что напишу об этом, если «Франс» поместит. Обещает. Попутно другой суб'ект заявляет, что во всем виноваты американцы, не желав-

шие дать Одессе продовольствия, а теперь, когда туда вошли большевики, послано три парохода с провизией.

Я: До тех пор, пока во всем будут виноваты американцы, я не вижу способа спасти положение; доля вины французов, как и нашей, тоже велика.

Расходимся холодно, — ясно, что не напечатают. Надо поправлять за завтраком с этим Пютцом.

В 5 часов у Берние — главный редактор «Homme libre». Даю ему заметку о русских делах, заканчивающуюся обоснованием необходимости создания Международного Комитета; говорит, что-надо будет тщательно пересмотреть, так как на все, что у них в газете появляется, смотрят, как на мнение и решение Клемансо, основателя газеты. Поручает одному из сотрудников познакомиться и поговорить со мной.. Попутно ругает американцев: «Вильсон мечтает сделаться когда-нибудь президентом всемирной республики». Я говорю: «так как таково же мнение у Ленина, то нужно, чтобы разумные люди стали между ними, — как раз этого то не хватает, почему я и предлагаю это организовать».

В 9 часов у М-ме Мэнар д'Орнан в ее особняке. Звала меня, чтобы познакомить с Брантингом; думал найти там маленький кружок и хорошие разговоры — оказалось человек 60 в небольшом салоне — истинный Вавилон, все языки и народы. Русские сбились в кучу — Авксентьев, Зензинов, Аргунов, Струве, Долгополов, Минор, Слоним, кн. Львов, Вырубов, Антов, Савинков. Кн. Львов рассказал, что был с Коноваловым сегодня у Клемансо; был встречен неприязнено; Клемансо сказал, что ничего французы не могут и не сделают, что из Севастополя тоже убирают французских солдат, которые, не зная из за чего, не хотят оставаться в России, что приняты меры для эвакуации жителей из Крыма.

Долгополов сообщил, что Вильсон, Ллойд Джордж и Орландо уже подписали взаимное соглашение о признании большевиков, но что в среду заканчиваются в английском парламенте прения по русскому вопросу и Ллойд Джордж либо возьмет свою подпись обратно, либо распустит парламент (и в эту ерунду верят!). С другой стороны, приехал из Лондона профессор Гарднер и говорил Авксентьеву, что англичане решили широко помогать русским, — снабжением и деньгами.

Авксентьев просил Тома облегчить Керенскому его приезд в Париж. Французы в Лондоне не дают разрешения. Тома обещал и попутно говорил: «что вы, русские все здесь суетитесь — это не дело; возьмите несколько человек, соберите несколько дельных французских депутатов, через них давите на правительство — делайте дело». Не дурной совет: давить на французов, во главе которых — Клемансо!

Гокие замечает: «я завидую русским — им уже нечего терять, а мы, французы, только что начинаем путь на Голгофу. И подумаешь, что все нам можно было иметь: и победу использовать, и занять блестящее положение». Шутя спрашиваю Тома и Лафона: «ведь вам обоим плохо придется при большевистском движении, вы это сознаете». — Отвечают: «удерем к вам, в Россию».

M-me Лафон (русская) говорит мне, что американцы решили послать в Россию через Сибирь земледельческие орудия и хлеб, хотят все распределение держать в своих руках и работать с кооперативами. Обещала свести с американцами. Познакомился с Вандервельде. M-me Пети знакомит с Пелисье, интересующимся Энно, которого обвиняют в том, что он делился со своим секретарем Черкалем деньгами, полученными

за вывоз буржуазии из Киева. Протестую. Генералу Сарайлю рассказываю настроение войск на юге; он говорит: «виноваты офицеры». Когда я называю Фредамбэра, он кривится и замечает: «знаю его — он ведь был в том самом 40-м полку, о поведении которого на «Тигре» вы мне рассказываете». Обвиняет правительство, которое с 1917 года не давало отпусков Восточной армии и задерживает зря солдат при демобилизации.

Спрашиваю Брантинга, как им удалось удержать Швецию от большевизма? Говорит, что исключительно сообщением точных сведений об ужасах Москвы и Петрограда.

Говорю с А. Я. Шульгиным, украинским представителем в Париже; он, волнуясь, заявляет, что он и Винниченко были против самостийников и долго с ними боролись, но теперь нет России и они имеют право созидать Украину, как находят нужным, и для созидания ее Россия им не нужна; если бы они могли быть уверены в том, что Новая Россия будет федеративной, они пошли бы с ней, а с монархической им не по пути. Все окраинные и народные правительства стоят на той же точке зрения; все друг друга понимают и без России обойдутся. И пока могут, будут работать именно так. Все же соглашается позавтракать со мной в пятницу и продолжать разговор.

М-me Мэнар пообещала познакомить с Брианом, — может быть с ним чего-нибудь добьюсь.

15 Апреля. Вторник.

В 4 часа у Бильона в Экономическом Совете Союзников. От близкого к Вильсону человека он знает, что Вильсон не думает признавать большевиков. Просил у меня программу, как ввести в Россию товар так, чтобы

помочь населению и не укрепить большевиков. Продиктовал ему такую программу:

I. Потребовать для всех торгующих и их агентов и помощников: а) неприкосновенность личную; б) склады для товаров и лавок; в) перевозочные средства в городах; г) право бесконтрольных телеграфных сношений; д) право привезти грузовики и бензин; е) право привозить все средства для ремонта паровозов и вагонов; ж) право работы в железнодорожных мастерских; з) право реквизиции топлива для паровозов.

II. Право нанимать к себе на службу красногвардейцев для охранной на складах службы и право ставить над ними своих унтер-офицеров и офицеров.

III. Право открыть все иностранные банки для всех операций иностранцев и их русских контрагентов.

IV. Обменить товары на сырье и принимать в уплату русские государственные ценности условно — до оплаты первых купонов; принимать в уплату золото и платину.

V. Продавать только из собственных магазинов и через кооперативы, к наблюдению над которыми допускаются иностранцы.

VI. Параллельно — бесплатное питание детей и больных через Красный Крест и другие союзнические благотворительные организации.

Обедал с Г. Л. Кирдецовым и банкиром Х..., приехавшими из Гельсингфорса. Х... не верит в то, что Юденичу удастся получить деньги и войско; больше рассчитывает на какую то сделку с сербами, якобы обещающими до 60 тысяч человек.

16 Апреля. Среда.

В кафе Вольтера собрание русских журналистов,— крупных имен нет; обсуждают вопрос о помощи оставшимся в России журналистам. Говорю: «никак не по-

можете, денег нет у Вас, да никто Россией не занимается теперь».

Сведения в вечерних газетах о речи Ллойда Джорджа в палате Общин: никакой интервенции не может быть, было бы безумием вмешиваться — пусть большевизм сам по себе вымирает.

17 Апреля. Четверг.

Из Гельсингфорса сведения — учреждена директория: Карташев, Е. И. Кедрин, В. Д. Кузьмин-Караваев. Ах, ты Русь моя... Неужели нет другого выхода — либо большевики, либо кадеты!

Встретил бывшего присяжного поверенного в Варшаве, Патека. Очень горд своей теперешней работой; говорит, что Падеревский был избран в Польше президентом, как беспартийный; он с большим именем на Западе, особенно в Америке, где у него много друзей, благодаря его концертам. По поводу большевистского засилия говорит: «боюсь, что большевики вызовут у Польши выкидыш до того, как дитя ее государственности созреет до жизнеспособности». Поляки принимают меры к борьбе, и Пилсудский уже в Вильне. Антибольшевистский фронт будет там. Работать трудно, отчасти из-за евреев: поляки где то расстреляли 30 большевиков, почти все оказались евреями, — а поляков обвинили в том, что они устроили погром. Как все это просто — бедные поляки!

18 Апреля. Пятница.

Был в 2½ часа у финнов — профессора Хирна и Торнгрэна, хотел узнать их отношение к Юденичу; говорят, что мало осведомлены. На вопрос: не хотят ли они захватить Мурманскую дорогу, Торнгрэн пока-

зал на финской карте их программу максимум — она захватывает дорогу и минимум — захватывает северное побережье Колы почти до Мурмана.

Хирн протестует против приписываемой финским белогвардейцам отдачи финнских красноармейцев (50.000) в немецкие каторжные работы — этого никогда не было, хотя и были ненужные жестокости при усмирении. Сегодня получена телеграмма, что в Гельсингфорсе и Выборге открыт большевистский заговор. Их также пугает новая Палата Депутатов: в ней 40% социалистов и 20% представителей мелкого крестьянства, часто идущих с социалистами.

Встретил Чермоева, — председателя делегации горцев; говорит, что инородцы согласны на федерацию, если Россия ее признает.

Видел Лунца, который был на заседании Лиги Прав Человека, где Олар, M-me Мэнар и другие, пригласив на совещание по русскому вопросу Маклакова, Стаховича, Союз Возрождения и Республиканскую Лигу, пытались об'единить по русскому вопросу их под общим от всех русских организаций воззванием. Ни до чего не договорились, избрали комиссию для выработки согласительного текста.

19 Апреля. Суббота.

В 10 часов у Чермоева. Говорит, что он с правительством, и удержал горцев от большевизма угрозой, что большевики посягнут на их национальные обычаи, на их адаты, на шариат; обещали землю раздать (помещиков у них мало). И горцы с ними против большевиков; теперь же, когда Деникин, после взятия Владикавказа, поздравил Ляхова со вторичным завоеванием Горного Кавказа, большевики заявили горцам, что Деникин посягает на их национальную независимость и

обычаи, а они, большевики, признают и обеспечивают их; горцы колеблются.

Пришел А. Д. Марголин и сейчас же в трех словах сговорился с Чермоевым о том, что только самостийность может быть девизом окраинных правительств и от нее уже можно будет перейти к федерации. Решили созвать всех инородцев и окраинцев, создать союз и тогда разговаривать с союзниками. Назначили собрание на завтра. Понимают все они друг друга с пол слова. Жаль, что не было Милюкова при этом. Встретил, выходя, Савицкого, — ругает французов. Если бы они не водили кубанцев месяцами за нос, вся тактика казаков была бы иная, а теперь на севере Дона все мужское поколение выуживается большевиками.

В 11 часов видел А. И. Путилова. — Все тот же, розовый, бодрый, веселый. Узнав, что я иду к А. И. Гучкову, о приезде которого только что узнал, кричит мне вслед: «скажите Гучкову, что мы никогда не простим ему приказа № 1-й...

В 12 часов у А. И. Гучкова; сильно похудел, как то подался; генерал Д. В. Филатьев рассказывает, что они просидели много времени зря в Салониках и в Риме. С деньгами, взятыми в Ростовском Военно-Промышленном Комитете попались, не меняли в Константинополе и привезли сюда керенки, за которые дают не более 25 снт. Гучков говорит, что у Юденича ничего не выходит и они не знают, что в сущности делать.

В $4^1/_2$ часа зашел к Фритиофу Нансену в «Континенталь». Говорю ему, что он со своим проектом подвозки пропитания в Петроград рискует кормить одних большевиков. Нансен возмущенно отвечает, что и теперь в Петербурге существуют карточки для всех. — Он об'явит большевикам, что никакой разницы в кате-

гориях он не допускает и при первом злоупотреблении прекратит кормежку.

Я: С кем вы едете в Петроград?

Нансен: Я беру с собой иностранцев, живших в России.

Я: При большевиках?

Нансен: Нет.

Я: Вы рискуете быть обманутым, но независимо от этого кормить население нужно так, чтобы одновременно подкопаться под экономические и финансовые устои большевиков; это требует большой и хорошо обдуманной программы, иначе эта кормежка будет иметь вид признания союзниками большевиков и укрепит их позиции.

Нансен: Я ставлю себе маленькую задачу; в Петрограде умирают с голода. Позор для Европы, что она на это смотрит равнодушно.

Я: Позор для Европы, что она смотрит равнодушно на власть, которая морит население голодом. Начинайте с начала, а не с конца.

Нансен: Мне сказали Бахметьев и Маклаков, что на севере нечего есть, потому что железные дороги не могут привезти на север обильные продукты с юга.

Я: Они вам сказали не точно; в деревнях на севере есть хлеб и продукты, но крестьяне его не дают из за большевистского режима.

Нансен: То, что вы говорите противоречит всему, что я слышал. Впрочем, увидим. Я телеграфировал большевикам, что кормить буду только при полном контроле союзников. Жду ответа.

Я: Если вы будете вырабатывать детальную программу, не забудьте о русском, который жил с большевиками и хорошо их знает.

Нансен: Благодарю вас, но я думаю, что мы на месте все выясним и узнаем.

Опять антреприза людей не знающих ни страны, ни режима. Для поездки на Северный Полюс Нансен более тщательно готовился.

В 7 часов обедал с бароном Корфом и американцем Дей.

Прошу американца познакомить меня с теми его соотечественниками, которые хотят завязать торговые сношения с Совдепией; развиваю мою программу подрыва большевиков путем торговли. Опять спорим с Корфом о федерализации России, — он не допускает теперь об'единения окраинных и национальных правительств, пока центр еще слаб, пока нет еще представительства России. Говорю ему: Россия там, где об'единяются две провинции, тяготеющие к России и свободные от большевизма.

В 9 часов встречаю Марголина и Фредамбэра, обедающих в café de la Paix. Фредамбэр называет Марголина «Петлюрòвски» весел, сознает, что роль, которую сыграл в Одессе — мало почетна. Говорит, что приказ об эвакуации Одессы получил 2-го, об'явил его 3-го апреля. Григорьев вошел в Одессу 6-го, а войска ушли 7-го, причем Фредамбэр вел с большевиками переговоры о том, чтобы не трогали добровольцев, что ему и удалось. Добровольцы, по его словам, ушли по рангу — сперва генералы, потом полковники и т. д. По его словам, в Одессе было 2.500 солдат добровольцев и 1.100 офицеров — большинство генерального штаба. Он, Фредамбэр, не дал им парохода и предложил итти пешком в Бессарабию, как пошли французские и греческие войска. Он будто бы устроил на транспортах 15.000 мест в Новороссийск, 10.000 в Констанцу и 10.000 в Константинополь. В Новороссийск поехало

всего тысяч 7, но они не были допущены туда Деникиным.

В 11 часов ночи встречаю в таверне шлиссельбуржца, С. А. Иванова. Жадно допрашивает Марголина об Украинцах, упрекает их и всех инородцев, что не выравнивают фронта перед большевиками, слышать не хочет о федеративном об'единении местных инородческих правительств как и Корф, пока не готова Россия. — «Заявите, что вы федералисты, и ведите переговоры с Россией» — предлагает он Марголину.

Я: Где Россия?

Иванов: Ведите переговоры с Северным правительством и Сибирским, здесь Чайковский и Сазонов.

Я: Пока речь идет о борьбе с большевиками, Чайковский и Сазонов могут представлять Сибирь и Север, но для федерирования — они фикции; нужен какой нибудь орган, — об'единяющий местных людей, — представляющих местные вожделения в роде земских людей, что ли. Чайковский и Сазонов — люди приезжие, для местных вопросов — случайные, никаких полномочий ни от кого, правомочного их дать, не имеющие.

Иванов: (сердится). Но ведь они представители правительства!

Та же история, что с злосчастным Учредительным Собранием, где один с.-р. изображал моряков Черного моря, другой — русскую армию Западного фронта, причем, ни тот ни другой ничего общего не имели ни с флотом, ни с армией.

ГЛАВА III.

ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ.

А. И. Гучков.—Беседа с Саблиным.—Сведения Шателена об эвакуации Одессы. — Рассказ Роговского. — Денежный проект А. И. Путилова. — Эрик Плум. — Сведения о Сев. Западном фронте. — Савинков. — У главы эстонской делегации. — Встреча с Керенским. — Беседы с Савинковым. — У ген. Головина и Геруа. — Беседа с А. И. Коноваловым. — 1-ое Мая в Париже.

20 Апреля. Воскресенье.

Завтракал с А. И. Гучковым и Д. В. Филатьевым. Тон пониженный, унылый, слабая надежда на успех. Гучков собирается в Берлин, рассчитывая на немецкие связи чтобы попробовать извлечь хоть что нибудь из состава русских военнопленных для организации северной армии. Замечаю, что деньги все же нужно достать у союзников. Французы ничего не имеют сами и не дадут; надо попробовать у англичан; а что сулит их общая политика, развяжет ли им руки для материального вмешательства в русские дела или нет, — судить трудно. Сходимся на том, что нужно пробовать извлечь людей и из Франции, и из Греции, и из Германии.

Филатьев сообщает, что по слухам в Екатеринодаре перемены: устранены Лукомский и Драгомиров, во главе Совещания — Кривошеин. Странный способ укрепить

UNION des COMIQUES
216, Bd Raspail, 216
PARIS XIV

в союзниках веру в демократичность Деникинской организации!

В 5 часов на приеме в посольстве. Приехал С. А. Шателен. Он видел в Букаресте лиц, эвакуированных из Одессы, — говорит, что французы взрывали снаряды, топили автомобили, жгли свои аэропланы. Приехал Е. П. Ковалевский (член Государственной Думы, октябрист); уславливаемся собрать здесь Совет Государственного Об'единения.

По словам Авксентьева, Керенскому французы отказали в разрешении на в'езд в Париж.

Беседовал с Саблиным, (бывшим советником нашего посольства в Лондоне, здесь заведует бюро прессы при политическом совещании). Мнение Саблина, что политическое совещание мало авторитетно и мало действует. Кн. Львов почти не говорит по французски (да и по русски он всегда речи читал по бумаге); говорит дельно Бахметьев (его и Савинкова редактор «Таймса» Стэд ставит высоко); авторитетных людей для Европы в нем нет; на всех смотрят, как на реакционеров (Сазонова Вильсон до сих пор ни разу не принял; Ллойд Джордж тоже, кажется, ни разу; Клемансо и Пишон приняли очень не скоро). Беседа Львова и Коновалова (П. Л. Барк тоже был при этом) с Клемансо была по вызову последнего, а не по просьбе Львова. По словам Барка, сцена была отвратительная; Клемансо кричал, Львов молчал, и русские ушли, ни слова не ответив грубому премьеру.

Парижское Совещание решило признать правительство Колчака Всероссийским Правительством, возлагая на это признание огромные надежды. Я сказал, что ничего оно не даст, так как совещание — не всенародный, власть создающий, орган, а случайное сборище более или менее (скорее менее, чем более) попу-

лярных эмигрантов; оно еще больше возбудит окраинные правительства против центра, и вряд ли союзники в нем увидят то правительство, отсутствие которого, по словам Ллойд Джорджа, в его последней речи, является главным препятствием к оказанию помощи России.

Получена телеграмма из Архангельска от генерала Миллера. Войска английские и американские плохи и деморализованы; местные русские — тоже; рассчитытывать на них нельзя; просит о присылке русских офицеров.

По поводу бывших в Лондоне манифестаций и парламентских речей в связи с от'ездом добровольцев в Россию Саблин беседовал с Никольсоном (сыном бывшего английского посла в России и сотрудником лорда Гардинга). Никольсон сказал: «не придавайте значения этому парламенту, он не выражает общественного мнения, он выбран во время и под влиянием победы — Ллойд Джордж с ним очень мало считается». Вчера пришло известие, что английские парламентарии посылают сюда делегацию из нескольких лиц, чтобы поговорить с совещанием о помощи русским.

21 Апреля. Понедельник.

Рассказывают, что в Лондоне теперь большое увлечение Колчаком — дамы в бутоньерках носят жетоны с его портретом, провожают добровольцев и т. д.

Встретил А. И. Гучкова, в потертом непромокаемом плаще, плечи опустились, похудел, серый, незаметный, с потухшими глазами...

Был в 5 часов у Шателена; рассказал, что Бернацкий ничего не предпринял с одесскими деньгами при эвакуации Одессы, и большевикам, вероятно, досталось все, что было в государственных и частных банках —

свыше полумиллиарда. А как я умолял Бернацкого дать несколько миллионов на заграничную пропаганду, предупреждая, что он бережет деньги для большевиков! Когда Шателен говорил Бернацкому в Одессе, в марте этого года не задолго до эвакуации, что нужно проявить некоторую заботливость об Одессе, дабы население видело, что Екатеринодар о нем думает, Бернацкий ответил, что приехал только для налаженія печатания денег для Деникина. О Лебедеве Бернацкий сказал: «он у нас в Екатеринодаре — bête noire". Когда Франшэ д'Эспере приехал в Одессу 17 марта, он не скрывал своей несимпатии к России и своего нежелания ей помочь, но прибавил, что, как военный, будет строго исполнять приказы, данные свыше. Бернацкий очень хотел проехать в Париж (Фредамбэр мне тут сказал, что не дал ему паспорта). По сведениям приехавших из Букареста беженцев, бежавших из Одессы, 6 пароходов с беженцами было отправлено из Константинополя на Констанцу, откуда румыны отправили их в Тульчу, откуда их вновь собирались отправить в Севастополь.

Встретил профессора Хирна. В Гельсингфорское правительство (старое было выбрано палатой депутатов, из которой были исключены все социалисты, как сочувствующие красному террору) попали лишь аграрии (представители мелкого землевладения) и прогрессисты левого толка. Ни один консерватор не попал. Хирн боится очень левого направления, сочувствующего большевикам.

Встретил в кафе с.-р. Е. Ф. Роговского. Авксентьев сделал его Петроградским градоначальником в 1917 году, потом Товарищем Министра Внутренних Дел в Уфимской Директории. Рассказывает: «В Сибири в крестьянстве не было большевиков и молодые годы шли

в набор, как старые; из старых приходилось посылать иногда карательные экспедиции на Волгу, где большевизм был, приходилось даже артиллерию пускать в ход».

23 Апреля. Среда.

В 11 часов А. И. Путилов рассказывает мне подробно свой проект Эмиссионного Банка в Париже с пол-миллиардом франков для начала этой операции на Юге России. Французы пошли на этот проект с восторгом. Бертелло (Филипп) созвал крупнейшие банки, все согласились и директора Banque de Paris et des Pays Bas вырабатывали вместе с Путиловым форму русского франка. Идея такая: французы покупали для своих войск продовольствие и вообще расходовали на юге 40 миллионов рублей в месяц. Покупая рубли, они поддерживали большевистские деньги. Вместо этого все платежи они должны были бы совершать русскими франками, которые охотно бы принимались населением и на которые охотно продавали бы товар и сырье. Выгода французов, — лаж, который установился бы на эти деньги. Выгода русских, — понемного вытеснили бы местные русские деньги и исчезла бы денежная неразбериха. Курс на валюту тоже сделался бы однообразнее и выгоднее. Против всего этого восстал Б. А. Каминка, который убедил русское совещание, что вся эта затея есть умаление финансового суверенитета России и игра на понижение рубля, и совещание отказалось от предложения, заявив, что оно примет меры к запрещению в России этого русского франка. Колчак даже будто бы издал такое запрещение. Пришлось все бросить. А между тем англичане ввели такой русский франк на Севере и на Кавказе, американцы и японцы — в Сибири. Путилов бросил ходить в финансовое совещание. На

финансовой конференции выслушивают доклады профессоров о том, как в будущем построить русские финансы и т. д. — практического ничего. Вообще люди государственного дела только в двух группах — среди старых монархических деятелей и среди большевиков. Путилов не верит в дальнейший успех Колчака, ибо англичане не заинтересованы непосредственно в Сибири, чтобы помогать Колчаку; кроме того, у них будет много возни с Египтом, Индией и Ирландией. А американцы не особенно торопятся уничтожить большевиков. Верит, что большевики перерабатываются; видит залог этого в людях, как Красин, которого считает очень умным и способным; он работает у большевиков над спасением их экономики и финансов, приближением их к европейским. Парижское политическое совещание с комиссиями обходятся в 270.000 франков в месяц; деньги дали банки (и он в том числе) и французское правительство — больше он денег не даст на эту пустую затею.

Завтракаю с Евграфом Петровичем Ковалевским. Он был в Болье, приводил в порядок виллу М. М. Ковалевского и его богатейшую библиотеку. Должен часть ее продать, чтобы выплатить завещанное Джидженте (итальянке, подруге последних лет Максима Максимовича).

Авксентьев говорит, что у него утром был кн. Львов и сообщил, что Керенскому Пишон разрешил в'ехать в Париж. Кроме кн. Львова у Авксентьева был генерал Гермониус и Гарднер, — ухаживают, боясь его противодействия решенному политическим совещанием признанию Колчака Всероссийским Правителем. Обеспечено на это согласие Чайковского и Деникина. Приедут 25 членов английской парламентской делегации, к

их приезду торопятся создать в Париже единое Всероссийское Правительство! Не то дети, не то...

24 Апреля. Четверг.

Иду к финнам; Торнгрэм ничего не знает, что делается в Гельсингфорсе — 5 дней без телеграмм; новое правительство его беспокоит, хотя Маннергейм остается регентом (Штатгальтером, королевство без короля).

Завтракаю с контр-адмиралом С. А. Посоховым, датчанином Эриком Плумом. Говорим о датском комитете борьбы с большевиками. Он основан коммерсантами, имеющими интересы в России, имущество в Петрограде (по словам Торнгрэма, движение в Лондоне поднято петроградскими фабрикантами — англичанами). Имеет ли средства комитет — Посохов точно не знает, думает, что имеет. По словам датчанина, все попытки получить поддержку в совете 4-х кончились неудачею. Их план помочь Юденичу и использовать провизию, которую привез Нансен, чтобы войти в Петроград одновременно с винтовками и провизией; в попытке этой норвежцы и шведы принимают весьма слабое участие.

Посохов рассказывает, что в Швейцарии предпринимается такая же попытка. Есть комитет снабжения обувью, одеждой, продовольствием для той же цели.

Встретил Кирдецова, приехавшего из Гельсингфорса; у него утром было совещание с Савинковым, Чайковским, эстонцами и финнами о совместном движении на Петроград. Эстонцы пока не соглашаются. Положение их и финнов, по словам Кирдецова, скверное. Энкель, представитель Финляндии, до сих пор Пишоном не принят (за 4 недели).

Сегодня формальное столкновение Орландо с Вильсоном по вопросу о Фиуме. Орландо собирается поки-

нуть Париж. На 28-ое ждут немцев,— все это отбрасывает на 10-й план русский вопрос.

Кирдецов рассказывает о положении дел у Юденича. В его комитет кроме политических деятелей, входят четыре промышленника: С. Г. Лианозов, П. П. Форостовский, В. П. Шуберский и Сенютович-Троцкий. Планы таковы: у Юденича тыс. 2½—3 офицеров; в эстонских рядах сражаются еще тысячи 2—3 русских офицеров и солдат; в Финляндии можно среди русских набрать также тысячи две; итого 6—7 тысяч. Шведы готовы дать тысячи две солдат, видя в свержении большевиков защиту Швеции от них. Если эстонцы дадут дивизию, чтобы помочь захватить Псков, тогда туда переходит Юденич со Штабом и начинает наступление на Петроград, получая поддержку снаряжением из Ревеля. Эстонцы за поддержку требуют от комитета письменного обязательства, что он добьется признания их независимости от союзников. Финны требуют за занятие Петрограда, часть Карелии и Ладожского озера, часть Мурманской дороги. Есть надежда, что союзники повлияют на Эстляндию, которой командуют русские офицеры (Эстонского происхождения), считающие себя русскими, а она поможет занять Псков; насчет денег — не твердо, так как англичане больше пол-миллиона фунтов не дают, да и то сомнительно.

Кирдецов смотрит оптимистически, ибо при докладе его сегодня американской делегации на конференции мира, они задавали вопросы в реальной плоскости, — а именно, сколько дать пушек, снарядов, пулеметов и т. д. Необходимо одновременно с движением Колчака обеспечить движение Юденича, чтобы не дать колчаковскому царизму, если он подойдет к Москве, стать основой нового строя.

Я указываю, что антураж Юденича менее демократичен, чем Колчака, который пока что окружен умеренными социалистами.

25 Апреля. Пятница.

В 10 часов у датчанина Плума. Стоит во главе мировой торговой фирмы. Вся работа Копенгагенского Комитета борьбы с большевизмом пока только ограничилась пропагандой в печати против большевиков и высылкой из Дании русских военнопленных, большевистски настроенных. Небольшевистски настроенные военно-пленные остались в Дании в количестве 3—4-х тысяч. Но вряд ли датское правительство разрешит обучать их на месте военному делу для использования их на Севере. Их комитет (Копенгаген) денег еще не собирал, но вся Скандинавия могла бы дать миллионов 20 крон, если бы была уверенность, что будущее русское правительство уплатит их с 6% и притом в первую очередь. Кто может дать такое обязательство, — не знает сам. Будет говорить с австралийским премьером Юзом и просить его взять на себя в Лондоне инициативу серьезного и немедленного вмешательства в операции на Севере. Говорили о рекламном характере известий, приходящих из Сибири — большие победы, чуть ли не каждый день, смущение у большевиков и т. д. Контр-адмирал Посохов видел жену Колчака здесь в Париже, она говорит: зная характер мужа, не допускает преувеличения в известиях, которые иначе также ее беспокоили бы.

В 3 часа заходит А. Л. Цитрон, петербургский присяжный поверенный. Сегодня на бирже, благодаря сведениям об успехах Колчака, сильная игра на русские бумаги, которые невероятно вскочили. Цитрон был у Нансена, сказавшего ему, что все русские, кроме Гуч-

кова, оттоваривают его ехать кормить Петроград. «Когда мы нападали на моржей, — говорит Нансен, — они больше защищали свои семьи, чем вы, русские, вашу родину». Спрашивал Цитрона, каковы мои политические взгляды; думал, что я противлюсь его планам, как сторонник старого режима.

В 5 часов еду на русскую чашку чая в кафе Вольтер — почти никого нет, никто не докладывает. Г-жа Сталь (Анна Марковна) говорит, что на первом чае было свыше 100 человек, что необходимо, чтобы члены русского совещания делали доклады. Из членов его ходят на чашку чая только Иванов и Ефремов, однако, они наименее осведомленные. Чаи провалились...

Сегодня в „Information" Тома, давая отчет о конгрессе социалистов в провинции, договорился до следующей формулы диктатуры пролетариата — „c'est la république démocratique" это демократическая республика).

Сегодня Украина (подписал Сидоренко), Грузия (подписал Чхеидзе), Эстония, Финляндия и Латвия написали Вильсону, что они признали самостийность друг друга и просят Конференцию Мира признать их в свою очередь. Недурное основание для международного признания!

26 Апреля. Суббота.

Завтракал у д-ра М. с Савинковым и ад'ютантом сербского короля. Савинков говорит о Пуанкарэ: «у него два больших качества — он умеет вас слушать и дает отчетливые ответы». Дважды был у короля сербского и про него говорит: «он больше, чем политический человек, он — человек; к примеру — он дважды пригласил меня к себе без ходатайства с моей стороны; значит, он человек без политических предрассудков».

Рассказывает, что глава эстонской делегации Пипп требовал признания независимости Эстляндии за помощь России; с эстонцами можно было разговаривать, а вот латыши требовали того же, бия кулаком по столу. Верит в победу Колчака к осени; у Колчака есть, наконец, армия в несколько сот тысяч человек; снабжения союзники дают не много, но много они отнимают у большевиков. Японцы дают снаряжение и Колчаку и большевикам. Колчак оказался большим дипломатом; начав с переворота, он не только сохранил в своем правительстве с.-р.-ов, но популярен и среди народа. За эти месяцы не сделал ни одной политической ошибки, а это было очень трудно. Движение на Петроград нужно также поддерживать, — оно может дать ключ к развязке.

Приехал Керенский.

28 Апреля. Понедельник.

В 10 часов был у Оланьон (влиятельный француз в министерстве Иностранных Дел и Финансов; в России работал много лет на Брянском заводе). Спросил его, можно ли рассчитывать на Францию, для оказания финансовой поддержки Юденичу. Сказал — нет, если Англия не согласится, да — если Англия, согласившись потребует участия Франции в кредите. Франция дала России на войну 4 миллиарда франков, Англия — 14 миллиардов, даст и еще, но и возьмет много. В числе 17 миллиардов французских денег в русских бумагах есть много денег сберегательных касс. Когда пройдут основные вопросы и мир будет заключен, французское правительство не сможет не заняться этими деньгами. Клоц, министр финансов — ничтожество, которое терпят только потому, что нельзя менять правительства в такой момент. О Клоце Клемансо как то сказал:

«из всех евреев Франции лишь один не имеет понятия о финансах — это мой министр финансов Клоц».

В 3 часа был у Пушта, члена эстонской делегации; спрашиваю, почему они требуют от русских признания их независимости? Потому ли, что иначе они не могут (как говорят грузины) избавиться у себя от большевизма или потому, что они действительно рассчитывают со своим народом в 1.700.000 человек и маленькой территорией иметь возможность существовать, как независимое государство.

Пушта: Наш народ не может примириться ни с чем, кроме независимости. Разумеется, если будущая Россия будет демократической и свободной, то конфедерация с ней вполне возможна, но разговаривать с Россией мы хотим только, как равные с равными...

Я: Что же вам обещали теперь?

Пушта: Савинков и Чайковский обещали телеграфировать Колчаку, предложив ему признать фактическую независимость Эстонии. Мы запросим свое правительство, но я убежден, что оно таким признанием не удовлетворится.

Я: А какое значение имело бы для вас полное признание со стороны Колчака? Ведь для того, чтобы оно имело значение, нужно чтобы Колчак победил большевиков; чтобы, победив большевиков, он остался у власти; чтобы власть его была сильнее воли Учредительного Собрания, которое может не согласиться на отделение от России многих ее частей.

Пушта: Но все же, если влиятельные в России партии признают нашу независимость, она будет признана и всеми впоследствии.

Я: А где сейчас такие группы и партии? Не лучше ли вам быть реальными политиками? Ведь, если большевизм не будет сломлен в России, то и ваша свобода

погибнет. Так не разумнее ли вам, не требуя слов от людей, не могущих дать никаких гарантий, кроме словесных или письменных обещаний, драться с нами за завоевание Петрограда, что будет гибелью для большевиков? Верьте, этой услуги никто не забудет. Это сильнее обещаний Колчаков и др.

Пушта: Да, я думаю, что есть правда в том, что вы говорите. Вообще, я удивляюсь, как никто из Политического Совещания до сих пор не говорил в Ревеле с нашим правительством, а это проще, чем здесь с нами разговаривать.

Об эстонских силах говорит: мы мобилизовали 60.000 человек, если нужно, можем еще мобилизовать 20 — 30 тысяч. Я получил недавно запрос от адмирала Погуляева, в каких портах Юденич может высадить 12—15 тыс. человек, которых он рассчитывает иметь для движения на Ревель. Все это ерунда, разве только есть надежда на немецких военнопленных (по словам Оланьона их в Германии до 500.000 человек и так как их союзники больше не желают кормить, то придется их пустить на все четыре стороны).

В 4 часа зашел к Фундаминскому и встретил у него А. Ф. Керенского. Землистый цвет лица, глубокие морщины на лбу, прищуренные глаза, говорит несоразмерно громко, вибрирующим нервным голосом, возбуждаясь при разговоре, потом быстро ходит по комнате, напевая что то. Все это было и раньше, но сейчас подчеркнуто. Говорит: «пять месяцев я отстранялся от дел, думал, что нибудь осмысленное будет итти на смену большевизму, выжидал, и что же? Идет Колчак без политической мысли, без программы. Чего можно ожидать? Я думаю, что большевизм доживает последние дни, но некем его заменить, и в этом ужас».

Рассчитывает в Париже пробыть дней 10, затем вернуться в Лондон.

Приехал с.-р. С. П. Моисеенко; мы все сидим в столовой квартиры Фундаминских за столом и пьем чай (Авксентьев, Зензинов, Роговский, Моисеенко, д-р Гавронский, Керенский и я). Моисеенко рассказывает о тюрьме (сидел в Бутырках), о расстрелах, допросах, арестах, — все мы слушаем и как будто не было последних двух лет, не был Керенский властелином России, Авксентьев — главою директории; все как когда то, в адвокатской компании, рассказы о тяжелом времени. Моисеенко уехал из Петербурга и Москвы в конце января с. г. Власть большевиков сильно окрепла после террора и взятия приволжских городов. Их боятся и им беспрекословно повинуются. Войска у них настоящие, с железной дисциплиной, офицеры хорошие. Железные дороги функционируют, голод дикий, но он убил всякое сопротивление в городском населении. В Петрограде чисто, чинно и мертво. Едят в общественных столовых, мешечничество продолжается; им занята интеллигенция. Все высшие школы работают, расстрелов меньше, террор затихает. В Москве было расстреляно человек 600, главным образом офицеров. В тюрьме был такой хаос (в Бутырской), что девять смертников долго скрывались в самой тюрьме и их так и не нашли.

Спрашиваю его, как он относится к проекту Нансена? Говорит: город вымирает и с ним вымирает и большевизм — это один из способов его изживания. Правда, если подкормить население, оно станет бороться с большевиками, но это ведь понимают и большевики. Встретил как то Д. В. Философова: скелет; едва передвигает ноги; говорит: «умру, презирая большевиков».

Приехавшие из Одессы рассказывают об ужасах эвакуации: пять дней в Константинополе сидели на пароходе без еды; потом пустили их на берег, но отвели в дезинфекцию, и затем перевезли на Собачий остров.

29 Апреля. Вторник.

В 11 часов у Савинкова. Подробно сообщил о положении у Юденича. Без финнов и эстов считает затею детской, — у Юденича нет никого. Совещание не идет навстречу эстонцам, и он послал от себя телеграмму Колчаку, настаивая на признании эстонской фактической независимости. Если Колчак уверен в победе на Востоке, он откажется итти на встречу эстонцам и финны вероятно, возьмут Петроград без нас, так как с ними сговориться о совместном выступлении почти нельзя; они уже сами идут пока на Карелию, а потом, может быть, и на Петроград. Все надо сделать в один месяц, сильно и быстро; нужно достать в Англии денег и снабжение. Пока все это туго и плохо идет, хотя Колчаку и Деникину англичане, повидимому, широко посылают снаряжение.

Комитет Юденича не внушает англичанам доверия — надо его усилить левыми элементами. Сам он ждет ответа Колчака и согласия на соглашение с эстонцами, чтобы ехать, но не в Гельсингфорс (вероятно в Ревель). Тон его сообщений раздражительный; видно, победы Колчака подняли настроение правого крыла совещания, и Савинков не в фаворе. Говорим о необходимости создания русской буржуазной демократии — республиканской и федералистической. Рассказывает, что в Сибири издан манифест национальной народной партии с этими лозунгами. Очень заинтересован приездом Керенского, — что он намерен делать? Если Авксен-

тьев пойдет с ним и за ним, то погубит себя. Английская парламентская делегация еще не приехала и неизвестно когда приедет.

В 5 $^1/_2$ часов у М. А. Маклаковой, жалуется, что оффициальные визиты ее замучили — на этой неделе три обеда: у гр. Ларош-Фуко, у кн. Львова, у министра Клоца. О движении финнов на Петроград говорит: пусть берут, все равно надо будет завоевывать Финляндию, так заодно отберем и Питер.

Я: — А Вы верите еще в Илью Муромца.

Маклакова — Еще бы, — отдохнул и возьмется за дело, все в порядок приведет (классическая тактика — отсидеться, переждать и ахнуть — а ревматизм и подагра у Ильи Муромца не в счет?).

В 4 часа у генералов Головина и Геруа. Спрашиваю Головина: считаете ли Вы полезным толкать англичан на помощь Юденичу, несмотря на то, что Колчак, может быть, не даст согласия на то, чтобы сговориться с эстонцами в желательном для них духе?

Головин: Все равно, это необходимо сделать, с эстонцами может удастся сговориться, а операции Юденича для Колчака всегда крайне полезны, (по словам Савинкова, Колчак в одной из последних телеграмм об этом просил: Англичане будто бы под шумок посылают все, что нужно и в большом количестве).

Генерал Геруа — (представитель Юденича) сперва горячо заявляет, что Юденичу не нужны ни эстонцы, ни финны, пусть только добудут для него снаряжение и деньги. Сейчас те люди, что у Юденича, ходят босые и голые, и жалования платить им нечем. Через несколько минут, однако, смягчается и заявляет, что с финнами поздно сговариваться, что они уже занимают Карелию и, если захотят, возьмут Петроград и при том без нас. А с эстонцами можно и нужно говорить. В

эстонской армии тысячи четыре русских солдат и офицеров и они все время обростают присоединяющимися русскими. У эстонцев, по его словам, тысяч тринадцать солдат, считая и русских. Можно будет часть армии получить и из Германии из военнопленных. Все об'яснение Геруа несколько путанное. Тут же сидит в качестве советчика по финансовым вопросам Сенютович-Троцкий; заявляет: русских в эстонской армии 8—10 тысяч, а эстонцев всего 20 тысяч вместе с русскими.

Говорю ему: «Зря сидите в Париже, от французов не получите ни копейки». Соглашается, что вообще дела дрянь, денег ни от кого не получить.

30 Апреля. Среда.

Завтракаю с А. И. Коноваловым; как и всегда, расспрашивает о будущем, внимательно слушает, сам не высказывается. Вчера он завтракал с Авксентьевым и Керенским.

Коновалов: Как вы себе представляете будущее России?

Я: Если Колчак победит, он должен будет создавать Россию, опираясь на что либо сильное. Единственно, что у нас сильное — это крестьянство. Они — армия, они — деньги. Опираясь на них, Колчак пойдет на диктатуру со всеми ее последствиями, с террором мести. «Сперва порядок, потом реформы» и т. д. Пуришкевича и Маркова 2-го ждет триумф.

Коновалов: А я думаю, что к власти придут кадеты и кооперативы.

Я: Не скоро, нужно будет расчистить для них место. Кадетский либерализм идет на готовое: создание порядка в анархии ему не под силу.

Коновалов: сообщает две сенсационные телеграммы из Омска (от Сукина и от генерала Лебедева).

Одна говорит, что военные действия приостановились из-за распутицы, нельзя подвозить артиллерии. Настроение войск прекрасное, большевистские возмущения в тылу, на Сибирской дороге, ослабевают. Другая гласит, что вдоль всего фронта на Волге — всюду возмущения и восстания против большевиков. Предлагает уральским казакам отрезать отступление большевикам с юга от Волги. Оренбург обложен, но еще не взят.

Я: Если Колчак дойдет до Волги и там остановится надолго, то ему будет трудно пойти дальше в этом году. Большевики соберутся с силами на правом берегу, перебросив туда войска с южного фронта.

Коновалов: Ничего они не перебросят, да у Колчака сил больше, чем он признает, желая этим не очень тревожить большевиков; (!) Колчак признает тысяч 120, а у него должно быть на фронте не меньше 200 тысяч.

Спрашиваю, как живет, на что рассчитывает?

Коновалов: Не знаю, что мне дальше делать? Фабрика раззорена, где мои компаньоны, не знаю. А работать надо, средства иссякают. Уйти бы подальше от политики.

Я: Не уйдете, отравлены. А, ведь, между нами говоря, если бы все наше поколение политиканов, беспространственных либералов и подпольных революционеров убралось, — Россию можно было бы спасти. Есть материалы здоровой демократии, особенно в той молодежи, что переживает большевизм и даже в тех, кто шел с большевиками, веря в новую эру, но своевременно раскусил их. Вся задача нашего спасения — скорейшее создание здоровой демократии без идиотского славянофильского умиления пред народом и столь же идиотского отвращения к «делу», модного во всех на-

ших литературно-политических участках. Если бы я был помоложе, я пошел бы в кооперативы.

Коновалов рассказал, что для создания издания «Юнион», во главе которого стоит Савинков, имеющего задачею осведомление союзников и пропаганду русских интересов, он начал с того, что дал своих 5 тысяч франков, потом достал у банкиров русских еще 100 тысяч, французских — 100 тысяч (Ротшильд дал 30 тысяч) и 10 тысяч у русского совещания. Денег уже нет ни гроша, с'едены в очень короткое время, а результаты близки к нулю.

В 4 часа у Уайтгауза (секретарь американского посольства в Париже), в отеле Crillon, где вся американская миссия.

Я: Правда ли, что американцы готовы признать большевиков и вступить с ними в торговые сношения.

Уайтгауз: Ложь, правительство в Вашингтоне уже оффициально это опровергло.

Я: А миссия Нансена?

Уайтгауз: Это другое дело, это нужно — ведь нельзя терпеть, чтобы несчастные умирали с голода. Нансен примет меры, чтобы этим не злоупотребляли большевики.

Завтра 1 мая. Буржуазная публика напугана; ждет катастрофы. Прислуга в гостиннице злорадствует и сочувствует большевикам.

1 Мая. Четверг.

Дождь. В гостиннице электричество погашено (и в городе тоже) от 7 до 9 утра. Сапоги, однако, вычищены прислугою, кофе подается только постоянным клиентам, что в дружбе с коридорной заведующей.

Движение в центре сравнительно слабое — масса войск. Вопль Сены, много поломанных решеток вокруг

деревьев. Говорят, у Восточного вокзала была стрельба, есть убитые; поговаривают об общей забастовке на завтра.

Видел Роговского, который рассказал, что группою с.-р. решено создать международное общество для борьбы с диктатурой в России. Программа общества — республика, федерация, Учредительное Собрание, земства и города на всеобщем избирательном праве. Надеются на этой неделе об'явить об его существовании; участие влиятельных иностранцев обеспечено (вероятно, Тома и группа М-м Мэнар). В сущности, это — борьба с Колчаком, признания которого всероссийским правителем добивается политическое совещание.

С другой стороны знакомый банкир сообщил, что синдикат русских банков сговорился с французскими, английскими и американскими финансовыми деятелями о создании Эмиссионного русского синдиката, который будет печатать новый русский рубль с зафиксированным курсом. Этот рубль союзники примут в уплату за продовольствие и снаряжение. Этот рубль будет послан и всем генералам для оплаты жалования и расходов по военным надобностям. При взятии Петрограда весь финансовый аппарат будет передан Государственному Банку. Здешнее правительство или точнее — национальный комитет (это еще что такое?) будет наблюдательным органом за действиями Колчака и других генералов и будет после взятия Москвы и Петрограда влиять на определение строя России.

ГЛАВА IV.

В ЛОНДОНЕ.

От'езд. — Сообщение Ю.И. Гессена. — Русские группы в Лондоне. — У П. Н. Милюкова. — У Н. С. Брасовой. — Доклады в National Liberal Club и в Luncheon Club — Рассказ Г. А. Виленкина. — Русско-Английская Торговая Палата. — Сообщение полковника Махина. — У соллиситора Роней.

2 Мая. Пятница.

Еду в Лондон. Адмирал Посохов приходит на вокзал и сообщает, что Плум был у Юза, австралийского премьера, которому подробно изложил о положении Петрограда и необходимости поддержки Юденича. Юз обещал через неделю в Лондоне подробно поговорить с Ллойд Джорджем. Тщетно.

В Лондоне в 8 часов вечера. В Picadilly Hotel Ю. И. Гессен и А. В. Руманов, посланные комитетом Юденича, и Л. С. Поляков (Литовцев), издающий здесь еженедельник.

3 Мая. Суббота.

Ю. И. Гессен рассказывает о положении дела. Он пять недель в Лондоне, куда приехал от гельсингфорского финансового комитета добывать 1 миллион фунтов для Юденича. В Гельсингфорсе удалось по векселям, подписанным многими известными русскими промышленниками и банкирами добыть в финских банках 2 миллиона марок, на которые существует и

комитет и Юденич со Штабом. Здесь в Лондоне он представил доклад министру финансов и в казначейство, прося разрешить перевести в Гельсингфорс (согласие финского правительства в лице его лондонского представителя имеется) ½ миллиона фунтов сперва, полмиллиона — потом, каковые он просит кредитовать русскому комитету за ручательством русских финансистов в Лондоне (Бененсон, Барух и др.) и русских финансистов в Гельсингфорсе (Лианозов, Грубе, Левин, Субботник, Шуберский и др.). Сперва прием был благосклонный потом дело затормазилось повидимому, вследствие интриг немцев, которые имеют своих агентов в Финляндии, в лице некоторых русских банкиров.

Случайно Гессен познакомился с дядей английского короля, с принцем Баттенбергским, который обещал передать королю записку Гессена о Юдениче и поддержать ее. Тем временем пришла телеграмма Юденича добыть пока хотя бы 25 тысяч фунтов. Гессен заручился согласием местных промышленников выдать эту сумму, но, когда пришло разрешение английского казначейства на перевод ее в Гельсингфорс, здешние русские отказались внести нужную сумму. Дело таким образом остановилось.

Из крупных английских капиталистов, заинтересованных в русских делах, Уркварт (Кыштымский завод) держится группы Э. К. Грубе и Ф. В. Утемана и противится группе Юденича, поддерживая генерала Арсеньева, опирающегося на финских егерей, прошедших немецкую школу.

Некто Лич, также заинтересованный в русских делах, сошелся с национальной демократической группой в парламенте, во главе которой стоит депутат Эдварс; он обещал поддержку группе Юденича. Три дня назад

он устроил совещание, где было человек 40 депутатов и где Гессен и Воробьев (б. председатель Калашниковской биржи) докладывали о необходимости помощи Юденичу продовольствием.

Днем заходил на Fleetstreet, где помещается русский «Комитет Освобождения», руководимый Тырковой, братом ее мужа, сыном ее и каким то Исаевым. Печатают брошюры, «влияют на парламентские сферы», делают «большую» русскую политику в Англии.

По словам Руманова и Полякова, немногочисленные русские разбились на несколько групп: кадеты в «Комитете Тырковой (председатель—проф. Ростовцев), группа самоуправления — Поляков, Морозов — кооператор, Тулин — представитель Земского Союза в Англии, затем Luncheon Club — коммерсанты из Сити, и Национальный Клуб с В. В. Бером во главе. Влияние имеет группа кадетов и группа «самоуправление». но и те, и другие — микроскопическое.

4 Мая. Воскресенье.

Был у Д. В. Соскиса (был секретарем Керенского во Временном Правительстве). Он считает, что помощь англичан пока невелика. Колчаку отсылать отсюда они ничего не должны, потому что во Владивостоке 60.000 тонн военного снабжения. Дело Юденича он считает никчемным. В Финляндии никакого материала для формирования армии нет. Финны враждебны русским, особенно новый парламент. Считает необходимым связать генералов демократическими гарантиями, — потребовать от Колчака созыва Сибирского Учредительного Собрания, организации выборов в местные самоуправления.

5 Мая. Понедельник.

Утром в 10 часов у Милюкова. Свеж, бодр; рассказываю ему подробно обо всех событиях на Юге России; говорит: да, очевидно, деникинское правительство наделало много ошибок. О здешних делах сообщает, что англичане идут на помощь России, но пока еще открыто этого вопроса не ставят. Находит, что Ю. Гессен напрасно убеждает англичан, что петроградская операция легка и требует малых усилий, — он ее считает не легкой и во всяком случае не легко будет удерживать Петроград после его взятия. Считает также мало вероятной затею Лича с посылкой парохода в адрес Юденича.

6 Мая. Вторник.

Приехал С. А. Шателен, которого генерал Головин просил содействовать Ю. Гессену в осуществлении его финансовой задачи.

Сегодня английская палата признала независимость Финляндии. Какая плата от Финляндии? Только ли отрезать связь большевиков с Петроградом по Мурманской дороге или Петроград взять, как гнездо большевизма, тревожащего и Англию? А то, может быть, и ничего для России? Здесь никто ничего не знает.

Ю. Гессен получил 1.000 фунтов для Юденича от Русского Национального Клуба. Клуб выпустил декларацию, в которой считая необходимым тесное единение с православной церковью и ея главой — патриархом Тихоном и признавая за всеми народами, населяющими Россию, равное с русскими право и свободу, предоставляет, однако, право одним лишь державным великороссам определить для всех пределы этих прав и свобод. В беседе Гессен вспомнил, что его предупреждали, что в числе антагонистов Юденича—генерал

Пуль, который имеет с ним какие то счеты по кавказскому фронту 1916 года.

В 9 часов Ю. Гессен с А. Румановым, П. Милюковым и С. Шателеном были у генерала Головина. Головин сообщил, что Колчак ассигновал для Юденича 10 миллионов, но перевести не может, пока в Париже не будет решен вопрос о валюте для России; что способ, предложенный Ю. И. Гессеном: англичане дают финнам один миллион под учет векселей русских банков, с условием израсходования его финнами в Англии, а финны дают этот миллион (50 миллионов финских марок) Юденичу — единственный возможный; просил его составить краткую записку на завтра для военного министра. Милюков также надеется на успех. Редактирую для Гессена эту записку.

В 11 часов приехал Марголин, рассказал, что французы решили послать на Украину военную и торговую промышленную экспедицию с Фредамбэром во главе, обещали оружие и пушки, но требовали письменной просьбы от украинской миссии о посылке экспедиции. Сидоренко и Шульгин отказались, Марголин соглашался, просьбы не написали. Неужели французы в серьез хотят теперь, после жестокого провала, оккупировать отведенную им область влияния? С поляками, повидимому, Украинцы на днях подпишут мир и тогда, по словам Марголина, освободится 60 тысяч (??) украинской армии, которую два американца, ездившие для ознакомления с нею, находят превосходной. Эх, был бы жив Гоголь, — сколько чудных небылиц увековечил бы он!

7 Мая. Среда.

Из Парижа Г. Л. Кирдецов привозит сведения. В Париже все та же медлительность, беспомощность и

нерешительность в русском совещании. Никак оно не рассчитывало на то, что союзники, уничтожив Брестский договор и восстановив таким образом положение бывшее до него, не упомянут даже о России, как союзнице раздробленной, но борющейся. От Колчака все еще нет ответа на вопрос о признании Финляндии и Эстии, — ждут месяц слова от него, теряют время. Средств нет — Колчак ассигнует, да валюты еще нет. Французы как будто бы склонны признать Колчаковское правительство de facto. Едет обратно в Гельсингфорс с тяжелым сознанием безнадежности Парижского Совещания, которое, повидимому, ничему не научилось.

8 Мая. Четверг.

У Соскиса знакомлюсь с Вольским (Соколовым); был большевиком до осени 1918 года, потом ушел от них на Кавказ. Написал книгу против них, отрицает у них всякое творческое начало. Там же беседую с Х.. — служит теперь в военном министерстве, в русско-английской контр-разведке; говорит, что решен вопрос о помощи Юденичу, что американские пароходы с провизией идут в Финляндию, что англичане дадут одежду и снаряжение, что достаточно Юденичу тех четырех тысяч человек, которые у него есть, что в Петрограде к ним присоединятся многие воинские части и его легко будет удержать, что управление Петрограда будет об'явлено под покровительством Лиги Народов, что это надо проделать до замерзания Финского Залива и Невы, что приняты меры к взрыву фортов Кронштадта; что Маннергейм хотел уже взять Петроград, но англичане не позволили, не желая создавать для финнов новых прав на Россию. Обещал в среду сообщить, что уже фактически сделано, дабы я мог решить, стоит ли мне

ехать в Гельсингфорс. Врет или не врет? — вот в чем вопрос.

В 8 часов читал доклад русской колонии в National Liberal Club'e; обрисовал события в Одессе, как борьбу разных групп в тщетных попытках создать власть и в заключение сказал, что Колчак принесет черную реакцию, но нужно итти с ним; после доклада пили в клубе чай с Милюковым; он не согласен со мною в том, что Колчак приведет с собой реакцию, но не видит у него элементов для республики; согласен в том, что у нас нет демократии в европейском смысле. По словам Милюкова, кто то публично здесь в Лондоне заявил, что если бы Милюков был снова у власти, то он показал бы себя Столыпиным.

Я: В одном вы были бы похожи на него: вы тоже говорили бы, сперва успокоение, потом реформы.

Милюков: (смеясь): А ведь так оно и выйдет, пожалуй.

9 Мая. Пятница.

В Лондоне война незаметна — калеки в парках и это все.

Никакого аппарата у русских, здесь работающих, для точного ознакомления с положением и действиями русского правительства нет. А англичане умеют молчать. В газетах сегодня появилось известие о погрузке войск (волонтеров) в Архангельск, и что англичане, — не сказано за какой период, — дали русским полмиллиона ружей и 10 миллионов пачек патронов.

В Болгарии войска отказались стрелять в Рущуке и Славище в большевиков.

Если Ленин продержится это лето, — его некому будет свергать. Троцкий на восточном фронте подтягивает войска.

13 Мая. Вторник.

В газетах сведения, что на конгрессе с.-р. в Москве шесть недель назад, под председательством Чернова, — вынесено осуждение политике большевиков, осуждение интервенции союзников и требование борьбы против реакционных правительств Сибири, Кубани и Дона. Промелькнул слух, что Япония готова признать Колчака, — сведений об его продвижениях в газетах опять почти нет. Устали ли газеты, или нет продвижения, или разладилась информация?

С Юденичем тоже ничего нового.

Ю. Гессен был у Головина, встретил там Коновалова и Барка, недавно приехавших. Вместе рассматривали прошение и записку Гессена, приготовленные по просьбе Головина для подачи английскому военному министру 5 дней назад; почему то бумага еще не подана. Коновалов просил свидания у Гессена на пятницу наедине.

В $1^1/_2$ часа докладывал в Luncheon Club'e. Члены его — русские коммерсанты в Сити. Председатель — присяжный поверенный А. М. Кругляков; было человек сорок. Рассказывал о работе Военно-Промышленного Комитета, о большевистских финансовых опытах, об экономическом будущем России. Кажется, успех большой, — просили продолжать в следующий вторник. Вчера был сделан запрос министру Бонар Лоу о посылке войск в Россию, и правда ли, что готовится операция на Петроград с базой в Гельсингфорсе. Бонар Лоу вертелся, но в конце концов заявил, что пока еще ничего не известно.

14 Мая. Среда.

В 12 часов видел Г. А. Виленкина (бывшего нашего финансового агента в Англии и Америке). Говорит,

что трудно иметь определенное представление об английских приготовлениях, для содействия русским армиям, так как морское и военное министерство ведут собственную свою политику, часто отличающуюся от политики Министерства Иностранных Дел. Что то несомненно делается, иначе Бонар Лоу отрицал бы всякое участие англичан в русских операциях. Повидимому, английская флотилия в Гельсингфорсе имеет прежде всего задачу защищать финские берега от Красного флота. Политика англичан вообще неблагоприятна вмешательству в дела России — тут держится взгляд, что Германия должна руководить действиями дикой России, неспособной самой управляться. Правительство не смеет ничего предпринимать открыто, так как рабочая партия и часть либералов воспротивятся этому.

Ю. Гессен был у Головина. Головин доволен теперешним настроением, надеется, что миллион дадут.

Завтракал с С. Лурье — членом русско-британской торговой палаты (отдел Лондонской торговой палаты) и, как таковой, представляющим русско-британскую палату в совещании при министерстве торговли. Там поднят вопрос о содействии английского правительства английским импортерам в Россию. Лурье просил совета, как обеспечить английских купцов, которые пожелали бы послать товары в Россию. В Архангельске и Мурмане это легко сделать, так как там обращается гарантированный англичанами рубль и, следовательно, можно им платить; в Сибири хотят ввести международный рубль, но американцы категорически отказались фиксировать его курс на Америку и затея провалилась (очевидно, американцы не хотят англо-французской конкуренции в Сибири).

У англичан нет твердой политики по отношению к России, которую они абсолютно не знают. Пол года

тому назад приезжал в Лондон Околович (бывший член Совета Министерства Торговли и Промышленности при царском режиме, потом был заведующим распределением топлива при Протопопове). Он вместе с группой англичан добился от правительства монополии на создание экспортно-импортного английского общества для сношения с Сибирью. Эту монополию с большим трудом удалось свалить путем организации протеста английских торговых палат, но и то она свалена лишь de facto, а не de jure. Далее Лурье обратил мое внимание на появление вчера в „Daily Telegraph" перепечатки корреспонденции из „Petit Parisien" от 23 апреля, где передавалась личная беседа с Колчаком, заявившим, что он не считает возможным созыв Учредительного Собрания еще долгое время, что он сам, придя в Москву, назначит новое правительство из представителей земств, городов, и общественных организаций по своему усмотрению. Лурье заметил, что эта корреспонденция произвела отвратительное впечатление в Сити и, что все русские в Сити будут относиться теперь отрицательно к Колчаку и не скроют своего отношения перед англичанами. Я предостерег Лурье от веры в эту заметку, которая может быть уткой из вражеского лагеря. Лурье говорит, что железнодорожный транспорт в Сибири в очень скверном положении. Говорят, что японцы нарочно поддерживают его в таком состоянии, чтобы помешать американцам укрепиться в Сибири.

В 3 часа был у Соскиса, который видел лиц, приехавших из Парижа и подтверждающих противо-колчаковскую работу там группы с.-р. Получена брошюра Аргунова, описывающего coup d'Etat Колчака, картина расстрела офицерами видных с.-р. (7 человек) отвратительна.

Там же встретил полковника Генерального Штаба с.-р. Махина, сражавшегося на противобольшевистском фронте на Волге, на юге (Оренбургский участок). Он не верит в успех Колчака. Окружают Колчака очень негосударственные элементы. Во главе военной группы стоит генерал Иванов-Рынов бывший военным начальником одного из Туркестанских округов (полицейская должность.) Его группа, сделавшая ноябрьский переворот и целый ряд других маленьких coup d'Etat, состоит из авантюристов, казацких сотников, которые попадая в местности далекие от центра, ведут себя не лучше большевиков и отнимают у крестьян хлеб и живность, расстреливают социалистов и возбуждают против Колчака крестьян. Министры его — маленькие местные люди без широкого кругозора. Атмосфера вокруг Колчака очень скверная. В тылу у Колчака — враждебный ему Семенов, — повидимому, японский агент. Японцы женили Семенова на русской танцовщице из Харбина, всецело находящейся в их руках. Махин с ней встретился в Иокогаме, куда она поехала продавать какую то богатейшую концессию; она показывала ему свое богатое колье.

Вечером пришел Руманов, — жалуется на раздоры в русской среде, на интриги и взаимное недоверие. Пока толку никакого от всего здесь сделанного.

Монархическая группа — «Национальный Клуб» — как будто бы теперь против Юденича, ибо кто-то пустил слух, что англичан убеждают потребовать от Юденича обязательства привлечь к правительству главным образом с.-р.-ов!

15 Мая. Четверг.

Утром Ю. Гессен был у Коновалова. Коновалов сказал, что он боится, что Гессен подведет себя и Го-

ловина, так как в правых русских кругах Головин считается слишком левым и поэтому правые своих подписей на обязательствах перед английским правительством не дадут.

В 6 часов у них опять было заседание, на котором был и Замен, бывший вице-директор Кредитной Канцелярии, который заявил, что и англичане ничего не дадут и что вообще не дело просить один миллион. Коновалов находит, что никогда английское казначейство на такую сумму не пойдет и советовал Гессену бросить всю эту затею.

А вечером я был у местного богатого русского еврея, который сказал, что богатые евреи из Сити также не возьмут на себя обязательств в пользу Юденича, так как Ю. Гессен является для них представителем монархического движения. (!) Он действовал здесь через генералов Десино, Бера и некоего Диамантиди. Генерал Десино в Лондоне был представителем монархического с'езда в Ницце, где решено образовать правые монархические группы в союзных странах. В Лондоне они образовали национальный клуб, где председательствовала знаменитая Новикова. Пикантно то, что, как обвиняющие Гессена в правизне, так и обвиняющие его в левизне, все равно ни копейки не дали бы и при других условиях.

С. Лурье передавал, что вчера было заседание в министерстве торговли, где представитель английского правительства сообщил ему, что решено послать к Деникину представителей английских банков, а по существу представителя английского казначейства, который должен выработать с Деникиным план правительственного страховании (английского) всех грузов, которые английские купцы будут посылать в Новороссийск.

Впечатление у Лурье, что англичане зашевелились и пойдут теперь на русские дела.

Видел в 3 часа инженера Макграта — английского офицера. Он говорит, что в августе и сентябре 1918 года, когда он был в Архангельске, ходили слухи, что Михаил Александрович в тех краях, но английские агенты ничего точного о нем разузнать не могли. Макграт думает, что Михаил Александрович там скрывался, боясь, что англичане насильно увезут его в Лондон!

Получил от Савинкова письмо; пишет, что Колчак все не отвечает на предложение совещания сделать уступки эстонцам. Послана вторичная телеграмма. Он ждет ответа, чтобы двинуться в Гельсингфорс.

В газетах сообщение из „Echo de Paris“ о вызове Маклакова, Савинкова, Сазонова, Извольского и Гирса на совещание «четырех» для обсуждения вопроса о восточных границах Польши.

Сведения о понижательной политике японцев по отношению к нашему рублю в Китае и Японии, — за фунт дают 165 царских рублей.

16 Мая. Пятница.

В 1 часу был с Ю. Гессеном у соллиситора Роней, который руководил Гессеном в его ходатайствах. Роней подтвердил, что путь выбран правильный, что кредитоспособность подписывающихся безразлична, ибо подписи нужны для формы, что настроение теперь хорошее, что английский генерал Гоф послан для переговоров с Маннергеймом в Гельсингфорс, где выяснятся возможности операции на Петроград и размер помощи снарядами и провизией и что, вероятно, недели через две будет своевременным тронуться в Гельсингфорс, если я захочу работать с Юденичем. Говорит, что он воздействовал на правительство через члена парламента и личного друга

Ллойд Джорджа, — Сутерланда. Вчера один английский офицер сообщил ему: War office рассчитывает, что к октябрю в России повсеместно будут организованы правительства.

Вижу в ресторане „Savoy" Бичерахова — генеральские погоны, Георгий на шее (по слухам, поднесенный ему населением Кавказа за освобождение от большевиков). Население Баку — в роли Георгиевской Думы, — этого еще не доставало!

Вечером пришел С. Л. Поляков. Заговорили о финансах; рассказал, что С. Ю. Витте говорил о В. Н. Коковцеве, как о финансисте: «кухарка за повара». Как то Поляков просил Витте, четыре месяца после начала войны, принять английского журналиста; отказал — мотивировал так: если бы я говорил откровенно, я бы ему сказал, что истинная виновница войны—Англия, а естественная союзница России — Германия. По поводу участия русских в войне сказал: если бы я умер до войны и подошли к гробу моему и сказали: «вставайте — война». Я спросил бы; «кто с кем воюет?» — «Англия и Германия». Я бы сказал: «Понятно». Но тут говорят мне: «и Франция». «Глупо», сказал бы я, — но еще допускаю из за Эльзаса-Лотарингии». Но прибавили бы: «и Россия». — «Для чего?» «Из за Польши». «Чтобы помешать Польше освободиться?» «Нет, чтобы восстановить ее самостоятельность». Я бы сказал: «Оставьте меня мертвым».

17 Мая. Суббота.

Третьего дня Милюков читал доклад на конференции, устроенной национально-демократической партией. Председательствовал какой то лорд, который в своей речи сказал, что большевизм, — продукт работы международного еврейства. Прессы о докладе никакой.

ГЛАВА V.

ОПЯТЬ В ПАРИЖЕ.

Группа с.-р. требует от Колчака «демократических» гарантий. — Приглашение Чайковскаго в «Big fur». — Картина эвакуации Одессы. — Борьба вокруг признания Колчака. — Украинцы пред «Big fur» и у Клемансо. — Переговоры между с.-р. и украинцами. — У Логана в «Ара». — Рассказ американского журналиста Бернштейна. — Опять в «Ара». Беседа с Н. В. Чайковским. — Французские газеты о признании Колчака. — С. П. Шелухин.

18 Мая. Воскресенье.

Выехал в 8 часов 45 минут из Лондона; в 6 часов вечера в Париже. Переезд превосходный, с паспортом мало возни, только бегло регистрируют, но получение страшно трудно. Вечером был у Аитовых; сообщили что:

1. На днях было заседание «Союза Возрождения» (человек 15), где докладывался проект группы Керенского заявить протест от «Союза Возрождения» и республиканской группы, а также персонально дать подписи и собрать подписи французских социалистов и радикалов с требованием демократических гарантий от Колчака, как условие его признания. Чайковский был против, протестовал, говоря, что это несвоевременно, что опасность реакции со стороны Колчака невелика и отказался подписать. С. Иванов индивидуально затруднялся подписать, будучи членом политического со-

вещания. Корф заявил, что выйдет из «Союза Возрождения». Многие подписавшие сожалеют о сделанном.

2. Меня две недели назад избрали членом «Союза Возрождения».

3. На прошлой неделе Чайковский неожиданно получил персональное приглашение в Совет Четырех. Были Клемансо, Вильсон, Сонино и Ллойд Джордж. Клемансо и Сонино все время молчали, задавали вопросы Ллойд Джордж и Вильсон. Первый вопрос был: «Скажите, что по Вашему надлежит сделать для России?» Чайковский просил задавать отдельные вопросы, затрудняясь отвечать целой программой. Тогда спросили, признавать ли Колчака.

Чайковский: «Да».

«Ну, а не опасаетесь ли Вы восстановления реакции?» —

— «Нет, для этого нет данных.»

— «Ну, а дело Иванова-Ринова?»

Не знает, что это за дело.

— «Помочь ли взять Петроград?»

— «Обязательно.» —

— «А как вы относитесь к притязаниям финнов?» (показывает Чайковскому ряд карт).

Чайковский дает об'яснение в смысле обуздания финских аппетитов.

Беседа длилась около часу. Благодарили Чайковского, но не сказали, что опять позовут.

4. Через пять дней приглашают Львова, Маклакова, Сазонова, Мандельштама и Третьякова (?) по вопросу об определении границ Польши.

5. Предлагали на днях (неизвестно кто) Чайковскому стать во главе похода на Петроград и там, по занятии его представлять правительство Колчака, — Чайковский отказался, ссылаясь на старость.

19 Мая. Понедельник.

В 12 часов видел Z ... Рассказал, что эвакуация Одессы происходила 6 апреля среди ужасного отчаяния и беспомощности населения. Когда 3-го утром он прибежал к лейтенанту Биго, прочитав об эвакуации, — Биго заявил, что приказ об эвакуации дан вследствие того, что получено радио о падении министерства Клемансо и вступлении в правительство Реноделя. Деньги из банков вынимали все третье число. Русско-Азиатский выдал около 80 миллионов, Государственный давал частным банкам втечение суток сколько они просили под соло-векселя банков. На второй день прекратил пособия. Генерал Франшэ д'Эспере удалил Санникова и Гришина, — просто приказал им уехать к Деникину в Екатеринодар. Французы в Константинополе не дают виз — так он, Z ..., получил только как прикомандированный к датскому посольству. По слухам, адмирал Максимов расстрелян большевиками; других убийств нет. Скоро наладится сообщение с Одессою через Аккерман.

Доктор Антов получил письмо от А. П. Витгофа из Екатеринодара из штаба Деникина от конца апреля. Положение французов там отвратительное, русские не скрывают своего к ним пренебрежения. Англичане ликуют, ухаживают за русскими и повсюду распространяют сведения о себе, как о единственных поставщиках военных припасов. Большинство генералов (Драгомиров и Лукомский) говорит открыто о еврейских погромах; левое крыло не протестует. Тыловые нравы отвратительны. В армию никто не идет; все взрослое население занято спекуляцией и бездействием, на фронте—только героически настроенная молодежь. Война ведется одинаково варварски с обеих сторон — грабежи, мародерство, изнасилования, расстрелы пленных

у вырытых ими ям. Деникин, по настоянию англичан, издал манифест с демократическими обещаниями, но англичанам это совершенно безразлично, — они пойдут за любым режимом.

Завтракал с М. Н. фон-Мекком. Он рассказал, что Керенский имел свидание с Гаузом. Керенский сказал ему, что невозможно признать Колчака без гарантий. Гауз заявил, что признать его решено, но что поставят над ним контрольную комиссию из представителей пяти союзных держав (пятая — Япония). Вслед за этим появилась однако статья в „Daily Telegraph", что Колчак дает нужные гарантии, что он спешит с выработкой закона об Учредительном Собрании. Пока еще оффициально он не признан, но полагают, что это вскоре будет сделано. Некоторые русские уже выезжают в Финляндию, уверенные, что Петроград не сегодня—завтра будет взят.

Подошел к нам украинский полковник Колосовский (кончил Академию Генерального Штаба); в марте был в Галиции. Говорит, что атаман Григорьев, взявший Одессу, склонен присоединиться к Петлюре. Сам Петлюра в Ровно и движется на Восток. В Галиции до 80 тысяч хорошего войска. Галиция охотно присоединится к России, так как боится поляков. За последние месяцы украинизация Малороссии сильно пошла вперед из-за пропаганды на экономической почве (выгоды непосредственной торговли Украины с Западом, без посредничества Великороссии).

В 4 часа видел Маклакова; говорит:

а) опасность черной реакции при Колчаке для него не доказана (говорит без всякого энтузиазма, холодно, спокойно). На днях была телеграмма об удалении им В. С. Завойко из Сибири и о смещении генерала Иванова-Ринова. Есть также сведения, что правые круги им крайне недовольны;

б) считает, что продвижение Колчака удачно; есть также сегодня сведения и о продвижении Деникина. Главную трудность видит в работе по устроению России после падения большевизма — тут туман сильнее;

в) в успехах Колчака и Деникина видит доказательство, что армия большевиков не прочна и падение большевизма, следовательно, неизбежно.

Выходя из посольства с Маклаковым встречаем генерала Щербачева. Оказывается генерал Головин не приехал в Париж, так как не получил визы. Маклаков возмущенно: «нет большевика, которому французы при содействии Ренодэля или другого депутата отказали бы в визе, а приличным людям отказывают».

Мекк сообщает, что жена Колчака очень нервничает из-за сына (мальчика лет девяти-десяти), получает много писем с угрозами, что он будет убит. Начала появляться в русских кругах.

20 Мая. Вторник.

Видел Марголина. Военная экспедиция с Фредамбэром решена. Украинцы возмущены агрессивностью поляков и их победами; вся делегация, кроме Сидоренко, склоняется к переговорам о федерации. Марголин уверен, что если русские пойдут навстречу, можно будет сейчас говорить о федеративном об'единении всех групп в Париже.

На приеме у Маклакова — центр внимания и ухаживания — жена Колчака. Секретари вертятся подле, дамы тоже. Она ведет себя мило и скромно.

1 Июня. Воскресенье.

Рассказ Марголина: Украинцы 10 дней тому назад подали заявление «четырем», что, так как поляки про-

должают захватывать Украину, они уезжают. В тот же день пришло приглашение шестерым представителям Украины пожаловать для об'яснения в совет «четырех». В совете А. Я. Шульгин рассказал о польских захватах украинской территории при помощи артиллерии, данной им французами для борьбы с большевиками. Разбитые поляками галичане не могут бороться с большевиками. Ллойд Джордж очень заинтересовался этим рассказом. Обратился к Клемансо: «Слушайте, слушайте, вы видите, что делают поляки с вашей артиллерией». Клемансо подсаживается к Панейко и спрашивает его мнения о «Великой Польше». Тот протестует против посягательств Польши на Галицию. Просит разрешения дать подробные раз'яснения. Клемансо назначает немедленно свидание шестерым на следующий же день у себя. На следующий день у Клемансо Панейко говорит о захватах Польши и ее реакционности, а Марголин заявляет, что если Польша будет так продолжать, как теперь, Россия сделает все возможное, чтобы вместе с Германией опять победить ее. Клемансо протестует жестами; далее Клемансо задает вопрос о Деникине; Марголин говорит, что его окружает реакционная клика.

Клемансо: «О, да, это — верно; этот господин для нас всех не существует больше.» —

А в Лондоне Марголину сказали в Foreign office: «ничего не говорите против Деникина, мы все равно ему всячески поможем». Впечатление Марголина, что Клемансо дурачит украинцев, решив все отдать полякам.

Через день украинцы пошли по предложению Клемансо к Пишону. Марголин говорит ему о политике англичан, которые поддерживают самостийность в сфере своей оккупации (Пишон записывает). Говорит, что французы ничего не делают для евреев, — напротив поддерживают две погромных страны, — Румынию и

Польшу (Пишон записывает). Впечатление от него самое жалкое. Говорит, что союзники поставили полякам ультиматум о гарантии прав национальным меньшинствам.

Далее Марголин сообщает о своей попытке завязать переговоры с с.-р.-ами о федерации. В принципе согласились и в скором времени пришли к нему: Сухомлин, Слоним и Соколов. Обещали переговорить с группой и прислать делегатов для окончательных переговоров.

Через день являются делегатами Керенский, Сухомлин и Вишняк. Керенский заявляет, что его прислали, но он ничего не знает о деле. Просит Марголина повторить; затем говорит:

«Мы все представители демократии русской, а не отдельных национальностей, составляющих Россию; мы не можем изменить традиции русской демократии и вести переговоры от имени Великороссии с другими национальностями».

Произносит длинную речь, волнуется. Расстаются, ни о чем не сговорившись.

Сегодня было заседание «Союза Возрождения». Чайковский и Савинков требовали пересмотра резолюции против Колчака. Авксентьев протестовал. Были предложены две резолюции — обе провалились. Прошел «простой порядок дня».

По сведениям в штабе Фоша, Колчак не продвигается последние две недели. Местами терпит поражения. Резервов у него нет. Признание Колчака задерживается. К резолюции Авксентьева и других кто то в совете «четырех» прибавил новые требования: признание временной независимости отдельных окраинных правительств и категорический отказ от монархий. Почему понадобилось это требование — неизвестно.

Получаем телеграмму из Гельсингфорса об отчаянном положении 20 тысяч русских, перебравшихся из уми-

рающего Петрограда в Финляндию. Требуют денег, провизии. Кто даст? О Юденичe никто ничего толком не знает.

Керенский вчера уехал в Лондон; скоро вернется обратно в Париж, ибо в Лондоне делать, по его словам, нечего: англичане рассматривают Россию, как свою добычу и губят ее.

2 Июня. Понедельник.

Беседовал с Н. Базили в русском посольстве; дела Колчака и других не дурны; сведения об изменах в рядах сибирской армии нет, а об измене в рядах большевиков есть. Американцы обещают поддержку питанием, но выполнят ли обещание — неизвестно.

Кн. Львов вызвал С. А. Иванова и предложил ему уйти из совещания из за позиции, занятой «Союзом Возрождения» в вопросе о Колчаке; Иванов ушел.

3 Июня. Вторник.

Днем Марголин был у Авксентьева и Вишняка с Панейко и А. Я. Шульгиным. Оба с.-р. были против переговоров с ними, только в качестве представителей Великороссии, а не всей России, и предлагали создать в Париже Лигу Федералистов. Разошлись не сговорившись.

Вечером приходил Z . . . — уверен, что американские масоны сильно влияют на большевиков: пятиугольник на фуражках большевиков-военных — масонский знак квакерских лож. Ему рассказывали, что в октябре 1918 года Иверская икона в Москве была завешана красным и над ней был тот же знак.

Ложный слух, что Питер пал.

Газеты сообщают опять мало о России. Украинцы уже получили свои деньги из Вены и покупают французскую прессу, которая теперь много зарабатывает (?!) от поляков, эстонцев, литовцев.

5 Июня. Четверг.

От Витгофа пришло письмо, — он покинул Деникина и возвращается в Париж. Быть там французскому офицеру и стыдно и невыносимо.

В Тулузе третьего дня взбунтовался полк, арестовал офицеров, прошелся по улицам с красным знаменем и, кажется, устроил совет солдатских депутатов. Все буржуазные газеты — ни звука, а в социалистических — белеют места, оголенные цензурой.

6 Июня. Пятница.

Полоса обедов у наших политиков: у Чайковского маркиз де-ла-Торетта (бывший итальянский посланник в России), Гирс (бывший русский посол в Италии), Маклаков с сестрой, m-me Колчак и С. Г. Пети-Балаховская.

Вчера обед у кн. Львова — Чайковский и другие. Третьего дня обед «сближения» у m-me Пети. Струве с одной стороны, Савинков по середине, Фундаминский с другой. Не было других забот!

А Колчак, говорят, отступил более, чем на сто километров от последних позиций; Деникин неподвижен, Юденич еще не существует.

Появился в Mercure de France ответ Керенского Савинкову, по поводу статьи этого последнего о деле Корнилова; ответ оканчивается так: «Савинков подметил фальш в поведении Керенского в отношении к Корнилову при разговоре со ставкой по прямому проводу о предложении Львова, но, разумеется, не раз'яснил почему, считая «героя и патриота» Корнилова жертвою Керенского, сам пошел с Керенским против Корнилова».

Завтракал с французом X... (б. членом правления одного петроградского банка) и его женой. Они рассказали:

1. Когда большевики его, Х..., арестовали, освободил его Садуль, никогда не признававший себя большевиком. Он же помог многим французам; тем не менее Нуланс сказал: «когда Садуль вернется во Францию, мы его расстреляем».

2. Когда Нуланс был в Вологде с другими послами, большевики, чтобы их напугать, бросили у посольского поезда несколько петард; послы на следующий же день уехали.

3. Однажды он, Х..., получил пакет за подписью Дзержинского с просьбой письменно сообщить Совнаркому его взгляды на банковое дело. Х... изложил свои взгляды и послал доклад Дзержинскому; копию передал Нулансу. Французы от Х... отшатнулись, обвинив его в большевизме.

4. После освобождения Х... из Чрезвычайки жена его была у Урицкого и поблагодарила его, сказав: «когда наш час придет и Вы будете в беде, обратитесь ко мне и я вам помогу». Урицкий был тронут и поблагодарил.

5. Секретарь датского посольства Петерс рассказывал Х..., как ему хвастался Урицкий, что подписал в один день 23 смертных приговора. Петерс тем не менее очень увлекался Урицким.

Хлопоты m-me Анри по поводу помощи русским беженцам в Финляндии (пришли телеграммы от ее мужа и И. В. Гессена с описанием ужасного положения эмигрантов) дали нулевой результат „Humanité“ отказалась напечатать эти телеграммы, при чем один из редакторов сказал: «В Берне на конгрессе социалистов было решено сделать анкету в России о большевиках; наше французское правительство не дало нашим французским делегатам паспорта, нам помешали узнать истину, — поэтому мы печатаем исключительно бла-

гоприятные для большевиков сведения». Как глупо поступают правительства, не давая паспортов в Совдепию: увлечение ею рассеется, как дым, когда увидят ее собственными глазами.

Американский крупный журналист из русских эмигрантов, Бернштейн, рассказывает, что у него сегодня был один из лидеров к.-д. и продиктовал ему большое интервью, в котором между прочим поносил Милюкова, называя его германофилом; Бернштейн по своей инициативе выбросил эту часть из интервью.

Утром Марголин был у Базили по его просьбе и беседовал о федерации; Базили утверждает, что политическое совещание идет на признание фактической независимости окраинных государств, но не может пойти на ограничение прав будущего Учредительного Собрания.

Положение в Париже тревожное — забастовки не прекращаются; в Тулузе был военный бунт; сегодня в палате депутатов запрос об Одессе снят с повестки 250 голосами против 150, в виду тревожного времени.

Завтракал в 1 часу с Н. А. Базили в дипломатическом клубе. Базили говорит, что Колчак немного отступил, но что его положение в общем хорошее. Базили готов признать федерацию, но с тем, чтобы центр октроировал ее окраинам. Не верит в возможность монархии в России; верит в прогрессивность Колчака, который имеет много неприятностей от правых.

В 3 часа был в American Relief Administration (Ара) у Логана (начальник канцелярии Гувера)—бывший адвокат. Логан сказал, что 6 пароходов идут в Либаву для Петрограда; склады будут в Выборге и Котке. Предполагается заготовить для Петрограда провизию на 1—2 месяца, не больше. Я настаиваю на том, что надо месяцев на 6, ибо большевики, отойдя, сде-

лают кордон и деревня не сможет продолжать снабжения. Логан спросил мое мнение, имеет ли смысл признать Колчака? — Я сказал, что лучше признать его правительство лишь в пределах занятой им местности, а в Петрограде устроить самостоятельную республику, и тогда Колчак, если и дойдет до Москвы, уже не сможет устроить монархию на всю Россию. Логан просил притти для более подробного разговора в понедельник.

Курс франка — 2 $^1/_2$ марки — 3 керенских рубля.

Обедал с Бернштейном, американским журналистом, из русских эмигрантов; в Америке 26 лет, родом из Могилева. Перевел на английский язык Толстого, Чехова, Горького и Андреева, интервьюировал массу знаменитостей; по его словам:

1. Американцы не поддержат никакой монархической попытки в России; с другой стороны — за большевиков в Америке стоят только эмигранты больших городов — Нью-Йорка, Чикаго, Сан-Франциско; но тут же прибавил: «а ведь в проектах большевиков много хорошего».

2. В декабре 1918 года он видел в Омске Колчака, который произвел на него впечатление симпатичного человека, но слабого и негодного на роль диктатора.

3. Это он, Бернштейн, представил Керенского, Авксентьева и Зензинова Hous'y — правой руке президента Вильсона (House не еврей и не еврейского происхождения, вопреки мнению наших правых) и требования, пред'явленные союзниками Колчаку — есть результат этой беседы.

4. Авксентьев сожалеет, что те же требования не были пред'явлены и большевикам, ибо, если бы и они, как Колчак, согласились на них, тогда ложь в согласии Колчака была бы парализована.

5. Авксентьев и Винавер, каждый отдельно, пишут проекты федерации для России (пошла мода на федерацию, а когда я ее в 1906 году пытался пропагандировать в моей газете «Радикал» и в радикальной партии — только ленивый не издевался надо мной).

6. Бернштейн сегодня интервьюировал Падеревского, который принял его немедленно и, не читая рекомендательного письма от американского морского министра Daniels'a, сказал Бернштейну, что хорошо его знает (в 1916 году Бернштейн напечатал в „New York Times" большую статью о польских погромах и по всему городу были расклеены афиши „Worse that in Belgium" — хуже чем в Бельгии — при немецкой оккупации разумеется. Падеревский сказал Бернштейну, что трудно бороться с народными предрассудками, а польский народ настроен юдофобски; правительство делает все от него зависящее. По словам Бернштейна, у Падеревского слегка парализована левая рука и потому он не играет.

7. Гувер до сих пор не принимал никакого участия в политической жизни Америки и отличился впервые на организации снабжения Бельгии продовольствием. Теперь его репутация такова, что поговаривают о его кандидатуре в президенты Соед. Штатов... Ему 45 лет, он юрист; его секретарь и правая рука — 23-х летний Штраус — еврей.

8. В Нью-Йорке в русской военно-приемочной комиссии обнаружено было большое взяточничество на миллионы долларов. Бернштейн напечатал сенсационные статьи в американских газетах об этой комиссии. Тогда от комиссии пришли предлагать редакции четверть миллиона долларов за печатание опровержения от редакции; Бернштейн сказал: «пусть те, кого обвиняют, печатают свои опровержения — газета предоставляет им место». — Никто ничего не написал. А потом, будучи

в Петрограде в 1917 году Бернштейн узнал, что против членов этой комиссии не было возбуждено преследования. Мотив для возбуждения, указывавшийся Бахметьевым в его телеграммах к М. И. Терещенко, обычный — спасение престижа России. (Бахметьев был послан в Нью-Йорк Центральным-Военно-промышленным К-ом по предложению А. И. Гучкова; главной его задачею мы считали именно контроль за приемкою военных заказов).

9 Июня. Понедельник.

Был в АРА у полковника Логана; беседа длилась 1 час 15 минут. Он мне поставил ряд вопросов; потом сообщил, что:

1. Продовольствие на 5 пароходах должно быть теперь в Либаве (телеграмма от 25 мая — я читал ее — говорит о прибытии в Либаву 5 пароходов, в начале июня; общий тонаж по беглому подсчету около 10.000 тонн — мука, мясо, рис, конденсированное молоко).

2. Дал читать инструкцию своему представителю в Либаве от 25-го мая, где ему предоставляется устроить склады в Выборге (и даже Кронштадте), откуда каждый день отправлять продовольствие морем и железной дорогой в Петроград — (Кронштадт потом отменили); заключать договоры только с местными представителями петроградского муниципалитета, а не с какими-либо финскими и эстонскими, обще-русскими или местными русскими властями; принимать все меры в согласии с генералом Гофом (англичанин); не поддерживать никаких русских вооруженных сил.

3. Всего рассчитывают кормить население Петрограда и окрестностей месяца три, — не больше; преследуют исключительно гуманитарные задачи, и не ищут для себя никакой выгоды.

4. Затрудняются накормить те войсковые части,

которые проскочили до ст. Елизаветино, — недалеко от Гатчины. (По моему настоянию обещал пропустить для них продовольствие.)

12 Июня. Четверг.

В парламенте идет запрос об одесских событиях, приводится фраза д'Ансельма: «пусть погибает Одесса, но я не дам убить хотя бы одного французского солдата». Сообщается, что Франшэ д'Эспере приказал оставить военные запасы большевикам в благодарность за их хорошее отношение к французам.

В прениях извращены факты, в газетах сведения в роде: в Одессе было всего 1800 французов, (о греческих войсках ни слова).

Проектируется международная стачка (Франция, Англия, Америка, Бельгия и Италия) с тремя лозунгами: общая амнистия, полная демобилизация, невмешательство в русские дела.

13 Июня. Пятница.

Утром в газетах телеграмма от вчерашнего дня Колчаку за подписью пяти союзнических вождей (Япония присоединилась к «Совету Четырех»), в которой, признавая удовлетворительность в общем его ответа, союзники обещают помочь ему материально.

Оффициального признания нет, обещается лишь assistance.

Видел сегодня Н. В. Чайковского. Он недоволен актом; говорит, что там сказано, что Колчак будет признан только в том случае, если победит. Когда я заметил, что в приведенной в газетах телеграмме союзников к Колчаку этого нет, — он удивился; оказывается, он ее не читал, а кто то передал ему ее со своими коментариями. Сообщил, что едет в Лондон добывать деньги; они там требуют лес в обеспечение

аванса, а как я могу, сидя заграницей, дать им архангельский лес?»

По поводу манифеста Керенского говорит, что неудача в признании Колчака произошла в значительной мере по вине Авксентьева и Керенского; что Авксентьев и его группа заблуждается насчет стремлений Колчака и роли, которую он играл в ноябрьском перевороте в Омске; что офицеры, помимо Колчака, арестовали с.-р.-ов; что Колчак, не будучи в силах защитить с.-р-ов, предложил им оставаться там, где их впервые заключили, и опасение Колчака подтвердилось, ибо как только с.-р. выпустили, их окружили заговорщики и пришлось их вновь арестовать для личной их безопасности; что Колчак дал с.-р.-ам конвой до Владивостока, что он энергично борется с камарильей.

Я заметил, что Керенский и группа своим протестом-манифестом мало повредили Колчаку, потому что даже, если бы его союзники и признали, а он был бы побежден и разбит, все равно ничего не вышло бы; а Колчак будет разбит, так как в России нет солдат, желающих драться; заставить же сражаться умеют и смеют одни большевики. Кроме того, если даже державы и признают, то нужно еще, чтобы мировой пролетариат признал,—иначе выйдет то, что в Генуе, где матросы покинули корабль, везший военный груз для Деникина.

Получил от П. П. Менделеева письмо с Мальты, — просит вызволить его в Англию или Францию. Тошно ему среди зубров; англичане аристократию вывозят, других не хотят.

В „Temps“ передовица о признании Колчака. Впервые французы признают, что движение наше в 1914 году на Восточную Пруссию способствовало победе на Марне. Заявляют, что интересы Франции в воссоединении России и в препятствовании всему, что ее дробит.

В „Homme libre“ (Клемансо) статья о признании Колчака: это лишь начало, скоро русские получат возможность принимать участие в решении международных вопросов и в первую голову — в вопросах о границах Польши и Литвы.

14 Июня. Суббота.

В газетах — полная неудовлетворенность неполным и неясным заявлением союзников о Колчаке. Отмечается, что и его обещания столь же неопределенны, — когда он созовет Учредительное Собрание, как он его созовет?

Не получая ответа от Логана, заехал к нему. Просит меня исправить сделанный для него перевод на английский язык моей заметки; сказал, что пошлет ее своему представителю в Ревеле, как инструкцию, что сам поедет в Ревель, как только будет решен стратегический вопрос о взятии Петрограда, что наши войска немного продвинулись и он накормит их, что в Риге немцы расстреляли много народа под предлогом большевизма и он, в наказание, тотчас же приказал прекратить выдачу продовольствия, что он дал приказ сделать то же самое, если русские офицеры начнут расстрелы, что уведомит меня, когда следует ехать в Гельсингфорс и даст письмо к своему представителю.

15 Июня. Воскресенье.

По словам Чайковского, основанным на сообщении приехавшего из Архангельска французского офицера, в Архангельске неспокойно; внутреннее брожение, усиление большевизма, бездействие союзников.

16 Июня. Понедельник.

Встретил Топорова — alter ego Савинкова. Сообщил, что Колчак не отвечает на многократные во-

просы и подсказывания союзников о необходимости образования северо-западного фронта, а Савинков хочет ехать туда только от Колчака.

Простодушно спрашиваю: «А зачем, собственно, спрашивать Колчака? Ведь кто то дерется на этом фронте, подходит к Питеру, американцы подвозят войску продовольствие, — все это делается без Колчака; а вдруг он возьмет и не одобрит, тогда что, — бросить Петроград, что ли, чтобы Колчака не обидеть?» — Топоров неодобрительно смотрит на меня, как на дерзкого еретика.

17 Июня. Вторник.

Днем заходил ко мне Билльон; говорит, что Деникин идет на Баку, и что англичане очищают часть Кавказа, где их заменят итальянцы. Только их не доставало!

Обедал у Аитова; сообщают, что на днях М. А. Маклакова была у Артура Мейера просить содействия „Gaulois“ для какого то благотворительного дела. Мейер ее не принял; сказал, чтобы пришла через три дня, так как он занят. В. А. Маклаков был у Пишона, настаивая на приглашении представителей русского совещания на конференцию; Пишон ответил: «но ведь Деникин вас не уполномочил?»

В Париже есть еще 50 миллионов франков неиспользованного русскими кредита, отпущенного французским правительством, — совещание домогается получить его; — пока не удается.

Получил от друзей из Лондона телеграмму; полагают, что нужен буду в Питере для постановки санитарного дела; зовут меня в Финляндию; ответил, что через дней 10 буду в Лондоне, оттуда еду в Финляндию. Счастлив — опять смогу заняться любимым санитарным делом.

ГЛАВА VI.

ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ.

Беседа с Пийпом. — У Логана. — Завтрак с И. И. Поска. — Политическая декларация Деникина. — Обед у с. р. Z... Рассказ В. О. Фабриканта о Керенском. — Рассказ Сафонова и Зензинова о Колчаке. — О Северном фронте. — О Франше д'Эспере.

18 Июня. Среда.

Был в 3 часа у Solonet — чиновник министерства торговли в отделе морских транспортов. Просил его помочь мне устроиться оффициально при американском relief'e в Петрограде; обещал сказать об этом Wright'y но не рассчитывает на успех: „Vous ne connaissez pas les americains: ils savent tout, ils peuvent tout, ils n'ont besoin de personne".

А между тем они сели в лужу в Риге, передав дело relief'a балтам. Логан очень энергичный человек; это он организовал переброску американских сил во Францию; он поедет в Петроград, пробудет там три дня и уедет уверенный, что он все знает лучше всех. Американцы колеблются ввязываться в кормление Петрограда, боясь, что это их втянет в прокормление всей северной, а может быть и центральной России на долгий срок — на годы, так как после падения Москвы, благодаря расстройству транспортов Россия не обойдется без ввозного хлеба. Все дело военной помощи в наших

б. прибалтийских провинциях поручено английскому генералу Гофу, у которого будет три отдела с представителем в каждом — в Риге, Ревеле и Либаве. Случайно читаю в какой то английской газете заметку о Гофе: был в 1915 г. на французском фронте, за неудачные операции был удален, жил в своем имении и теперь для реабилитации назначается в Балтику. Везет нам!

Познакомился с С. П. Шелухиным, который четыре месяца подряд делил с Раковским Россию. Брюнет, с беспокойными темными глазами, нервный, упорный, носит в своем портфеле материалы об украинских федеративных и самостийных исторических вожделениях. Имеет экземпляр устава Союза Автономистов-Федералистов, основанного мною вместе с профессором И. В. Лучицким в 1906 году. Говорит, что напечатает материалы о федеративном движении в России, показывает свою статью в «Украинской Раде» 1918 года о федерации. А ведь самостийник!

Зашел ко мне А. И. Пийп, глава эстонской делегации. Оказывается, он петроградский приват-доцент по международному праву, специалист по морскому праву и помощник присяжного поверенного в Петрограде. Еще молодой человек. Заявляет, что:

1. 16 июня получена эстонцами телеграмма, что Красная Горка отбита большевиками; оказывается, был на нее набег, так называемой, Северной армии.

2. Более или менее твердо армия эта стоит в Кикерино — верстах в 25 от Гатчины.

3. Армия, принимавшая участие в продвижении от Пскова, состоит из русских частей, отступивших от Пскова в Эстляндию в декабре 1918 года под командованием полковника Дзерожинского — их вероятно, более 4.000 человек; и ингерманландских добровольцев —

(финны и эсты добровольцы из Петроградской губернии) и нерегулярного эстонского войска.

Сколько всех — не знает, во всяком случае не густо.

4. Немцы имеют какое-то касательство к этой северной армии; 9-го июня сенатор Нейгардт на немецком аэроплане с немцем летчиком летал для чего-то из Риги в Красную Горку.

5. У эстонцев есть два крейсера типа «Новик», которые вместе с Раскольниковым сдались англичанам. Ими командует барон Зальца, делающий лихие набеги. Раскольникова англичане отпустили в Россию, обменяв его на 18 английских офицеров.

6. Эстонцы не хотят федерации, им нужна полная самостоятельность с нейтралитетом России, гарантированным Европой. Индустрии у них мало, а земледельческих продуктов довольно для страны.

Признание Колчака союзниками, неизбежно влекущее за собой отказ всех окраинных инородческих республик в помощи России, — лучшая поддержка большевикам.

Текст ответа Колчака союзникам, по сведениям эстонцев, подсказан Сазоновым.

Был в Военном Министерстве у капитана Х... просить рекомендации к французским офицерам в Гельсингфорсе и Ревеле. Спросил его о признании Колчака, почему оно замаскировано, ответил: „que voulez vous et s'il est batu?"

Забавное замечание Пийпа: с февральской революции по октябрьскую на постах министров в русском Временном Правительстве перебывало 49 человек, из них лишь Церетели и Закгейм не были великороссами, да Терещенко наполовину. Остальные 46 — лучшие из общественных и политических деятелей великороссов России, — и что они сделали для России?

Был у Логана; он мне показывал телеграммы Гувера. Гувер настаивает на том, чтобы сделки на продовольственные продукты составлялись по условленному образцу и подписывались «местными гражданскими властями». Точно так же сделки для нашей Северной армии должны подписываться ее гражданским отделением. (?) Показал телеграмму от их представителя в Ревеле, который сообщил 19 июня, что, по местным расчетам, нужно для Ямбурга, Пскова, Петрограда и так далее продуктов почти на 7 миллионов долларов в месяц. Да еще для детей отдельно. Всего уже сделано заготовок на 10.000.000 долларов.

Главный вопрос — денежный. Ара — правительственное учреждение, работающее по полугодно на отпускаемые казною средства и покупающее продовольствие за наличные; первоначальные кредиты иссякают, ибо полгода подходит к концу. Русский комитет в Гельсингфорсе предлагает американцам уплатить им деньгами Керенского, обеспечив платеж 30.000 десятинам казенного леса в Гдовском уезде и обязательствами за подписью Юденича и местного самоуправления.

Логан говорит, что все это не то, лучше всего было бы: либо получить от французов часть отнятого от немцев золота, уплаченного им большевиками, либо открыть кредит Колчаку и взять у него часть кредита на прокормление северной армии. Во всяком случае, прибавил Логан, и так все уладится, если только генералы после взятия Петрограда проявят широкую гуманность. Я предложил прислать на фронт американских журналистов, которые, идя за армиею в Петроград, осведомляли бы общественное мнение Америки о настроениях и поступках армии.

20 Июня. Пятница.

Видел инженера К. Н. Добкевича — приехал в Париж с литовской миссией. Говорит, что литовцы видят спасение только в сепаратизме.

21 Июня. Суббота.

Экипируюсь в магазинах для поездки на северо-западный фронт, как для поездки в центральную Африку — покупаю все до иголок включительно.

В 1 час завтракаю с И. И. Поска и Пийпом. Длинный разговор. Эстонцы остались в сущности федералистами (мы с Поска встречались в 1905 году в Питере у д-ра Гелата, когда основывалась радикальная партия); но народ желает теперь фактов, а не слов; что такое федерация и как ее осуществить — толком никто не знает, а независимость, хотя бы как промежуточная ступень по пути к федерации, — это понятно всем. Армия эстонская — ее больше 35.000 человек, не пойдет на Петроград, если она не получит конкретного доказательства, что русскими будет охранена свобода Эстонии. Если нельзя получить письменного подтверждения от Колчака или от политического совещания в Париже, то желательно получить его хотя бы от правительства Керенского в лице той пятерки, которая в свое время стояла во главе его (Поска считает юридически Временное Правительство существующим). Наконец, в крайнем случае даже Керенский и Авксентьев с их группой правых с.-р-ов могли бы одни дать такую гарантию. Я указываю, что от Пскова до Кикерино нет сейчас никакой об'единенной власти; несколько тысяч военных и на местах — остатки местных самоуправлений. Если об'единить все эти местные самоуправления после падения Петрограда, соединить все в Северо-Западную или Петроградскую Республику, то и

получится государственная единица, которая сможет принимать и давать обязательства не хуже Керенского. Эстонцы должны помочь сорганизовать местное самоуправление, которое и осуществит эту задачу.

22 Июня. Воскресенье.

Вечером был у Аитовых. Был Фундаминский и Зензинов. Лейтенант Витгоф, приехавший из Екатеринодара, рассказал, что, когда он был с полковником Корбэйль при Деникинской Армии, Генерал Лукомский как то дал ему книжку «Сионские протоколы», говоря: — «все это документально, прочитать эту книжку крайне важно», причем Витгоф видел у него много экземпляров этой книги. По общему отзыву, Деникин не честолюбив, лично честен, не властен, ограниченный и не блестящий стратег, прост. Жена его, — курсистка, — образована, скромна, о политике, как и муж ее — ни слова. Деникин признал Колчака. Сейчас успехи Деникина (он в 8 верстах от Царицына) об'ясняются оттяжкой сил большевиков против Колчака и на север. Против Деникина — лишь боцман Думенко, которого считают гениальным организатором и стратегом; у него лучшая кавалерийская дивизия из 6—8 тысяч сабель и некоторые наскоро набранные местные части, плохо обученные. Нигде собственно боев нет, кроме Царицынской железнодорожной линии, где были весьма серьезные бои. Казаки вряд ли выйдут за пределы своей родины. Карательные экспедиции высылаются против непокорных казаков. Действуют, как в царское время. Был случай, когда женщину-врача Т. изнасиловали три офицера добровольца.

Политическую декларацию Деникина составляли французские офицеры при содействии англичан по просьбе деникинского штаба, отказавшегося составлять

какие-либо декларации и, под усердным давлением союзников, предоставившего им самим составить ее. Деникин одобрил текст союзников, декларация была послана Клемансо и Ллойд Джорджу и только тогда, по требованию союзников, Лукомский напечатал ее в местных газетах без комментариев. Кн. Львов сообщил Деникину по этому поводу о парижских демократических веяниях; Деникин ответил: «не вмешивайтесь не в свое дело». Гвардейское офицерство готово расстрелять даже и кадетов.

Вечером зашел Марголин. Шансы признания отдельных государств растут — англичане сказали это Грушевскому. В Таймсе сегодня благоприятная украинцам статья. Марголин полагает, что если бы украинцы заключили союз с поляками против немцев, их сейчас признали бы.

Приехал русский офицер из Архангельска. Говорит, что местное население ненавидит англичан и не дождется избавления от них. Англичане вывозят много леса. Сперва расстреливали большевиков и сочувствующих им, теперь расстрелами занимаются только русские.

23 Июня. Понедельник.

Вчера в русской церкви на молебне о даровании победы Колчаку, Деникину и Юденичу раздавались монархические прокламации.

В 6 часов был у Логана, — дал мне письмо к Миллеру, представителю в Ревеле.

Обедал у крупного русского с.-р. ··Z — прекрасный обед, хорошая сервировка, было человек 10. Среди гостей В. О. Фабрикант; рассказал, что Керенский после неудачи под Гатчиной жил дней сорок у дяди и тетки одного из преданных ему матросов. Для изменения своей физиономии Керенский запустил бороду, плохо однако,

росшую, и мало его изменившую; тем не менее он без грима выходил гулять с Фабрикантом по Москве.

Когда Фабрикант со своим братом везли его из Москвы в Петроград, чтобы вывезти дальше заграницу (в апреле 1918 года), им пришлось ехать в международном купэ, с каким-то купцом-грузином. Несмотря на его присутствие, Керенский и приятель Фабриканта все время спорили о некоторых распоряжениях Керенского. Заснувший было Фабрикант проснулся на фразе приятеля упрекавшего Керенского за назначение министром земледелия Чернова. Грузин спал или делал вид, что спит. Далее Фабрикант сообщил, что Фундаминский привозил Керенского в Петроград на Учредительное Собрание. Когда Керенский благополучно добрался до Мурманска, где был совет Рабочих и Солдатских Депутатов, ночью в 4 часа Фабрикант разбудил французского офицера и просил немедленно доставить их на английский корабль. Рано утром Керенский с провожавшими пришли в порт и одновременно с группой французских и английских офицеров, бывших на берегу, прошли через русский матросский патруль на судно.

Семь дней блуждали на маленьком кораблике с 12 матросами по Северному Океану пока не дошли до Шотландских островов. Шкипер парохода просил у Керенского чин или орден; получил пока что деньги.

К. В. Сафонов (поручик, летчик, георгиевский кавалер, бывший председателем комитета Черноморского флота при Колчаке, решительный, ловкий, не глупый офицер) рассказывает:

Колчак прошел Морскую Академию по двум классам: по кораблестроительному и еще по какому то, очень храбр, искренен, честен, но крайне вспыльчив; порывист, легко

поддается влиянию окружающих; чужд политике, нет планов, ум широкий, схватывает быстро. Скорее республиканец по мировоззрению (это подтверждает тут же и Зензинов). Колчак искренне ликовал после февральской революции, был все время празднично настроен. Очень мужественен, что не раз доказывал; был как-то очень трудный момент, когда к Колчаку пришел комитет с Сафоновым во главе с рядом требований; в числе делегатов был матрос с миноносца, чем то опозорившего флот, — Колчак на него накинулся с бранью за позор. Рассказ о брошенной Колчаком в море сабле в ответ на предложение матросов сдать оружие, — легенда; Колчак сдал, как и другие офицеры свое оружие; и лишь на другой день, когда матросы возвращали оружие, Колчак взял свое, как и другие офицеры и сказав: «раз не хотят, чтобы у нас было оружие, — так пусть идет в море», тогда только бросил его.

В мае 1917 г. комитет потребовал ареста морского интенданта, генерала Петрова. Колчак не согласился; комитет арестовал Петрова; Колчак подал в отставку. В это время был с'езд в Одессе моряков, куда приехал и Керенский; после с'езда Колчак, Верховский и Керенский поехали в Севастополь; комитет отменил арест, Колчак остался. Чин вице-адмирала Колчак получил от Керенского; сговориться с Колчаком, убедить его — можно. Сильно пьет. У Колчака большая работоспособность и отличная память. Большая интуитивная способность. Его злой гений — Смирнов, тогда капитан первого ранга и начальник штаба, — теперь контр-адмирал и сибирский морской министр, черносотенец, ненавистник революции и народа. За пять дней отсутствия Сафонова из Севастополя, Смирнов переделал Колчака так, что Сафонов не узнал его.

В. М. Зензинов дополнил:

Колчак республиканец, но поддается легко влияниям. На него сильно влияет Михайлов, — человек сильный, честолюбивый, с определенным планом, ни пред чем не останавливающийся. В Америке, чрез которую проехали высланные Колчаком из Сибири Авксентьев, Зензинов и др., выяснилось, что весь план переворота, поставившего Колчака во главе правительства, был задуман англичанами и разыгран Колчаком, как по нотам.

Колчак очень смел, — его поездка в 1903 году в поиски за бароном Толем за 300 верст к земле Беннета на лодке — поразительна по смелости. Его все же считают неудачником. Он срывается. Никакого выдержанного плана, слаб характером, не крупен.

В. Я. Х... (офицер) был сегодня у Бурцева. Бурцев сказал: «пусть Авксентьев имеет мужество сказать громко то, что он думает о Колчаке, — а он думает то же, что и я, что Колчака нужно признать, — он окажет огромную услугу России; но у него нет мужества».

Фундаминский заметил, что, хотя он и ставит разные условия Колчаку, это все ерунда. Он его сейчас бы признал, если бы, прогнав окружающих его проходимцев, он пригласил бы на посты министров честных людей, даже без социалистов. Я напомнил Фундаминскому формулу триединой диктатуры, на которой он и единомышленники его настаивали в Одессе.

Фундаминский: Если бы Деникин пригласил честных людей, я бы примирился с ним и без директории.

24 Июня. Вторник.

Завтракал с бельгийским офицером Дени и капитаном Рооп. Последний едет в Сибирь; интересуется, скоро ли можно будет выжать из России 3 миллиарда бельгийских франков, застрявших в русской промышленности и что можно предпринимать в России.

Обедал у Антовых. Был там приехавший из Архангельска капитан Jouan; рассказывал, что 45 французов отморозили руки и ноги на Архангельском фронте, что большевики из сожаления добивали своих и противника пленных, что в апреле, когда началось наступление большевиков на Архангельск, там было подготовлено восстание большевиков. Власти узнали, арестовали 300 человек, которых и выслали в Совдепию, казнив некоторых. А потом начался террор; особенно отличался полковник Писаревский и граф де-Люберсак (французский лейтенант). Расстреливали по приговору военно-полевого суда. Крестьяне настроены в Архангельске в пользу большевиков. Режим иностранцев противен местному населению.

М. Н. Антова припоминает, что когда она была в Архангельске (август — декабрь 1918 года) упорно говорили, что Михаил Александрович там. (Очевидно, из-за присутствия в Архангельске офицерской дикой дивизии). Кто то распространил слух, что Михаил Александрович скрывается у Антовых, и у них был обыск.

25 Июня. Среда.

В Париж приехал Д. Г. Балаховский; рассказал, что Франшэ д'Эспере искал непосредственных сношений с большевиками, считая по докладам разведки, что большевики эволюционируют, и советовал войти с ними в торговые сношения. Тогда Балаховский вызвался поехать в Одессу, чтобы составить доклад по личным впечатлениям об эволюции большевиков. 6-го мая он под'ехал на французском миноносце к Одессе, высадился ночью между Малым и Средним Фонтаном (в окрестностях Одессы); оттуда пешком пошел в город, где прожил 14 дней.

ГЛАВА VII.

ПО ПУТИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.

Доклад А. И. Гучкова в Лондоне. — О б. великом князе Михайле Александровиче. — Рассказ Г. А. Виленкина. — Беседа с К. Д. Набоковым. — Встреча с принцем А. П. Ольденбургским. — Встреча в Копенгагене с Н. П. Карабчевским.

26 Июня. Четверг.

Еду в Лондон. В Булони на пароходе английская виза паспортов. Два военных и один штатский в полицейской форме необыкновенно внимательно проверяют по спискам и книгам, расспрашивают откуда, куда, для чего. В первый раз, в мае этого не было.

На вокзале Gare du Nord за якобы допущенное без оплаты превышение льготного веса багажа приходится дать на чай багажному кассиру и весовщику; в Булони на чай за якобы непросмотр направляемого в Лондон багажа; в Лондоне, на Victoria Station, на чай таможеннику за невскрытие багажа... Обрусела Европа.

27 Июня. Пятница.

Вчера церемониймейстер английского короля пригласил К. Д. Набокова на сегодняшний прием к королю в качестве посла, с лицами, состоявшими при посольстве, в том числе и Г. А. Виленкина с дамами.

Сегодня пришло раз'яснение, что это — ошибка, что русские приглашены неоффициально, а могут быть лишь, как частные лица. Набоков не пошел.

На днях был доклад А. И. Гучкова о событиях. Гучков считает невозможным возврат к старому; демократия победила, но народ прольет еще много крови и в первую голову еврейской. К. Д. Набоков тоже говорил и развивал теорию: «сперва успокоение, потом реформы», считая, что время для Учредительного Собрания не скоро придет. Гучков говорил Румянову, что его Савинков в Париже предупреждал, что не стоит ехать в Лондон; англо-саксы находятся под влиянием американско-еврейского отрицательного отношения к России. Симпатии к ней можно найти только в романских странах: Италии и Франции.

Соскис говорит, что Керенский, наоборот, докладывая о своих впечатлениях о Париже, ставит крест на нем и ждет русской политики только от англичан; но их политика враждебна восстановлению русской мощи.

На с'езде тред-юнионов и Рабочей Партии вчера двумя третями против одной прошла резолюция активной борьбы против вмешательства в русские дела.

28 Июня. Суббота.

Получены сведения из War office'а, что по приказанию генерала Gough'а войска Родзянко и Балаховича подчинены Юденичу и решено взять Петроград; рассчитывают сделать это в течение месяца, для чего вызвано 300 английских офицеров. Ни эстонцы, ни финны не будут помогать.

Видел Н. С. Брасову; оказывается, кн. Вяземская отправилась в Сибирь искать своего мужа, поехавшего разыскивать Михаила Александровича; Н. С. Брасова хочет ехать в июле в Сибирь, чтобы «спросить Колчака, знает

ли он, где Михаил Александрович, ибо, если Михаил Александрович жив, то Колчак должен знать это, и весьма возможно, что никому, кроме меня, не скажет этого и, особенно, не укажет, где Михаил Александрович».

Ею получено запоздалое сведение от Путятиной (рожденной Зеленой) из Константинополя, что проездом через Константинополь консул из Ростова говорил, что Михаила Александровича видели в Константинополе!

Лондон в 12 часов ночи. На улицах карнавал. Масса пьянных, целуют дам, поют (нестройно и нехорошо), кричат, бьют хлопушками, трещат трещетками — подписали мир.

Сейчас 1½ часа ночи, а с улицы все еще доносится шум и гам. Застал в номере Ю. Гессена, грустно сидящего за столом: «Россию забыли! Ликуют».

30 Июня. Понедельник.

В War office есть сведения, что Юденич сговорился с Маннергеймом и послал соглашение на утверждение Колчака.

1 Июля. Вторник.

Обедал с Г. А. Виленкиным. Он рассказал, как в 1916 году русский комитет военных заказов в Нью-Йорке хотел свалить его. Союзнической разведкой было разоблачено грандиозное взяточничество в русском отделе по приемке заказов. Английский посол в Америке сообщил Виленкину фамилии русских взяточников, Виленкин переслал их генералу Шуваеву — военному министру и сам поехал в Россию, отказавшись дать кредиты на новые заказы. Несмотря на посылавшиеся на него доносы и жалобы со стороны членов комитета, министр финансов Барк отстоял его и наградил Стани-

славом первой степени. Тогда Бахметьев, входивший в состав военно-приемочной комиссии, как представитель Центрального Военно-Промышленного Комитета, замял историю со взятками.

По словам Виленкина, Гувер разбогател в России на делах на Кавказе (работал с Уркварлтом в Кыштыме).

2 Июля. Среда.

В 4 часа был у нашего посла К. Д. Набокова; — он рассказывает:

1. Что на вопрос, заданный им Сазонову, сможет ли он удовлетворить финские претензии, Сазонов ответил: «финнам — ни шиша».

2. Что на обеде в англо-русском клубе Сазонов просидел полтора часа рядом с Бальфуром, не открывая рта.

3. Что после большевистского переворота Набоков, Маклаков, Бахметьев и Гирс обменялись телеграммами,— как им быть. Все, кроме Набокова, настаивали на признании большевиков (и особенно Бахметьев), если только большевики введут в правительство с.-р-ов.

4. Что три недели тому назад Чайковский, будучи в Лондоне у Набокова, назвал поход Колчака «казацкой авантюрой».

5. Что англичане в свое время вымогали у нас согласие на совещание на Принкипо, угрожая бросить нас в случае отказа; Бахметьев первый узнал от американцев о Принкипо и никому в политическом совещании об этом несколько дней не говорил. Набоков был в политическом совещании во время Принкипо, вопрос об этом был на повестке, но совещание обсуждало вопрос о жаловании кому то и до Принкипо не дошло.

В общем, Набоков проявлял себя лево-настроенным, готовым на работу в новом направлении, таким же мо-

лодым духом, как Чайковский, и много моложе застывшего Сазонова.

Вечером Я. Б. рассказал, что он учился в Одессе в реальном училище Святого Павла одновременно с Троцким, (которому теперь лет 40); Троцкий проявлял себя в училище человеконенавистником; он был редких способностей; почти не работал, был первым, окончив 6 классов, перешел в 7-ой класс Николаевского реального училища, которое не кончил, ибо принял участие в забастовке на Николаевском Судостроительном заводе. Был исключен и в административном порядке выслан в Сибирь.

3 Июля. Четверг.

Заходил в русско-английский Красный Крест, в доме русского посольства. Во главе его — Муравьев-Апостол. Там ничего не делают, собрали немного денег, куда, что посылать, — не знают.

Вчера К. Д. Набоков сказал, что русское совещание просило у англичан разрешения послать в Палестину русского консула, на что англичане ответили: «Преждевременно, когда установится в России правительство,— тогда и пошлете».

Ни одного русского флага в Лондоне во время празднеств по случаю заключения мира с Германией.

В Таймсе сегодня статья о том, что пора взяться активно за борьбу с большевиками.

4 Июля. Пятница.

В 10 часов еду с Ю. И. Гессеном в Гулль, куда приезжаем в три часа. В 8 часов отправляемся в Копенгаген.

5 Июля. Суббота.

На пароходе встречаю принца А. П. Ольденбургского; мало изменился несмотря на свои 78 лет; бодр, хороший аппетит. Мало говорит о революции, но все же рассказал мне, что Ленин не русский, ибо он — побочный сын Делянова (б. министр народного просвещения, армянин). Принц возвращается в Финляндию; при нем — сестра милосердия и два человека прислуги.

Читал речь Ллойд Джорджа в Палате Общин 3-го июля по поводу мирного договора; говорит, что Англия мобилизовала 7 миллионов солдат и израсходовала 9 миллиардов фунтов, — больше, чем кто бы то ни было. О значительно больших жертвах России — ни звука.

7 Июля. Понедельник.

Копенгаген красив, сыт, весел, полон красивых женщин. Паспортные издевательства, как повсюду.

Вышел сегодня первый номер «Возрождения» — издатель Шутяков; получает информации из Финляндии о русских делах от И. В. Гессена.

8 Июля. Вторник.

Встретился с Н. П. Карабчевским, уже два года сидящим здесь; досиделся до «надо повесить всех этих мерзавцев Керенских, Переверзевых и др.» Далее: «Мне кн. Волконский (бывший товарищ министра Внутренних Дел) каялся, что он послал Керенскому портрет своего деда-декабриста с надписью».

Жена Карабчевского: «Неудивительно,—декабристы такие же мерзавцы, как Керенский».

Карабчевский: «И в самом деле идиоты же они были, им надо было заняться освобождением крестьян, — а они черт знает что делали».

Симпатичный дуэт! Пишет свои воспоминания о пережитом.

9 Июля. Среда.

Приехал из Гельсингфорса Г. Л. Кирдецов, сообщает об отступлении Северной армии, вследствие отсутствия оружия и артиллерии. Англичане до сих пор ничего еще не делают для нее, ждут со дня на день присылки вооружения из Англии.

Кузьмин-Караваев, — член совещания при генерале Юденине; он сильно постарел, усердно юдофобствует (одна из его «исторических» справок: «в февральскую революцию в Петроград стянули 30.000 солдат евреев, чтобы сделать революцию»); Кирдецов тянет Савинкова в Гельсингфорс, чтобы создать левое крыло в совещании при Юденине. Савинков третьего дня телеграфировал „encore quelques jours" — все ждет полномочий от Колчака.

10 Июля. Четверг.

Принц Ольденбургский остался здесь в Копенгагене на некоторое время; в гостиннице «Англия», где он остановился, выставили внизу книгу, в которую записываются желающие беседовать с ним, — есть и такие.

Говорил с А. Д. Чаманским (бывшим Управляющим Главным комитетом Красного Креста). Он кое-что раздобыл уже для Северной армии через представителя Красного Креста в Копенгагене, Блюма. Сам Чаманский советует мне все нужное покупать у немцев, которые берут много дешевле американцев и англичан. Блюм мне показал предложение американцев на 25% дороже местных цен. Думает, что и в продовольствии американцы много наживут и, что нужно делать запасы помимо них.

Дал мне прочитать письмо А. Д. Зиновьева из Ревеля от 20 июня. Зиновьев жалуется на неурядицы между Родзянко и Балаховичем. — Земские организации уцелели, врачи тоже, — можно, значит, все наладить.

Ю. Гессен рассказывал, что в Лондоне он был как-то у Асквита, когда хлопотал о материальной помощи Юденичу. Асквит сказал, что он против борьбы англичан с большевиками, считая этих последних передовой демократией.

11 Июля. Пятница.

Уговорился с Чаманским о получении из запасов Красного Креста всего необходимо на первое время для Петрограда после его взятия. Чаманский уполномочен Колчаком представлять Красный Крест, от него же получает заказы для его армии. Передает, что принц Ольденбургский начинает вмешиваться в санитарное дело, настаивает на посылке индивидуальных пакетов, потребовал списки посланных вещей.

В Константинополе большевики сильно работают, масса прокламаций раздаются в английском и французском флоте; пока результаты незаметны.

По словам одного поставщика Красного Креста, немцы предлагают в Копенгагене много предметов из русского интендантского запаса; комплект: шинель, гимнастерка и брюки предлагают за 125 германск.мар.; есть также много одеял из наших бывших запасов.

12 Июля. Суббота.

Шутяков получил сведение, что Колчак теперь хотел бы вступить в соглашение с финнами, для скорейшего взятия Петрограда, но финны, как будто, уклоняются.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОЗДАНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

(14 ИЮЛЯ — 18 СЕНТЯБРЯ 1919 г.)

ГЛАВА I.

В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ.

Положение вещей в русской колонии. — С'езд представителей торгово-промышленной группы. — На заседании у Лианозова. — У Кузьмина-Караваева. — К характеристике ген. Юденича. — Положение продовольственного дела на С. З. фронте. — У сенатора Иванова. — У Е. И. Кедрина. — Доклад полковника Б. П. Полякова о С. З. армии. — О Булак-Балаховиче.

14 Июля. Понедельник.

В море...

Сегодня в Париже торжественный смотр войскам; через триумфальную арку пройдут все союзные войска, — русских не пригласили; а во Франции сейчас около 70.000 русских солдат и офицеров.

15 Июля. Вторник.

Прибыли в Гельсингфорс утром. Немедленно Б. И. Гессен посвятил меня в положение вещей. Три недели назад генерал Юденич образовал под своим председательством политическое совещание, в которое кроме него самого, генерала Суворова, генерала Кондырева (Кондзеровского) вошли — С. Г. Лианозов, В. Д. Кузьмин-Караваев и А. В. Карташев. Первая скрипка — С. Г. Лианозов. Неприглашение в состав совещания Е. И. Кедрина, сенатора С. В. Иванова, И. В. Гессена

и членов торгово-промышленной группы с В. В. Утеманом во главе сразу создало сильную оппозиционную группу. Кедрина не допустили на совещание, ссылаясь на то, что он масон; С. В. Иванова лично не хотел Юденич, так как, когда Иванову поручили разработать схему городского хозяйства в Петрограде, он, составив подробный доклад, послал его, помимо Юденича в Париж, в Политическое Совещание. И. В. Гессена не пригласили, потому что недовольны тем, как он ведет информационное бюро (резкий уклон влево); бюро решено передать в ведение Кирдецова, сделав его органом политического совещания.

Группу В. В. Утемана, Э. К. Грубэ, И. И. Левина, кн. Мещерского и др. оттеснили от совещания, как германофилов. Поддерживают политическое совещание только братья Б. и Ю. И. Гессены с П. П. Форостовским; к ним присоединился профессор А. И. Каминка и несколько незначительных человек. Чтобы подорвать Юденича и его авторитет, оппозиционная группа решила создать нечто в роде предпарламента, как противовес общественности диктатуре военных, но братья Гессены рассчитывают привлечь на свою сторону И. В. Гессена и сенатора С. В. Иванова.

Военное положение не блестящее, хотя войска в Северной армии свыше 50.000 человек: нет вооружения и снабжения.

Участие финнов зависит от положения Маннергейма; его шансы на прохождение в президенты республики слабы, но если он пройдет в президенты, то финны не откажут в помощи русским. Если он увидит, что не проходит, то создаст столкновение с большевиками на финской границе, об'явит родину в опасности, военное положение в Финляндии и тогда надеется, что аграрная группа присоединит свои голоса к группе правых; при

такой комбинации он пройдет в президенты. Без финнов Петрограда взять нельзя.

И. В. Гессен дополнил, что соперником Маннергейма является Стольберг, честно и независимо отвергавший немецкую поддержку и вышедший из Парламента, когда оттуда незаконно были изгнаны депутаты-социалисты. Социалисты отдадут ему, как и аграрии, членом группы которых он является, все голоса. Боясь этого, Маннергейм оттягивает выборы президента и опять их отложил до 26 июля (уже в третий раз). Красная опасность не исчезла в Финляндии. На границе в большевистских рядах — 10.000 красных финнов.

В 11 часов — на с'езде представителей торгово-промышленной группы. Предложено было создать два комитета — торгово-промышленный и финансовый. Председатель Утеман, товарищ председателя Э. К. Грубэ. Говорили: С. В. Иванов и М. И. Шефтель. Вся затея — создать органы промышленный и финансовый в противовес комитету при Лианозове, изображающему правительственный комитет по тем же вопросам при политическом совещании. Признано необходимым создать предположенные комитеты; произвели выборы и, разумеется, выбраны все члены оппозиции политическому совещанию при Юдениче.

В 5 часов был у П. П. Форостовского, познакомился с X..., французским офицером, состоящим при финляндском правительстве. Я просил его указать, с кем из французских офицеров следовало бы мне познакомиться — показал ему рекомендации Министерства Иностранных Дел; он сказал: „seulement ne perdez pas votre temps en vous adressant au colonel Z.... — c'est un homme fichu, d'aucune valeur".

Форостовский в виде комментария сообщает, что указанный полковник Z ... на подозрении у своих офи-

церов, так как живет с женщиною, которую считают немецкою шпионкою.

Лейтенант Х... рассказывает, что будто бы в Нарве был свидетелем того, как генерал Родзянко при иностранных офицерах схватил Балаховича за шиворот и выставил его из комнаты. Теперь Юденич кое как налаживает отношения между ними.

Б. Гессен узнал от Лианозова, что от Сазонова получена телеграмма, предупреждающая о том, что мне не нужно доверять, ибо я bolschevisant.

16 Июля. Среда.

В 10 часов заседание под председательством Лианозова. Присутствуют А. Каминка, Добрынин, Б. и Ю. Гессены, Форостовский, И. А. Меликов и др. Делаю доклад о демократических настроениях Запада; советую опереться на северо-западном фронте на земско-городские организации.

Встретил С. М. Проппера — все тот же, толстая сигара, брюшко. Говорит благодушно, что большевики приставляли его к стенке. Видел Э. К. Грубэ. Каминка сообщил ему о моем докладе. Прибавляет к моим выводам еще один: «надо нам обратиться к тем, к кому обратится скоро вся Европа, — к немцам».

Б. Гессен рассказывает, что в мае, когда Юденич образовывал свое политическое совещание, он предложил Грубэ войти в него. Грубэ заявил, что, будучи финнским поданным, войдет лишь в том случае, если его кандидатуру одобрит и политическое совещание в Париже. Генерал на это не согласился; Грубэ обиделся и перешел в оппозицию.

В 5 часов заехал к В. Д. Кузьмину-Караваеву; он заведует продовольственным делом. Говорит, что аме-

риканцы уже к 30 июня раскассировали свою организацию, заканчивая лишь то, что раньше было обусловлено; что сейчас много продовольствия портится, что еще больше продуктов погибнет, если Петроград к середине августа не будет нами взят; что в Выборге неистово расхищают продукты. Рассказывает о том, как голодал. Он приехал в феврале 1919 года в Москву, сын его пошел в 4 часа ночи на Александровский вокзал добывать хлеб; в 8 часов утра вернулся, не добыв; сели втроем с двумя взрослыми сыновьями и плакали. Бранит Париж: «Этот молчаливый ... Львов опять взялся за гибель России». Совещание де все проморгало, — полтора месяца назад финны за признание независимости готовы были взять Петроград, а теперь Колчак уже согласен, но финны требуют гарантий, что признание будет твердо и обязательно для будущей России; — а как создать эти гарантии? Все погибает, Колчак разбит, Деникин начинает трещать — в Донецком бассейне неспокойно. О генерале П. А. Родзянко рассказывает: взял он Ямбург, согнал на площади население, обложил его матерными словами, а речь закончил так: «теперь ступайте в баню, а завтра утром в церковь». Население было в восторге. Балахович — герой: начал наступление с 300 солдатами, теперь у него 12.000. Он литовский татарин; ничем не отличился в войне, а теперь — очень популярный герой; правда любит подвешивать: «да, любит, любит этак подвешивать, есть грех, но герой».

Вечером с Е. И. Кедриным у И. Гессена. Сегодня телеграмма, что Колчак назначил своим заместителем Деникина по главному командованию армией на случай своей болезни или смерти. Другая телеграмма из Италии, — Нитти в парламенте заявил об отзыве всех итальянских войск со всех русских фронтов.

И. Гессен рассказал, как был в Копенгагене у М. И. Витте, которая поручила ему издать мемуары С. Ю. Витте; она лишилась всяких средств к существованию. Бывшая там в то же время жена кн. Волконского упомянула о том, что представителем Юденича в Копенгагене является гр. Буксгевден. «Какой?»—спросила М. И. Витте, «тот, который был чиновником особых поручений при Московском генерал-губернаторстве?» — «Да». — «Да ведь это — убийца, ведь у меня тут под руками документы, устанавливающие, что он подготовлял убийство моего мужа». И. Гессен рассказал об этой сцене Юденичу. «Как, — сказал Юденич, — он подготовлял убийство Витте, а я думал, что он только убийца Иоллоса».

Заходил в министерство иностранных дел — помещается в бывшем царском дворце; все чисто, бело, вылизано, но убого. Секретарь министра иностранных дел, отвечая на вопрос, когда я могу видеть министра, сказал: «у нас теперь такое тревожное и сложное время, что министр мало здесь бывает».

17 Июля. Четверг.

Заседание у Лианозова в 10 часов. Читаются протоколы комиссии по выработке таможенных норм по соглашению с финляндским правительством.

Кузьмин-Караваев доложил о положении продовольственного дела. Американцы не назначили сроков расчета за продовольствие для гражданского населения, но за продовольствие для военных потребовали аванса в 5 миллионов финских марок. Им раздобыли один миллион в Швеции, а на остальные четыре выдали обязательство за подписью Лианозова и Караваева. Срок этому обязательству через три дня, — не знают, что

делать. В Выборге финские частные склады потребовали сперва по пять öре в день за квадратный метр, теперь требуют по 30 öре. При выгрузке провизии с пароходов, грузчики отказались переносить с парохода прямо на склады, а выгружали на берег; за переноску с берега в склады требовали особую плату. От дождя много на берегу попортилось,—все испорченное американцы продали финнам и на вырученные деньги оплатили выгрузку и склады. Огласил телеграмму Гувера, что если в начале августа не заберут провизию в Петроград, придется отдать ее в Европу, а доставят ли во время новую, — поручиться не могут. Юденич уехал на фронт, чтобы выяснить, можно ли двинуться вперед. Его пугают и американцы и западно-европейское отношение к помощи русским.

А. И. Каминка доложил, что образованная под председательством Утемана финансовая комиссия просила предоставить ей материалы финансовой комиссии Лианозова для ознакомления с работой. Лианозов и большинство его комитета высказалось против.

Был в 4 часов у С. В. Иванова. Сильно постарел, как то высох. (Потерял единственного сына, расстрелянного в Петрограде.) Говорит о своей работе в восторженных выражениях; составил 22 доклада по различным отраслям городского хозяйства, собрал блестящих сотрудников. Ему Юденич поручил руководить будущим временным органом городского самоуправления в Петрограде с другими тремя лицами. Он же составил для Юденича проект политического совещания. Туда попали совершенно неподходящие по его мнению лица.

В 7 часов у Е. Кедрина; ругает всех и вся. Юденич черносотенец, лучше был бы генерал Лечицкий, сенатор Иванов погубил все дело правильной организации политического совещания, отказавшись от солидарных дей-

ствий с ним, Кедриным, и другими лицами их кружка; а без них Юденич не обошелся бы и должен был бы уступить.

В 8 часов мой доклад у Кедрина. Присутствуют: Карташев, Кузьмин-Караваев, Лианозов, генерал Суворов, Шефтель, Каминка, Гессены, сенатор Иванов, Кедрин.

Я говорю об отношении к нам союзников, о настроениях европейской демократии. Б. и Ю. Гессены крайне недовольны — «Вы взяли курс так влево, что на работу Вам здесь нечего рассчитывать». Карташев гововорит: «Я не согласен со всеми вашими выводами, но мы не избалованы такими сообщениями, насыщенными фактами». Кузьмин-Караваев смотрит на меня во время доклада, как удав на жертву, Суворов ни разу не фиксирует взгляда на мне, уперев глаза в потолок. Не потрафил.

18 Июля. Пятница.

В 9 часов у Лианозова, — говорим о работе для меня. Я предлагаю войти членом в комиссии будущего органа городского самоуправления Петрограда; затем создать особый орган по снабжению земств и городов, из которого вырастет земско-городской отдел будущего министерства внутренних дел, затем снабжение санитарное и, наконец, отдельные поручения по сношениям с эстонцами и финнами. Лианозов соглашается, — будет говорить с коллегами. Рассказывает, что шесть недель назад можно и решено было итти на Петроград; был готов во всех деталях договор с финнами для совместного движения. Но англичане стали тормазить, якобы желая принять участие во взятии Петрограда своими отрядами, спускавшимися с Мурмана. С другой стороны, тормазил Париж и Омск.

Сазонов не сочувствовал соглашению с Маннергеймом, а Колчак не конкурренции ли боялся? «Если бы в Петрограде, после взятия его, огласить телеграмму, присланную четыре недели назад Сазоновым, то население разорвало бы его на части», — сказал Лианозов. Теперь положение очень тяжелое. Последняя надежда на то, что Маннергейм будет президентом.

В связи с этим П. Форостовский сообщил, что 6 недель назад, когда Красная Горка была взята Северной армией и отсюда стали обстреливать Кронштадт, там взяла верх белая партия, которая и подняла над Кронштадтом белое знамя. Бросились к англичанам, умоляя их подойти к Кронштадту и принять его, — английский адмирал Коуэн заявил, что у него нет полномочий для принятия Кронштадта. Белые держались четыре часа; увидя, что им никто не помогает — разбежались; красные опять взяли верх и жестоко расправились с белыми.

В 10 часов заседание совещания при Лианозове; обсуждался окончательный текст таможенного соглашения с финнами. Наши главным образом стремились обеспечить вывоз в Петроград дров и бумаги. Финны, повидимому, разрешат вывоз из Финляндии того и другого в достаточном количестве.

Окончательный день выборов президента Финской республики — 28 июля. Шансы Маннергейма продолжают быть слабыми: в случае отказа Стольберга, намечается кандидатура министра Иностранных Дел Хольсти. Рассказывают, что Маннергейм изо всех сил провоцировал большевиков на нападение на Финляндию, чтобы сделаться к моменту выборов «отцом отечества». Друзья большевиков предупредили их и маневр финнов не удался. Если Маннергейм провалится, опасаются усиления позиции крайних, подавленных, но не раз-

давленных, и помощи финнов во взятии Петрограда ждать не придется.

В 4 часа заседание комитета Лианозова, при участии Карташева, Кузьмина-Караваева и ген. Суворова для заслушания доклада начальника снабжения северо-западной армии полковника С. П. Полякова (служил в разведке, офицерский Георгий) рассказывает:

«Сейчас в северо-западной армии числится 51.240 человек. Хорошо одеты, обуты, снабжены всем необдимым небольшая часть — около 6.000 человек; остальные — без сапог, без белья, в рваной одежде. Англичане давно обещают снабжение, но до сих пор ничего нет. («Сегодня генерал Марш сказал мне, — вставляет Карташев, — что его совесть чиста — три парохода уже нагружены, идут, в ближайшие два—три дня будут в Ревеле: идут аэропланы и танки». По словам Полякова, англичане говорят: «с первым снегом войдем в Петроград»). Если обещанное снабжение придет, то на 10.000 человек только, для остальных надо купить, а для этого нужно 45 миллионов рублей единовременно.

Расходный бюджет на июль — около 60 миллионов рублей; доходный (от продажи населению привезенной американцами муки) — не более 7—8 миллионов, так как американцы разрешают продавать только по пол фунта на душу, а через две недели население будет собирать новый урожай и скоро американская мука не будет ему более нужна. Кроме того, эстонцы также продают в некоторых местах белую муку, полученную ими от американцев, при этом вдвое дешевле нас, чтобы привлечь к себе симпатии населения. Большой доходной статьей может быть лен, но, во-первых, он имеется в большом количестве (около 4-х миллионов пудов) лишь в еще незанятых нами уездах и, во-вторых, надо за него крестьянам давать товар, которого у нас

совсем нет. Единственный выход — печатный станок. Разрешенных к печатанию 5 $^1/_2$ миллионов мелких казначейских свидетельств хватит лишь на очень короткое время; нужно усилить печатание немедленно.

Дисциплина в русских отрядах не блестящая, — это не современная армия, а ландскнехты; задержка в уплате им жалования опасна, — они склонны обирать местное население. Во многих мелких боевых единицах есть двухнедельные запасы муки, которые они скрывают, везя их за собою, закапывая в землю; чтобы увеличить получаемый паек, части не ведут ведомости убитых и убежавших, — вообще, вся отчетно-канцелярская часть при армии в скверном состоянии.

Трудности с поставщиками армии очень велики. Один из них попался на крупную сумму; документы, относящиеся к этому делу, были присланы Полякову; подрядчик явился к нему с револьвером в руках и угрожал, что пристрелит Полякова, если он будет вмешиваться в это дело; все, что мог позволить себе Поляков — это не выдать подрядчику компрометировавших его документов, которые он спрятал у знакомых для безопасности.

Патронов на всю армию лишь 600.000 на 50 тысяч человек.

Повидимому, Поляков, видя себя предоставленным в тылу самому себе (совещание при Юдениче и сам Юденич почти не заглядывают на эстонскую сторону, готовя «поход» на Петроград в Гельсингфорсе), считал себя неограниченным самодержцем; характерный эпизод: Поляков показывает совещанию бумагу и говорит: «Вот, например, получена бумага из канцелярии начальника снабжения армии в Гельсингфорсе, который требует усиленных мер для получения с кого то каких то сумм. Когда эта бумага, присланная лицом, не давшим ар-

мии ни одной пары сапог, ни одной шинели, была получена нами, то она была встречена гомерическим хохотом всей канцелярии». Оказывается, что бумага шла от члена политического совещания генерала Кондзеровского и была принята генералом Зейдлиц, начальником Полякова. Вмешивается генерал Суворов и резко осаживает Полякова, делая ему указание на необходимость подтянуть тыл, который должен быть не таким же, каким он был до революции; на это следует не менее резкая отповедь взбешенного Полякова: нужно считаться с событиями — дисциплины нет, нет средств поддержать хотя бы и умеренное желание повиноваться.

Совещание по моему настоянию решает:

1. Разрешить полковнику Полякову подготовить печатание еще 30 миллионов, но не пускать их в обращение до ближайшего распоряжения.

2. Открыть в Пскове отделение Государственного Банка и поручить ему наблюдение за эмиссионными операциями.

3. Ускорить печатание в Стокгольме 1.200 миллионов новых денег, порученное Лианозовым В. П. Шуберскому.

Лианозов докладывает, что ходатайство Юденича об отпуске ему Омским правительством 175 миллионов эстонских марок — отклонено, но, по словам нашего посла в Стокгольме — Гулькевича, в Париже будут печатать для Юденича деньги по заказу Омского правительства. Попытка была сделана напечатать их здесь в Гельсингфорсе, но социалисты пронюхали и в финских газетах появились заметки, что русские занимаются печатанием фальшивых денег. Противодействия были и со стороны германофильской группы: финансовое совещание, основанное в противовес политическому, высказывалось всегда против печатания денег, считая это

противогосударственным способом разрешения денежного кризиса.

19 Июля. Суббота.

Б. Гессен рассказывает, что, несколько дней назад, генерал Родзянко послал в Гельсингфорс уполномоченного к генералу Маннергейму с заявлением, что признает независимость Финляндии и предлагает войти с ним в соглашение для общего выступления. Маннергейм ответил благодарностью и указанием, что в Гельсингфорсе есть уже представитель России — генерал Юденич, с которым он и ведет переговоры.

Общий отзыв об Юдениче членов политического совещания и примыкающих к ним: умный, крайне молчаливый генерал. Лианозов мне сказал: «часто приходилось в политическом совещании касаться еврейского вопроса — генерал Юденич всегда высказывался одинаково, в смысле обеспечения евреям прав и неприкосновенности».

20 Июля. Воскресенье.

Некоторые мелочи.

По словам С. Иванова, к нему в городской отдел, который он создал в Гельсингфорсе, просился сын принца Ольденбургского на жалование, — жить нечем. Тот же Иванов жаловался на генерала Юденича, что недостаточно представителен— живет де в одном номере гостиницы, тут же и принимает.

Кузьмин-Караваев состоит редактором «Русской Жизни». Вчера там было об'явление о панихиде по «в Бозе почившем государе императоре».

С. Иванов мне рассказал, что к нему в Питере пришел какой то еврей и сказал: «Я большевик, я видел у моего родственника список лиц, подлежащих аресту в качестве заложников; Вы там на втором месте. Помня Ваши отношения к евреям, я пришел предупредить Вас

о необходимости скрыться немедленно». Иванов так и не мог добиться, кто этот большевик.

21 Июля. Понедельник.

День в имении у Б. Гессена. Приехал И. В. Гессен. Как всегда, много рассказывает. Когда Булак-Балахович взял Псков, он задержал всю большевистскую чрезвычайную комиссию — 34 человека. Вывел их на площадь, куда повалили и псковичи. Булак сказал чекистам речь: «Вы так провинились, что вам больше нет места на земле, считайте себя мертвыми; но если о ком-нибудь из вас кто-нибудь из собравшегося здесь народа скажет доброе слово, что вы кого-нибудь пожалели, с кем-нибудь были милосердны, — того я пощажу».

Из народа крики: «Всех их казнить!»

— «Вы слышите», сказал Балахович, — «приходится вам всем умереть. Пуль у меня нет, они все на учете, и вешать вас у меня некому — все заняты делом. Даю вам полчаса времени — вешайтесь сами».

Все через пол часа повесились. «Si non e vero ...»

В Финляндии образована комиссия для рассмотрения вопроса о принудительном выкупе правительством русских имений в Усикирке, Терриоках и других смежных местностях.

22 Июля. Вторник.

Вернулся в Гельсингфорс. Лианозов сообщил, что вчера решено было послать меня в Лондон вместе с А. И. Каминкой добывать деньги для Северо-западной армии и сообщить в Лондоне о положении дел в Финляндии. Теперь острота миновала, и мы не едем.

Взялся за дело организации специального отдела земско-городского снабжения при комитете Лианозова.

Приехал Юденич.

В 4 часа совещание у Лианозова. Разрабатываем проект нормального договора по доставке дров. Проект разрабатываем мы, а осуществлять будет отдел по топливу под управлением генерала Суворова. Зачем это глупое дробление-снабжения, — непонятно.

Вчера приехал Кирдецов. Весь вечер он провел у Карташева, который сказал ему, что решил отнять у Кузьмина-Караваева редактирование «Русской Жизни» (сегодня передовица по поводу убийства Николая II; восхваляет его характер).

Карташев организует управление по делам печати.

Генерал Гоф сказал А. И. Каминке, что, хотя он и имеет полномочие помогать Северо-западной армии деньгами, но полномочия эти недостаточно определены и поэтому необходима поездка его в Лондон. Почему то, однако, эта крайне важная поездка временно откладывается.

По сведениям из финских кругов, положение Маннергейма безнадежно; финские стрелки угрожают, что если его не выберут, они сделают переворот и посадят его.

Юденич сегодня сказал, что солдаты наши босы, голы, вооружена лишь половина, но рвутся в бой все.

По словам И. В. Гессена, гетман Скоропадский был в Гельсингфорсе и говорил, что вывез из Киева 10 миллионов, из которых дал немного Политическому Совещанию в Париже и немного политическому совещанию Юденича.

ГЛАВА II.

ВОКРУГ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ ГЕН. ЮДЕНИЧЕ.

Заседание финансового отдела. — Совещание у Кедрина. — Карташев о большевизме. — Опять о продовольствии. — Санитарное снабжение — сообщение проф. Цейдлера. — Комитет прессы. — Рассказ Кедрина о возникновении политического совещания. — Характеристика членов совещания: о Карташеве, ген. Суворове, ген. Юдениче. — Проект Городского Самоуправления Петрограда. — У ген. С. В. Иванова. — У И. В. Гессена. — Карташев о политическом совещании.

23 Июля. Среда.

В 10 часов заседание финансового совета.

Обсуждался вопрос об открытии Псковского отдела Государственного Банка. А. И. Каминка и И. И. Левин были против открытия вообще и против открытия без предварительного расследования вопроса на месте в частности. Я настаивал на немедленном открытии. Решили сегодня же послать на место бывшего управляющего Выборгским отделом банка Мейера и открыть действия.

В 3 часа был на заседании санитарного отдела при начальнике снабжения Северо-западной армии. Председательствовал профессор Г. Ф. Цейдлер, делопроизводительствует доктор Молодовский, которого принц Ольденбургский в 1917 году назначил главным медицинским инспектором вместо Малиновского.

Совещание решает сделать закупок санитарного снабжения у некоего Венгерова, которого особенно рекомендуют проф. Цейдлер и сенатор Иванов, на 45 миллионов марок, а валюты у Лианозова всего на несколько сот рублей.

Приехавший с фронта доктор сообщил, что помощи раненым, — до 500 человек, — почти никакой; госпиталь лишь на 25 кроватей; ни лекарств, ни белья, ни инструментов, ни перевязочных средств. Сыпной тиф есть, холеры нет. Иностранцы-союзники почти ничего нам до сих пор не дали для санитарного оборудования фронта.

В 6 часов прения по моему докладу у Кедрина. Резюмирует Кедрин так: Европа требует от России демократического строя, приветствовала бы республику, более равнодушна к федерации.

А. В. Карташев приветствует мое сообщение, разделяет мой пессимизм, но неудовлетворен выводом: нужно де, по моему, захватить светлый промежуток, не длительный, когда демократия Запада еще не совсем закрыла возможности своим правительствам помочь нам, — и это все. Правда, и он считает необходимым «угодить» еще раз Европе, принятием ее требования демократических реформ, как мы услужливо угождали ей, отговариваясь от наших общественных деятелей, заподозренных в германофильстве; но и в этом случае у нас не может быть уверенности, что этим угождением улучшим ее к нам отношение.

И. Гессен недоумевает, почему Карташев считает, что демократическая окраска наших попыток возродить Россию есть «угождение» Европе.

Карташев отвечает длинной речью; говорит, закрыв глаза, вытянув шею и устало выбрасывая из себя слова:

— Большевизм показатель мучительных исканий народной души; от него не спасут нас ни генералы, ни Европа; нужны какие то более сильные, новые слова, может быть, более сильные, более разрушительные, чем те, что провозглашали большевики; нужен какой то идеалистический чистый большевизм, еще дальше идущий, чем большевизм Ленина и Троцкого. Ни Колчак, ни Деникин, которого, может быть, ждет та же неудача что и Колчака, не оздоровят народной души. Какие то Балаховичи, какие то Григорьевы, лучше понимая искания народной души, успевают создавать более сильные войсковые массы, чем наши генералы. Нужно что то новое, что то сильное, что чувствуется интуицией, но до чего разумом трудно дойти. И потому мелочные требования Запада о представлении нами демократического паспорта, он, Карташев, демократ, считает и глупыми и пошлыми, ибо эти требования непропорциональны тому огромному процессу, что совершается в народной душе.

С. Г. Лианозов отмечает пагубную роль Сазонова в деле попыток взятия Петрограда; не упрись он на непризнании Финляндии (одновременно с этим он находит нужным требовать Константинополь — до того он, Сазонов, нереален), мы бы уже были в Петрограде. Безумие и политическая неграмотность русских, — главная причина наших неудач. Большевики—разбойники и всякое подхождение к ним, как к политической партии, — есть усиление их позиции.

И. Гессен возражает Лианозову. Большевики при всех их ужасах, все же политическое явление, и Запад иначе их не может понимать. Недавно вышло новое издание книги Зомбарта, — там новая глава о большевиках, за которыми Зомбарт признает крупные заслуги. Так же смотрит на них и профессор Олар. Провал об-

щеевропейской забастовки 21-го июля, долженствовавшей означать протест европейской демократии против вмешательства в русские дела, не является показателем бессилия европейского пролетариата. Мы не знаем причин ее отложения; а, быть может, главная причина, — сделка между тред-юнионами и Клемансо, который обещал пойти навстречу экономическим требованиям рабочих и отказаться от помощи России за отказ от забастовки. С другой стороны немецкая пресса усиленно муссирует приступ к торгово-промышленным сношениям с большевиками. Посланная ими в Россию экспертная комиссия вернулась в Германию, и заключения ее, кажется, благоприятны для большевиков.

Кедрин (председательствующий) требует конкретных мер к выявлению политической физиономии совещания генерала Юденича перед Европой и, как первую меру, — изменение характера его оффициоза «Русской Жизни». Все соглашаются, что статья о Николае II крайне вредна и будет использована врагами белого движения.

На обратном пути спрашиваю Карташева, почему он не счел нужным помешать Кузьмину-Караваеву написать такую статью.

— Генералы в восторге от Владимира Дмитриевича — об'ясняет Карташев, — и единственный способ борьбы с ним, — это написание статей в другом, либеральном направлении. Я буду эти статьи протаскивать и таким образом заставим Владимира Дмитриевича понять, что ему не место в редакции. —

23 Июля. Четверг.

В 11 часов совещание по продовольствию под председательством Кузьмина-Караваева.

Присутствуют: Карташев, Лианозов, С. Иванов, Кедрин, Ю. Бутлеров, Ю. и Б. Гессены, П. Максимов, В. Сенютович-Троцкий, генерал Зейдлиц и другие.

Кузьмин-Караваев докладывает о положении дела. Американцы доставили около 15 тыс. тон муки, бэкона, овсяной крупы, жиров, бобов и конденсированного молока. Из них свыше 3.000 тонн, испорченных от дождя, продано, около 3 тысяч тонн роздано войску и населению освобожденных местностей; остается около 9.000 тонн. Американцы ликвидируют свою организацию. Принимаются меры, чтобы американцы подвезли еще грузов, находящихся в разных местах, тысяч пять тонн, чтобы ко взятию Петрограда было тысяч 15 тонн продовольствия. Гулькевич в Стокгольме, при содействии своей организации (ему помогают представители земского союза и наш торговый агент Никольский), обещает заготовить 15 тысяч тонн муки; но когда успеет выполнить — неизвестно.

С. Иванов указывает, что продовольственный отдел работает уже более полугода (сперва в нем несколько месяцев работал Сенютович-Троцкий, потом — Кузьмин-Караваев) и до сих пор нет еще никакой в этом деле организации.

По мнению Кузьмина-Караваева, организация должна «вырасти» из практической работы, заранее ее создавать не к чему, прежде всего нужно установить пайки, а все остальное приложится.

Прихожу в отчаяние и воплю: ведь размер пайка можно установить в два часа. А вот организовать запасы на Западе — для этого нужны были безвозвратно потерянные недели и месяцы. На одних американцев нечего рассчитывать, хотя и их нужно подстегивать в Париже; нужна еще организация в Копенгагене, и в Стокгольме, и в Лондоне — везде нужны агенты, нужны

люди, которые будут раздобывать отовсюду продовольствие хотя бы по мелочам.

Кузьмин-Караваев приглашает всех на завтра для выработки «размера пайка».

Я говорю Лианозову: «ведь, продовольствие столицы в руках Владимира Дмитриевича, при его неопытности и усталости, — это гибель. Петроград ничего не получит».

— Поздно, говорит Лианозов, брать теперь из его рук продовольственное дело; на это не согласится Юденич, нужно общими силами как нибудь выпутаться из дела.

Карташев организует комиссию по контролю информации (ведает ею И. В. Гессен) и оффициоза (ведает Кузьмин-Караваев), куда включены Кирдецов, Новицкий (секретарь Карташева) и И. И. Тхоржевский (бывший член Совета Петроградского Торгово-Промышленного Банка). Кирдецов, опасаясь обвинения в черносотенстве в будущем, — колеблется, принять ли ему предложение. Жалование членам совещания по 3 тысячи марок.

Завтра генерал Юденич со штабом переезжает в Нарву; туда же, частью в Ревель, переезжают и другие органы. Лианозов и Кузьмин-Караваев остаются в Гельсингфорсе, но будут наезжать в Эстляндию. Странная организация, — продовольствие и финансы отрезываются от армии.

По словам профессора Г. Ф. Цейдлера, у начальника снабжения Северо-западной армии ничего не заготовлено; по санитарии все приходится делать для него и за него, — он благодарит и принимает, как должное. В прошлом был артиллерийским приемщиком; почему Юденич назначил его из десятка генералов ведать

снабжением — для всех тайна. Завтра ждут танков и аэропланов.

25 Июля. Пятница.

В 10 часов заседание продовольственной комиссии. Оказывается, что в портфеле заведующего продовольствием имеются лишь данныя о том, сколько привезли американцы и сколько из этого запаса израсходовано. Ни малейшей попытки подготовить получение продовольствия и из другого источника. Правда, списались с Гулькевичем и ждут от него 15 тысяч тонн муки, — но как он их раздобудет и когда, — никто не знает. Сплошной ужас, а ведь итти в Петроград без продовольствия — чистейшее безумие. Настоял, чтобы завтра приступить к обсуждению плана заготовок.

Вечером опять в «своей компании». Забавен рассказ И. Гессена о С. М. Проппере со слов этого последнего. В 1904 году Проппера как то пригласил к себе покойный министр Плеве. Принял его в своем кабинете, сел в кресло у окна, просил Проппера сесть в противоположное кресло. «Благодарю Вас, Ваше Высокопревосходительство» и не садится. Плеве настаивает. — «Я постою». — «В чем дело, господин Проппер? Я не понимаю», — говорит недоумевающий Плеве. Проппер: «У Вас есть кресла, которые, я знаю, проваливаются с сидящим в нем вниз, под пол, где сидящего в кресле секут». Плеве расхохотался, вскочил со своего кресла и предложил Пропперу сесть на него. «Благодарю, Ваше Высокопревосходительство, Ваше то кресло наверное и есть это опасное кресло».

Недоумеваем, почему «либеральный» Карташев счел нужным пригласить в комитет прессы И. И. Тхоржевского. И. Гессен сообщает его биографию. Он был блестящим чиновником, директором кабинета А. В. Кри-

вошеина, делал быструю карьеру, но оборвался с отставкой Кривошеина; тогда промышленники (Утеман) пригласили его в О-во «Треугольник», а потом К. Ярошинский — в Петроградский Торгово-Промышленный банк; камергер, пишет стихи, шорошо играет на рояли.

Президентом Финляндской республики сегодня в 6 часов избран Стольберг, получил 143 голоса против 50, поданных за генерала Маннергейма. Стольберг — профессор государственного права, председатель верховного суда, умеренный либерал, к русским питает симпатии. Консервативное крыло ждет ужасов, бунта шуцкора, восстановления власти красных, социальной революции; шуцкор тоже встревожен, некоторые офицеры подают в отставку. По словам Тавасштерна, в шуцкоре — 180 тысяч человек; повидимому, никаких насилий, однако, не будет.

Генерал Зейдлиц, начальник снабжения армии Юденича, говорит мне по поводу провала Маннергейма: «надо разогнать сейм и показать ему, как вести страну».

В 4 часа пришел Кедрин; рассказал о начале своей работы в Финляндии. Он приехал в Финляндию в январе; тогда кто то, кажется, П. Струве, выдвинул Юденича в Русском Благотворительном Комитете, образованном в декабре еще с Треповым—председателем и кн. Волконским и Э. К. Груббе — товарищами председателя. Из Петрограда «Национальный Центр» на пост командующего намечал генерала Суворова, который там считался главой контр-революционного заговора. В январе собрался по инициативе Б. Гессена с'езд из 200 человек, где провалили Трепова и посадили председательствовать, по настоянию Струве, только что приехавшего Карташева. В комитете из 25 лиц, с председателем Карташевым, обсуждали план создания совета министров при генерале Юдениче. Сенатор Иванов,

ни с кем не посоветовавшись, предложил Юденичу через Карташева проект, по которому сам Юденич намечал состав своего министерства. Кто то у Юденича переработал этот проект в том смысле, что Юденич сам входил в совет на равных с другими правах (хотя сам намечал членов совета!!) и, что для исключения из состава совета требовалось большинство — три четверти голосов.

В начале марта Юденич как то созвал Совет в составе — ген. Кондзеровского, ген. Суворова, Карташева, Кедрина, Форостовского, Лианозова, Шуберского. Было только одно заседание этого совета, больше его Юденич не созывал и в скором времени об'явил образование Политического Совещания в теперешнем его составе. Почему Юденич остановился на теперешнем составе,— сказать трудно. Кедрин думает, что он умышленно выбирал людей слабой воли и без силы сопротивления, чтоб властвовать; быть может, ему помогала и жена его, дама, повидимому, хорошо в людях разбирающаяся. Кедрин, оставшись за флагом, пытался создать нечто в роде предпарламента, — чтобы систематически влиять на политическое совещание, давая ему более либеральное направление. Но это ему не удается. В январе в Петроград явился некто кн. Оболенский и от имени англичанина Лича предложил неограниченные суммы в распоряжение «Национального Центра» для переезда членов его в Финляндию и работы там по взятию Петрограда... «Национальный Центр» отказался от этого предложения. Любопытно, что тот же Лич работает и здесь, причем агентом его в Гельсингфорсе является некий Гарденин, человек близкий к Юденичу.

По наблюдениям Кедрина, Карташев всецело в руках своего секретаря, к.-д. Г. И. Новицкого, человека энергичного, подвижного, честолюбивого. Атмосфера во-

круг Карташева, среди его ближайших сотрудников — сугубо черносотенная и юдофобская. Утешительно.

О другом члене политического совещания, ген. Суворове, (с которым я в Петрограде как то познакомился у родственника его, прис. поверен. А. В. Бобрищева-Пушкина), Б. Гессен рассказывает: «Зашел я к нему поговорить об организации транспоортов в Петрограде. Суворов сказал: «Нам до этого нужно подумать прежде всего о том, как избежать в Петербурге расстрелов». Кирдецову он показывал постановление какого-то армейского большевистского комитета, где воздается должное его об'ективности и корректности.

Встречаю М. М. Долуханова (артиллерийский подполковник, инженер на службе у Лианозова), прошу осведомить меня о военных.

Юденич — в общем настроен демократически (?), занят, главным образом, борьбой с немецким влиянием, бывшим до него очень сильным и сосредоточившимся вокруг генерала Арсеньева, которого долго из-за этого не пускали на фронт. Карьера генерала Суворова — сперва командовал полком, а потом всю службу провел в штабе — сперва Петроградского округа, а потом — Верховного главнокомандующего, — боевых заслуг не имеет. Генерал Кондзеровский был генералом особых поручений при штабе Верховного главнокомандующего, боевой подготовки не имеет, политической—еще меньше.

По словам Лианозова, при обсуждении вопроса в Политическом Совещании о положении печати в освобожденном Петрограде, Кузьмин-Караваев заявил, что никакой печати не нужно; будет «Правительственный Вестник» и это все. Карташев восстал против такого мнения и замял вопрос.

Волов, издатель «Русской Жизни», сообщил, что газета, — 2.500 экземпляров в день, — обходится ему на круг в 600 марок в день. Расходы эти ему не под силу.

И. В. Гессен читал мне письмо к нему нашего Стокгольмского посла Гулькевича о крайней необходимости создания русского органа в Стокгольме для поддержания там в русской среде правильных сведений о положении вещей. Листки, печатаемые Liberation Commitee, пишет Гулькевич, ничего не содержат в себе и никому не нужны. Продукты А. В. Тырковой и Исаева.

В 11 часов совещание по продовольствию у Кузьмина-Караваева. Сообщает письмо от Шуберского в Стокгольме о Гулькевиче, создавшем комитет из представителей земского союза и кооперативов; комитет устроил склады и заготовки в Стокгольме и Копенгагене.

В 1 час завтракаю с профессором Цейдлером и С. М. Проппером. Цейдлер характеризует генерала Юденича: глубоко провинциальный генерал, чистый техник, никакого государственного кругозора, слабое общее образование, людей знает мало, не доверяет им, молчит, думает, делает свои выводы, которые изменить трудно. В политические руководители не годится. Генерал Суворов, интеллигентнее, подчеркивает левые тенденции. У Цейдлера был с ним такой разговор:

Суворов: Знаете, кто у Вас во врачебной среде в Питере перешел к большевикам?

Цейдлер: Конечно, крупных заправил знаем.

Суворов: Что Вы с ними сделаете по прибытии в Петроград?

Цейдлер: Уволим, заменим другими, остальное не наше дело.

Суворов: А что же с ними по Вашему делать? (проводит рукой по шее).

Цейдлер: Ваше дело.

Суворов: Лучше бы во время они удрали.

Общее же здесь настроение, по словам Цейдлера, специфически военное — штык. Городские деятели вздумали было позаимствовать у финнов идею шуцкора, — национальную гвардию из буржуазии, которая почти вся экипируется и живет за свой личный счет или за счет городов и коммун. Составили проект, передали совещанию — оттуда национальная гвардия вышла в образе жандармерии с товарищем министра внутренних дел во главе. Городскую милицию русские здесь считают большевистской затеей. Никакой организации для будущего Петрограда, — одна болтовня, ничего не приготовлено.

Кузьмин-Караваев сообщил утром, что деньги, которые кн. Львов дал Русскому Политическому Совещанию в Париже, он получил от членов земсоюза в Стокгольме, которые, продав некоторые свои заготовки, выручили там 269 тысяч крон. Из них двести тысяч они отослали кн. Львову, а на 69 тысяч теперь работают и успели уже соорудить госпиталь на 25 кроватей, который и послали в Нарву. Жалко двухсот тысяч, ушедших не на раненых, а на жалование членов Совещания в Париже.

В 7 часов обед с Л. Б. Яворской, ее мужем Поллоком (сотрудник Times'a) и Эберто (сотрудник Matin). Эберто заявил, что он монархист, что cette crapule de Jaurès — немецкий наймит, что Францию спас Фош и Виллен, убивший Жореса, что Керенский — негодяй и т. д. Яворская передала, что кн. Львов и Керенский

— неразлучны (?), что политику Львова подсказывает Керенский.

В 8 часов у Кедрина — С. Иванов, Кузьмин-Караваев, А. Каминка, П. В. и Ю. П. Гессены.

Я предложил образовать здесь совет Государственного Об'единения для создания в Петрограде Буржуазного Общественного Фронта, необходимо для нас и для общения с союзниками. Не возражали, но особенно и не поддерживали. На среду решили собрать большое собрание по этому поводу.

27 Июля. Воскресенье.

Кирдецов получил от Карташева письменное предложение взять в свои руки информацию, отбираемую у П. В. Гессена и переходящую в ведение Политического Совещания.

Члены Политического Совещания (Лианозов, Карташев и Кузьмин-Караваев) хотят в четверг ехать в Ревель. Они просили у Хольсти выдать им разрешение на многократный выезд и в'езд в Финляндию на продолжительный срок, ввиду неизбежности частных поездок в Ревель. Хольсти отказал, так что каждый раз все они должны хлопотать у финнов о выезде, у эстонцев здесь, в Гельсингфорсе, — о в'езде в Ревель; у эстонцев в Ревеле — о выезде и у финнов о в'езде обратно... Для раз'ездов по Финляндии им уже выданы срочные разрешения, для раз'ездов по Эстляндии — еще нет.

Был в 11 часов у генерала Суворова. Жаловался на порядки на северо-западном фронте; офицеры здесь совершенно не понимают нового духа солдат. Солдаты усвоили себе из революционного времени два понятия: «старый режим», как совокупность всех зол, всего отрицательного и «народовластие», как неот'емлемое право на лучшее будущее. Этого не хотят и не могут понять

офицеры, и чем выше стоят по иерархической лестнице, тем меньше понимают это. И никакие уроки не могут просветить генералов, даже архангельский опыт. Генерал Марушевский, который местному интервьюеру заявил, что все обстоит благополучно, Суворову с глаза на глаз рассказывал правду о постепенном вторжении большевизма в ряды Северной армии. А сегодня уже в газетах есть сообщение об убийстве солдатами под Онегой четырех английских и нескольких русских офицеров за их участие в расстрелах большевиков. Сообщил, что получил письмо от заведующего гражданской частью в тылу северо-западной армии, К. А. Александрова, в котором тот жалуется на военные эксперименты гражданского управления в очищенной территории; еще больше об этом же сообщил некто Лифшиц, посланный Карташевым на фронт. Как помочь делу,— не знает.

В 5 часов зашел к сенатору Иванову по его приглашению, поговорить о городских делах; рассказал мне историю образования Политического Совещания при Юдениче и Комитета по городским делам.

Нужно отметить:

1. На все предложения построить будущее городское управление на общественных работниках, расширить функции городского управления, предоставить городу издавать свой печатный орган, — совещание при Юдениче ответило отказом, причем возражал более всех и был непримиримее всех Кузьмин-Караваев, обычно заявляя: «какие там права города, какая пресса, — штык и больше ничего». Возражал даже и против оставления за городом права управления трамваем: а вдруг военному ведомству понадобятся трамваи для перевозки снарядов, — что же, просить о предоставлении их у города, что ли?

2. Первая попытка создания зародыша власти на северо-западе относится к декабрю 1918 года, когда с А. Ф. Треповым,—бывшим премьером во главе, образовался легализированный финнами Русский Комитет для забот о русских в Финляндии и для представительства их интересов перед финским правительством.

3. В Куокалле вокруг С. В. Иванова сгруппировалась оппозиция, требовавшая правильного избрания членов Комитета, вместо самочинного, более демократического состава и определенной программы. В середине января произошли перемены в составе Комитета: Трепова заменил Карташев, вышел из состава комитета гр. Буксгевден и Панчулидзев; вошли Лианозов, Форостовский, Шуберский, Сенютович-Троцкий. Всего 14 человек.

4. В марте—апреле было организовано 8 местных отделений комитета; терриокское отделение добилось права участвовать в решении вопроса о высылке из карантина в Терриоках обратно в Петроград неблагонадежных лиц, бежавших из Петрограда. Вскоре, однако, финны закрыли эти комитеты, и политической полицией в Терриоках занялись: бывший Петроградский градоначальник кн. А. Н. Оболенский и бывший начальник Петроградской сыскной полиции Кунцевич.

5. Три недели назад С. В. Иванов был у Юденича. Юденич сказал ему: «сейчас придет ко мне Оболенский, хлопочет о месте в Петрограде, дайте ему понять, чтобы он раз навсегда оставил меня в покое». Иванов исполнил.

6. 8 июля Иванов получил от Юденича письмо с назначением его председателем, а Бутлерова, Цейдлера и профессора Попова членами комитета по организации временного управления города Петрограда. Всего Комитет будет состоять из 14 лиц, — все утверждаются

Юденичем. При комитете одиннадцать отраслей городского хозяйства, с техником во главе каждой под наблюдением одного из членов комитета. Иванов пригласил меня в состав комитета, сказал, что будет сделано предложение о включении меня в комитет, специально для ведения санитарной частью. Я ведал ею три года во время войны.

7. Неоднократно, когда Карташева упрекали в тех или иных реакционных шагах, которым он не противодействовал, он хватался за голову и говорил: «я бессилен, я окружен предателями».

8. Финансовая комиссия составила пробный бюджет для Петрограда на один год — 560 миллионов рублей.

В 9 часов вечера был у И. В. Гессена и А. И. Каминки, вызванный по приглашению И. В. Гессена. У них был сегодня днем Карташев. Пришел об'ясниться и оправдываться перед Гессеном за отнятие у него без предварительного предупреждения и получения согласия от него — информационного листка и передачи его Кирдецову, при чем впал в сугубый пессимизм, об'ясняя, что генерал Юденич забрал Политическое Совещание в свои руки, ни с кем не считается, оперирует ими всеми, как пешками.

В антураже Юденича царит безнадежное черносотенство: Кондзеровский — жидомор и черносотенец, генерал для особых поручений де-Сино — монархический агент. При Юдениче орудует Дурново (сын Петра Дурново); появились и офицеры немецкой ориентации, в роде полковника Балицкого, назначенного ликвидировать в Гельсингфорсе штаб Юденича, окончательно переехавшего в Нарву.

Пароходы с снабжением еще не пришли, ждут их сегодня, но и с ним о быстром продвижении на Питер

нет и речи. Генерал Юденич не понимает надобности передачи Петрограда в ведение гражданских властей: как Эрзерум делил на военные участки, так хочет он сделать и в Питере.

Он, Карташев, решил ехать в Париж, чтобы просить Политическое Совещание, либо послать людей, которые бы взяли генералов в свои руки, либо сместить Юденича. Юденич побаивается поездки Карташева, мотивировавшего ее политическим положением, но соглашается на нее. Карташев в свое время предлагал включить И. Гессена в состав Политического Совещания, но его, как еврея, устранили; некоторое время спустя Юденич говорил Карташеву: «чуть Вы меня с этим Гессеном не подвели». Когда Карташев читает Совещанию отрывки из писем П. Б. Струве для освещения отношения Парижа к Северо-западу, генерал не скрывает отрицательного к Струве отношения; «по его мнению и Струве, как революционера, надо повесить».

И. В. Гессен просил меня и Каминку, высказаться, как быть: ведь работать при таких условиях — это значит покрывать своими политически-общественными именами черную сотню и принимать ответственность за дикую расправу в Петрограде, в которой пострадает много невинных.

Мы с А. И. Каминкою возразили, что черная реакция исторически неизбежна и если есть хотя малейшая возможность смягчить удары ее окровавленной лапы — мы должны это сделать. Решили, на что Карташев дал вперед согласие, собраться вчетвером во вторник. Гессен сказал Карташеву, что будет издавать бюллетень независимо от Политического Совещания. Карташев сразу ухватился за это заявление (снимало с него часть тяжести за устранение Гессена), но когда Гессен ска-

зал, что вряд ли параллельные издания бюллетеня, в особенности, если принять во внимание, что его бюллетень, несомненно, будет лучше, окажется выгодным для Совещания, — Карташев задумался и заявил, что в четверг, когда все члены Совещания будут в Ревеле, сообщит им о положении дела.

В шведской газете перепечатано из „Times“ о большевистских беспорядках в тылу у Деникина.

ГЛАВА III.

ВОКРУГ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА.

Предложение Скавениуса. — Совещание с Карташевым. — У И. В. Гессена. — У Л. Б. Яворской. — Предложение И. И. Тхоржевского. — Красный Крест на фронте. — Газета «Русская Жизнь». — Предложение Леонида Андреева. — К. И. Арабажин. — Немцы в Финляндии.

28 Июля. Понедельник.

Был у эстонского представителя д-ра Колласа, за визою в Эстонию; он сказал, что дал бы визу охотно, но в Эстонии военное положение; предложил мне поговорить по телефону с Теннссоном в Ревеле (министр Внутренних Дел). Поговорил—Тениссон тоже сказал, что дал бы охотно, но нужно согласие военного министра, в виду военного положения. Обещал завтра телеграфировать Колласу. По всей Европе получал визы без запросов правительств — на Эстляндии споткнулся.

Хотел отправить в Ревель телеграмму на русском языке — не приняли, пришлось отправить на немецком.

Был у меня Е. И. Кедрин; видел сегодня Карташева, который подтвердил, что его «выживают» (?) из Совещания и что хочет ехать за границу.

Вечером приехал из Стокгольма В. П. Шуберский; рассказал о предложении бывшего датского посланника в Петрограде, Скавениуса, приехавшего три недели назад из Копенгагена к Юденичу со следующим планом:

ряд промышленников со Скавениусом во главе, обеспечивают армии и Петрограду продовольствие в нужном количестве под векселя Политического Совещания; но вся охрана продовольствия находится в ведении стражи из иностранных солдат, нанятой продовольственной организацией Скавениуса. Вся эта затея имела будто бы целью передать весь продовольственный аппарат датской группе, за спиной которой стоят, повидимому, немецкие агенты. Группа воспользовалась наивностью Скавениуса, искреннего друга России. Когда Скавениус явился в Политическое Совещание при Юдениче и сделал там указанное выше предложение, оно было встречено молчанием, а затем ему был передан письменный отказ совещания в грубой форме, спроектированный на клочке бумаги генералом Суворовым и в таком виде переданный. И хотя затем Политическое Совещание дало Скавениусу завтрак, а Карташев провожал его на вокзал, Скавениус уехал глубоко оскорбленный и попрежнему не понимая, в чем, собственно, дело.

29 Июля. Вторник.

Беседовал с Лианозовым об учреждении здесь Совета Государственного Об'единения России; скорее против — боится, что в Совет войдут немецкие шпионы на предмет разведки; а немецких шпионов среди русских будто бы не мало.

Пришли ко мне бывшие наши служащие из Центрального Военно-Промышленного Комитета — Вильсон и Сергеев (моряки). Они стояли при нашем Гельсингфорском Комитете, учрежденном мною в начале 1918 года для охраны огромного морского имущества в финских портах. Рассказали, что составили несколько протоколов об ограблении наших морских складов на 105 миллионов рублей. Разграблено было значительно

больше, но нельзя было составить протоколов за отсутствием точных инвентарей.

Вечером было совещание у И. В. Гессена и А. И. Каминки с Карташевым и мною на тему, как быть дальше: работать ли с Юденичем, принимая на себя таким образом ответственность за кровопролитие, которое неизбежно последует за взятием Петрограда или отойти в сторону и даже бороться с черносотенством, окружающим Юденича, а, следовательно, и с ним самим. Карташев заявил, что он человек слабый, бороться не умеет (лимфатик, плохое кровообращение, резко выраженный артрит), а в Совещании ему приходится бороться совершенно одному, без поддержки с чьей бы то ни было стороны. У него, Карташева, уже два раза было поползновение убежать под предлогом привоза из Парижа новых людей, но сегодня он чувствует себя бодрее и как будто готов продолжать борьбу (в 5 часов у него был Ю. Гессен и настаивал на том, что он не имеет права уехать теперь, когда на нем одном покоятся все надежды умеренных элементов — Карташев ему обещал не уезжать). В четверг он едет на фронт со всеми другими и проведет там неделю и в контакте с армиею выяснит, как быть дальше, продолжать ли работу здесь, или уехать в Париж. Генерал Юденич, который три месяца назад трусил перед постановлением торгово-промышленного Комитета, теперь после утверждения его Колчаком, считает себя незыблемым и все более и более от всех эмансипируется. Придя в Петроград, он политики из своих рук не выпустит. На фронте, в штабе — действует группа молодежи — из Белого Креста, немецкой организации, созданной еще в Гельсингфорсе с гр. Игнатьевым во главе (их газету погромного характера «Белый Крест» генерал Родзянко, скрепя сердце, закрыл третьего дня).

Карташев послал на фронт студента Лившица, который служил в Петрограде в разведке Национального Центра и спас ему и П. Б. Струве жизнь. Сегодня получена телеграмма об аресте его на фронте несмотря на то, что у него командировочное свидетельство от Карташева, по поводу которого Балахович будто бы сказал: «если что Карташев хочет знать, пусть сам едет на фронт». Арестован Лившиц «шайкой» Белого Креста, «сволочи, прилепившейся к Юденичу», по подозрению в близости к студенту Хортику,—бежавшему из Питера, поехавшему работать на фронт и показавшемуся подозрительным. «Если Лившица не освободят, я поставлю вопрос ребром, а если его расстреляют, --я через Gaugh (генерала Гофа) опрокину Юденича».

И. В. Гессен поставил ребром вопрос: принимая во внимание, что большевики не могут не погибнуть от процесса внутреннего разложения и притом очень скоро и что военная сила, которая на них обрушится извне не может не привести за собой черной реакции и полосы кровавой мести, не лучше ли отмежеваться от Юденича теперь же, чтобы не нести ответственности за неизбежные неистовства военных.

Карташев, Каминка и я опять признаем необходимым работать, ибо борьба с реакцией, после взятия Петрограда, будет легче, если она будет исходить из круга ближайших сотрудников Юденича.

В. Шуберский сообщил, что одновременно с ним приехал из Стокгольма барон Радовиц, заведовавший до войны немецкой контр-разведкой в Париже.

30 Июля. Среда.

В 11 часов заседание продовольственной комиссии. Шуберский сообщает о результатах поездки в Стокгольм. Немцы на всех рынках покупают, платя

25% золотом. Нам же при отсутствии наличных остается одна лишь заваль; к тому же наш продовольственный отдел не имеет нигде представителей — за восемь месяцев об этом не подумали.

Решено создать отдел заготовки в Стокгольме.

В 3 часа заседание финансовой комиссии.

Окончательно решено открыть отделение Государственного Банка в Пскове. Шуберский докладывает о деньгах заказанных в Стокгольме: первые будут не раньше двух—трех недель. Бумагу с особыми денежными знаками достать не удалось; надзор в частной типографии, где деньги печатаются, не Бог весть какой.

В 5 часов у Поллока (муж Яворской); застал у него бывшего Петроградского градоначальника кн. А. Н. Оболенского и профессора К. И. Арабажина. Пришлось много рассказать о Европе — кн. Оболенского все интересовало, правда ли, что Запад требует от России демократического строя. Поллок сказал, что в Англии нет еще твердой русской политики, — все ни то, ни се, однако, с оглядкой налево.

В 8 часов заседание городского комитета.

С. Иванов, профессор Цейдлер, профессор Попов, Бутлеров, генерал-майор Ядвин (артиллерист).

Постановили представить меня на утверждение генерала Юденича, как члена городского комитета. Любопытно, утвердит ли.

Пришла бумага от Кузьмина-Караваева об утверждении Политическим Совещанием положения о городском продовольственном комитете, заведывающий которым назначается им, Кузьминым-Караваевым. Заведывающий этот получает права члена Временной Городской Управы, подчиняется всем инструкциям Кузьмина-Караваева. Решили протестовать.

В 7 часов заходил ко мне И. И. Тхоржевский, говорил, что трое молодых людей — Баумгартен (гласный самарского земства), Ван-дер-Пальц и Иванов (зять Нейшеллера), хотят основать общественную организацию для направления в прогрессивном смысле деятельности Политического Совещания; обратились к нему, просили привлечь меня. (Днем встретил делопроизводителя бывшего русского комитета полковника Фену — ставленника Трепова; он просил отнестись положительно к этому предложению.) Им не сочувствует финансовый и торгово-промышленный комитет Утемана и Грубэ, у которого есть за-границей агенты (в Лондоне, Копенгагене и Стокгольме). Скавениус согласился быть почетным председателем этого об'единения; можно и средства достать.

Я: А цель какая?

Тхоржевский: Пока неопределенная, но нельзя ведь допустить Юденича и Политическое Совещание делать глупости, которые они делают — они погубят все дело.

Чувствую, что какой то подкоп под Политическое Совещание, при чем меня хотят использовать, как etê de Turque.

Далее Тхоржевский сообщил, что Карташев пригласил его в редакционный комитет информационного листка и газеты Политического Совещания, но Кузьмин-Караваев заявил протест на том основании, что Тхоржевский сотрудничал в «Гражданине».

Лианозов днем сказал мне: «уже пошла тревога по поводу Вашей затеи учредить здесь отдел Совета Государственного Об'единения России, генералу нашепчут, остановите пока». Указываю: «Ведь я Вам, Карташеву и Кузьмину-Караваеву первым сказал о своем предложении создать здесь отдел Совета Государственного

Об'единения России, и без вашего в нем участия нет и смысла его создавать».

Профессор Цейдлер рассказывает, что делается с Красным Крестом на фронте. А. Д. Зиновьев получил на Красный Крест 100.000 марок. Неожиданно приходит требование от жены генерала Родзянко (урожденной баронессы Мантейфель) дать 20 тысяч на какой-то эстонский приют в Ямбурге. Зиновьев пишет, что денег у него мало и они нужны для прямых задач Красного Креста, почему на приют денег дать не может. В ответ на это приходит предписание от начальника снабжения Северо-западного фронта — деньги выдать немедленно. Тогда Зиновьев пишет о том же самому Родзянко; ответ от начальника его штаба, сделанный на самом же письме Зиновьева — «немедленно выдать». Зиновьев пока не выдал и послал из Нарвы сообщить здесь обо всем Юденичу; Юденич сказал — поеду на фронт и надеюсь, что этого больше не будет.

Любопытна картина политического положения Юденича и его совещания: против Политического Совещания — большая группа промышленников и финансистов (значительное их большинство), еврейская группа, городская группа; в среде самого совещания — Карташев против Кузьмина-Караваева.

31 Июля. Четверг.

Карташев сказал третьего дня: «моя задача, когда мы войдем в Петроград — быть для Юденича «всем Петербургом»; этот провинциальный генерал, всю жизнь проведший вне Петрограда, ни о ком не имеет понятия. Крайне трудно работать в таких условиях».

Издатели «Русской Жизни», Шуберский и Волов окончательно решили расстаться с Кузьминым-Караваевым

после допущенного этим последним фельетона под названием «Антисемит».

За завтраком Сенютович-Троцкий предложил Шуберскому и Волову Леонида Андреева в редакторы «Русской Жизни», вместо Кузьмина-Караваева. Андреев согласен, если ему предложат в Политическом Совещании пост министра Народного Просвещения, да и жалования 10.000 марок; иначе он едет в Америку. Шуберский деловито заметил: никакой Андреев не поднимет тиража газеты, а выплачивать ему 10.000 марок не за что.

В 3 часа пришел К. Арабажин. Ему лишь недавно разрешили вернуться в Гельсингфорс, откуда он был выслан, по его словам, в виде компенсации правым за высылку финскими властями кн. Волконского. Много говорил о немецких интригах — финны и сейчас в их руках. Немцы хотят притти в Петроград и захватить Россию — административную, промышленную и финансовую — в свои руки. Сейчас они окружили тесным кольцом Юденича, который в числе сотрудников имеет поручика Лукина (в разведке), здесь — полковника Балицкого, полковника Фену — в русском комитете — все это служащие бывшего консульского и областного русского комитета, т. е. большевистского, с немецкими тенденциями. В том же духе действует генерал Арсеньев (сын Константина Константиновича Арсеньева), статс-дама Рейтер, жена Родзянко и много других. Наконец, в том же направлении работают и группы финансистов и торгово-промышленников.

Попутно Арабажин подтверждает, что статью «Антисемит» в «Русской Жизни» написал барон Дризен и вспоминает любопытный эпизод из истории третейского суда, бывшего у барона Дризена, как инициатора и режиссера «Старинного Театра». В числе третейских су-

дей был и П. Н. Милюков; для лучшего усвоения технического вопроса, Милюков был два раза в театре и в общем просидел 9 заседаний; последнее кончилось в 8 часов утра, а днем Милюков говорил в Думе большую речь.

Об Юдениче К. И. Арабажин говорит: «либо большой глупец, либо большой хитрец — очень умело молчит».

Вчера Цейдлер передавал мне свой разговор с финским депутатом, кадетом д-ром Туанебергом; не выбрали они Маннергейма президентом потому, что Маннергейм страны не знает — он генерал русской службы, все время бывший в России (финского языка не знает); не знает и гражданского управления; да и перед Европой надо было выявить истинное настроение народа; при этом социалистов взяли угрозой, что если они не будут голосовать за Стольберга, а лишь воздерживаться, то все будут голосовать за Маннергейма. Без России финны не проживут, но боятся будущего русского непризнания Финляндии, и поэтому очень враждебны к России.

Заходил в 5 часов П. И. Тхоржевский. Я сказал ему, что всякая новая группировка будет взята на рога Политическим Совещанием; поэтому единственная форма об'единения — клуб без политической окраски. Одобрил, сказал подумает, поговорит. Попутно рассказал, что утемановский комитет ассигновал 50.000 марок на торгово-промышленную информацию. Налажена информационная связь с Западом — С. А. Шателен в Лондоне, торговый агент Никольский в Стокгольме, фон-Замен (директор бывшей кредитной канцелярии) в Париже. Будут получать от них сведения, издавать бюллетень и, быть может, еженедельник финансового хозяйства. Узнав об этом, Карташев заявил, что Политическое Совещание счи-

тает эту затею вредной и революционной и требует для Совещания цензуры бюллетеня; если же для редактирования этого бюллетеня пригласят И. В. Гессена, то это будет прямо сочтено вызовом Политическому Совещанию. В. В. Утеман ответил, что не советует даже и возбуждать вопроса о цензуре, чтобы не поднимать невыгодных для Политического Совещания разговоров. И. Гессена пока редактором не пригласил.

Замечание К. И. Арабажина: «Карташева несут, как мощи и донесут до министерского поста; а кто несет, не все ли равно — и баба нищая, и пьяный мужик, и полицейский урядник».

Вечером Кирдецов рассказывал Волову, Ю. Гессену и мне, как в мае этого года Родзянко приказал армии перейти в наступление; армия бросилась вперед, докатилась до Красной Горки, подошла к Гатчине и через два —три дня была бы в Петрограде, если бы не Юденич, который прилетел на северный фронт и остановил наступление армии. Все признали, что момент был исключительный и медлительность Юденича погубила дело. Шуберский оправдывал его тем, что в то время именно финны и англичане твердо обещали Юденичу поддержку, и он справедливо предпочел подготовленное и планомерное продвижение военной авантюре. Кирдецов добавил, что Бурцев показал ему тогда в Париже копию телеграммы Хувера в Гельсингфорс: если Петроград будет взят, американцы через 36 часов начнут выдавать продовольствие населению Петрограда.

Присутствующие освещают работу немцев в Финляндии. Немецкая партия сейчас очень сильна в Финляндии — засела прочно в финском Генеральном Штабе.

2 месяца назад, когда Карташев уехал в Стокгольм, финская контр-разведка сделала у него обыск. Когда Поллок стал в «Таймсе» писать статьи о немцах, у него тоже сделали обыск, причем забрали какой то документ; все протесты его не помогли.

Группа офицеров немецкой ориентации стала работать еще в Петрограде после октябрьских переговоров с быв. вел. кн. Павлом Александровичем во главе. Они посылали офицеров с письмами к Вильгельму, и тот трижды назначал день взятия Петрограда, — но не брал (третий раз был назначен на ноябрь 1918 года). Среди этих офицеров был Игнатьев (сын П. Н.), служивший под начальством Арсеньева. Теперь Арсеньев и Игнатьев на фронте и с ними несомненно много из их бывших товарищей по работе.

Заходил ко мне А. А. Баумгартен и сообщил мне, что он и его друзья нашли своевременным создание широкого об'единения политических и общественных сил (включая и представителей союзников) для организации тыла, то есть местностей, занимаемых северо-западной армией, — по мере ее продвижения, для подготовки организации Петрограда после его освобождения. Мое указание, что проникновение в эти местности возможно только с разрешения военных властей, которые никого не пропустят без разрешения Политического Совещания и следовательно с него то и нужно начинать, а ему уже теперь кажется контр-революционною всякая попытка организации, идущая не от него, — повидимому, охладило Баумгартена. Согласились на том, что искание общественной поддержки со стороны Северо-западной армии обратно пропорционально ее успехам — только круглые неудачи заставят Юденича понять необходимость искания опоры в общественных кругах. Впрочем, не завидую и Юденичу: безвольные,

интригующие, болтающие бывшие люди — не большая опора.

Курс финской марки стремительно падает, — за две недели, что я здесь, курс фунта поднялся с 64 на 84 финских марок.

1 Августа. Пятница.

Получил от Лианозова телеграмму — требует моего приезда в Ревель для участия в финансовом совещании, просит передать приглашение и А. И. Каминке.

ГЛАВА IV.

В РЕВЕЛЕ.

Положение военного снабжения С.-З. Армии. — Лианозов о Юдениче.—Об агенте Карташева. — Эстонцы и русский лен. — О настроениях Политического Совещания. — Рассказ Филиппео и Шульца об образовании Северной Армии и о Русском Совете. — Н. Н. Иванов. — Борьба между ген. Родзянко и ген. Булак-Балаховичем. — С. Н. Булак-Балахович. — Политическое Совещание и Русский Совет. — Взятие Пскова эстонцами. — Гражданская организация Пскова.

2 Августа. Суббота.

В 12 часов выехал в Ревель, — приехал в 5 часов (скверное море). Более получаса продержали в таможне из-за проверки паспортов. Оказывается, Юденич сегодня уехал на фронт; сегодня же в 11 часов вечера едут в Нарву и Ямбург Карташев, Кузьмин-Караваев и Суворов. Лианозов остается для налаживания отделения Государственного Банка, выпуска денежных знаков (билетов полевого казначейства) и переговоров с эстонцами о льне, на котором нам придется базировать всю нашу финансовую систему. Предложение членов городского комитета о моем утверждении пятым членом комитета отвергнуто Юденичем под предлогом преждевременности: отложено до взятия Петрограда.

Вчера местный русский клуб с инженером Филиппео во главе, чествовал Юденича и его министров.

Приезд в Ревель Главного Начальника Снабжения, ген. Зейдлица делает затруднительным положение полковника Полякова, фактического начальника снабжения, человека энергичного, весьма бойкого в вопросах торгового характера. Зейдлиц, бывший артиллерийский приемщик, — пассивная канцелярская отписка. Лианозов предлагает отмежевать их области: Зейдлицу военное снабжение, а Полякову — все остальное.

Видел группу добровольцев — у многих на одной ноге башмак, а на другой — лапоть. На улице много наших офицеров, несколько молодых генералов.

Пришло одно французское судно с военным снаряжением от старого русского заказа: шрапнели, гранаты, снаряды для трехдюймовых орудий, аэропланы, 3½ тысячи ружей, немного патронов. Танков нет. Немного обуви — сапог и обмоток, — сколько того и другого еще не знаю. О других пароходах еще не слышно.

Сегодня большевики нажимают на Порховском и Островском направлении. О броске вперед на Гатчину и Лугу сейчас, повидимому, никто не думает.

Кузьмин-Караваев составляет на память положение о военно-полевых судах, ибо на фронте вешают (и при том публично) без всяких судов.

3 Августа. Воскресенье.

Утром спросил у Лианозова, почему меня не утвердили в составе будущего городского органа.

Говорит, что отказ не имел личного характера, ибо предложению обо мне предшествовал доклад о штатах городского отдела. Юденич был недоволен их ростом. «Иванов ничего не делает, пишет без конца какие то бумаги и только увеличивает штаты». Лианозов перечислил мои заслуги по санитарии во время войны. Генерал буркнул: «да, повидимому, он это знает», но

предложил вопрос оставить открытым до Петрограда, хотя Лианозов сказал, что я от вознаграждения отказываюсь: «не надо увеличивать состава до Петрограда, когда, может быть, и самого Иванова больше не будет».

Я сказал Лианозову, что последствия этого отказа предоставляю на обсуждение моих друзей в Гельсингфорсе, но не могу не отметить, что господа министры слишком рано отказываются и отметают всех, кто подходит даже не к их постам, а к реальному делу и что роль их очень печальна, если они даже в гражданских отраслях не в силу отстоять своих кандидатов.

«С генералом трудно, — сказал Лианозов, — когда он что-нибудь твердо заявляет, сделать против этого ничего нельзя».

В 1 ½ часа зашел к полковнику Полякову, застал там молодого подполк. Смирнова, состоящего при Карташеве.

Смирнов вернулся вчера из Нарвы и рисует в мрачных красках настроение офицеров. Они крайне недовольны приездом большого штаба Юденича. Недовольны не только неизбежными смещениями, но и контролем, который вводится в расходах частей. К тому же приехавшая публика — черносотенно настроена.

Губернатором Петроградским назначен гр. Бенигсен (шурин Данилевского, ад'ютанта Юденича), губернатором Пскова — член 4-ой Гос. Думы бар. Крюденер-Струве. Много гвардейских офицеров.

По поводу Лившица, агента Карташева, посланного им на фронт для организации пропаганды в среде большевиков, стоящих против нашего фронта, Смирнов говорит, что это юноша Хлестаковского типа, ходит в полковничьих погонах, хвастался перед всеми своей близостью к Юденичу. Обвиняют его в том, что он будто бы большевистский эмиссар, что об его при-

бытии на фронт предупреждала будто бы русская контр-разведка, но это все — ерунда, сущность вся в том, что Лившиц — «двенадцатый».

Я: Что это значит?

Смирнов: Одиннадцать большевистских эмиссаров уже повесили, им нужен двенадцатый».

Полковник Поляков сообщил, что прибытие штаба Юденича все перевернет вверх ногами. Уже два офицера его, Полякова, отдела помчались на фронт, чтобы рассказать, что настоящих работников вытесняют «господа из Гельсингфорса», они ищут поддержки фронта. Юденич назначил начальником снабжения генерала Зейдлица, игнорируя организации снабжения на фронте. Зейдлиц — артиллерийский приемщик, дела снабжения не знает, привез с собой целый штат никому не нужных людей, когда и здешних некуда девать. Юденич совсем не считается с армией, а между тем армия уже ставит себе вопрос, для чего ей Юденич с его штабом. Хлеба он не привез, амуниции — тоже, а командовать — без него умеют. Я успокоил Полякова, заявив, что его ценят и меры к устранению возможных конфликтов с Зейдлицем будут приняты.

В 3 часа поехал с полковником Поляковым к Лианозову.

Лианозов просил меня переговорить с И. И. Поской и другими эстонскими министрами о льне, который эстонцы в размере 17.500 пудов вывезли из Пскова, хотя и обязались нашего имущества не трогать. Кроме того, эстонцы два месяца назад привезли в Псков пять тысяч пудов американской муки; население голодало, и генерал Балахович заключил договор (самовольно) с каким то эстонским ротмистром на передачу городу этой муки в обмен на лен, по определенной расценке. Расценка эта в 10 раз меньше английской, так что эстонцы полу-

чают за муку, которую американцы доставили в кредит для населения Эстляндии, вместо 300.000 рублей (номинальная стоимость для эстонцев) свыше 3-х миллионов.

На днях Родзянко просил дать ему генерал-лейтенанта, — Юденич отказал.

В 6 часов зашел к г-же Х..., умной, бойкой даме, близко знающей всех членов Политического Совещания. Называет Политическое Совещание «мои черносотенцы». О генерале Суворове говорит, что хотя он и был в штабе быв. вел. кн. Николая Николаевича, но так умел обращаться с солдатами, что, когда после октябрьской революции был арестован, его не только выпустили после наведенной о нем справки, но большевики ему трижды предлагали ответственные посты: начальника Петроградского Военного Округа, Московского (с высшим военным окладом), потом, — начальника всех военно-учебных заведений России. В Петрограде у генерала Суворова были большие связи с с.-р.-ами и сам он там считался с.-р-ом.

О Карташеве говорит: «пермский мужик, богомол, но с хитрецой», несомненно под тем или иным предлогом уйдет.

Все назначения в армии происходят теперь из «своего» круга: гвардейцы, знакомые штабные, родственники. Свежих новых людей нет. Карташев характеризует Юденича — «кирпич». Метко.

В 8 часов пришли ко мне М. М. Филиппео, инженер, и капитан второго ранга в отставке Э. К. Шульц — члены правления Русского Совета в Ревеле; сидели до двух часов ночи и рассказали историю образования северной армии и борьбы их с ее руководителями из-за пренебрежения общественными принципами.

1. Северный корпус зародился в Пскове по инициативе немцев и на немецкие деньги под руководством генерала Вандама осенью 1918 года. Вскоре под натиском большевиков северный корпус, которым командовал тогда полковник фон-Неф и партизанский отряд полк. Балаховича отступили из Пскова в Эстляндию и тут стали дальше формироваться. Одновременно с этим и русские в Эстляндии попытались соединить русские военные силы, для чего с одобрения эстонского премьера Пятса создали «Самозащиту» под руководством ген. Геникса, организованную для формирования русских сил в Эстляндии. Во главе, как «Самозащиты», так и отрядов северного корпуса стал полк. Дзерожинский, скромный, честный офицер (средина декабря 1918 г.).

«Самозащита» создала 1-й Ревельский Партизанский Отряд с шт.-кап. Баденбыком во главе.

В то время Родзянко, в чине полковника, служил в отряде полковника фон-Нефа в Пскове. Полковник фон-Неф, будучи командиром корпуса, произвел Родзянко в генералы; теперь же Родзянко в свою очередь произвел фон-Нефа в генералы.

Постепенно, хотя и медленно, северный корпус увеличивался и лишь в мае месяце 1919 г. вместе с эстонским отрядом вышел из Эстляндии, причем эстонцы 25-го мая взяли Псков.

2. Параллельно с военной организацией русские общественные деятели создали в Ревеле в октябре 1918 года Временный Русский Совет. Эстонское правительство тогда же обратилось к ним с предложением наметить в состав Эстонского правительства министра от русских, ибо и остальные группы меньшинств имели своих министров. Совет не счел удобным давать эстонцам видимую санкцию признания русскими их независимости и избрали лишь агента для сношения с эстон-

цами некого Сокола, местного купца, который неоднократно оказывал русским существенное содействие.

3. В это время появляется в Ревеле Петроградский присяжный поверенный Николай Никитич Иванов, в свое время открывший в Петрограде банкирскую контору на Садовой, образовавший вместе с Борисом Сувориным «Промышленное общество казенных поставок» с акциями в 25 рублей, что раньше никому не разрешалось Правительством.

Н. Иванов явился в качестве представителя Комитета Петроградской противобольшевистской организации; называл председателем комитета б. вел. кн. Павла Александровича. Быстро очаровал эстонцев, которые учли ему какие-то векселя киевских сахарозаводчиков.

А с конца января 1919 г. стал издавать «Русскую Газету» в Ревеле.

В конце января из Гельсингфорса приезжали в Ревель кн. Волконский, генерал Гулевич и С. Лианозов, чтобы нащупать почву в Эстляндии; обещали ревельцам работать вместе с ними, — об обещании скоро забыли.

Тогда Иванов начинает настаивать на образовании Северо-Западного правительства. Сближается с Балаховичем и заключает с ним письменный договор о взаимной поддержке на предмет создания Северо-Западного правительства.

В апреле 1919 года Русский Совет решает в свою очередь приступить к организации гражданской власти (гражданский совет при командовании Северного корпуса), о чем сообщает полковнику Дзерожинскому и полковнику фон-Валю, который и образует инициативную группу, вырабатывающую декларацию и получающую одобрение эстонского премьера Пятса.

Немедленно Н. Иванов печатает в «Русской Газете» статью о том, что «помещики и немцы» соединились, чтобы пробраться к власти и через несколько дней эстонцы дают отставку фон-Валю. За ним хотел уйти и Дзерожинский, но его упросили остаться.

Наряду с дрязгами в гражданской среде, шла упорная борьба и в военной, особенно между Родзянко и Булак-Балаховичем.

4. Вместо фон-Валя начальником штаба у Дзерожинского был назначен ген. Крузенштиерн. Крузенштиерн сначала соглашается с Русским Советом о необходимости создать гражданский совет из общественных деятелей при главнокомандующем; вскоре, однако, он меняет свое мнение, решает гражданский совет не организовывать, а просто предлагает Л. Зиновьеву заведывать гражданской частью штаба командующего северным отрядом. Зиновьев отказался, и тогда на этой должности появился молодой (29 лет) полковник Хомутов (приехал с Юга, служил у гр. Келлера).

13 мая начинается наступление на большевиков под командой Дзерожинского. Движение это, удачное с военной точки зрения — Псков освобождается от большевиков, сопровождается распрями между Балаховичем и Родзянко, при чем об'ектом спора часто является Н. Н. Иванов, которого Родзянко приказывает арестовать, а Балахович выручает.

В мае группа офицеров, с незавидною репутациею, опять начала выдвигать Родзянко и Дзерожинский, враг интриг, окончательно отказался от командования корпусом и ушел на фронт командиром дивизии.

5. К характеристике Родзянко капитан Шульц рассказывает: к Родзянко пришла депутация Русского Совета 16 июня; он входит, запоздав, в зал и говорит: «ну и жарко (трехэтажное слово). — А вы чего здесь? —

обращаясь к депутации,—а, Ивановцы! что это Иванов в Пскове делает? хороводится с Балаховичем? Я его распустил; хватите Иванова за... и повесьте его, а Балаховича я сам расстреляю, он не военный человек, он — ксендз-расстрига, он — разбойник».

О Станиславе Никодимовиче Булак-Балаховиче: мать полька, отец литовец (по словам Кузьмина-Караваева, — литовский татарин). По образованию — агроном (из средней школы), офицер военного времени, лет 35-ти. Служил долго у большевиков, потом перешел на сторону белых; в основу своей партизанской работы положил большевистские приемы: демагогия, непреклонность, работа в тылу. Лично честен, но, привлекая офицеров, разрешает им грабить. Здесь в Ревеле только офицеры Балаховича швыряют деньги пригоршнями. В Пскове проявил большую жестокость. Людей вешали днем в центре города на фонарях, причем ад'ютант Балаховича предлагал казнимым самим вешаться, что большинство и исполняло. Повешено им несколько десятков человек (большевиками за 6 месяцев расстреляно около 300-х человек, но ни одного публично). Филиппео, идя как то раз по улице, слышал, как маленькая девочка кричит: «идем смотреть, как вешают». Народу шло много, пошел и Филиппео; когда он подошел к виселице, уже двое конвульсивно вертелись на ней. Тут же офицер Голубков, ад'ютант Хомутова, сказал ему, что видел, как обреченные одевают сами на себя петлю. Видел, как эту картину фотографировали американцы.

В. Л. Горн видел лично такую сцену: по лестнице лезет к петле обреченный; солдат, приготовляющий казнь, вылезает на перекладину виселицы, протягивает казнимому петлю, в которую этот последний всовывает голову и затем бросается с лестницы в пространство;

солдаты снизу вытягивают его за ноги. Один казнимый, подымаясь по лестнице, слезно молил пощадить его. «Чего тут разговаривать, лезь» — грубо кричит солдат — и тот покорно лезет. Сорвался, стоит красный с петлей на шее, падает на колени, опять молит — «лезь» окрик; опять лезет по лестнице и кидается в петлю.

Другой раз Горн видел на столбе в центре города, на трехгранном чугунном столбе трех повешенных, на каждой грани по одному. Висели сутки.

Раз видит Балаховича на коне рядом со столбом, на который лезет человек, издали слышит разговор, видит негодующий жест обреченного, видит, как он всовывает голову в петлю и отталкивается от столба. Знакомая дама, стоявшая близко от столба, передает разговор казнимого с Балаховичем. «Я коммунист, вы меня казните, но еще неизвестно, за кого выскажется будущее, — за вас или за меня».

Балахович: Если ты казнишь трех твоих товарищей, я тебя помилую. (Балахович говорит, что палач из большевиков никогда больше к большевикам не вернется).

Казнимый: Ценой смерти товарищей жизни купить не хочу, — и резким движением бросается в петлю.

Балахович застрелил собственноручно ординарца за кражу и нескольких офицеров за неисполнение приказания.

Повидимому, Балахович не пьяница, выдает себя за литовского дворянина, говорит, что с большевиками надо бороться с тыла, а не в лоб. Засылает к ним эмиссаров с прокламациями. Считается справедливым; афиширует свою дружбу с крестьянами. Вне военного дела — сер; когда говорит о военном деле — оживляется; очень популярен в мещанстве и местном псковском купечестве, которое его чествовало и поднесло ему ад-

рес; в адресе говорилось: «как Вакула-кузнец оседлал черта, так ты, батька, оседлал коммуниста». Адрес читали со сцены театра. Издает прокламации, в которых заявляет, что идет на Москву; ведет войну с «жидом-коммунистом».

Интеллигенция относится к нему отрицательно, хотя признает за ним некоторую корректность. Так, когда его офицер арестовал местного крупного адвоката прис. пов. Каценельсона по обвинению его в большевизме, — его немедленно выпустили, так как за него поручился помощник коменданта Макаров, знавший его хорошо по Пскову. Балахович послал на другой же день к Каценельсону с извинением арестовавшего его офицера.

Против публичных казней ополчилось псковское духовенство и архиерей решил итти к Балаховичу с выражением протеста. Балахович узнал об этом и немедленно послал к архиерею своего ад'ютанта, который просил не итти к Балаховичу, так как по военным соображениям Балахович должен будет отказать владыке, а он этого не хотел бы. Тогда вмешались союзники и обратились с протестом к генералу Юденичу; Юденич предложил Балаховичу не казнить в городе; тот перенес казни за городскую стену у парка, на площади, окруженной домами, и продолжает казнить среди бела дня.

Говорит недурно, умело подбирает народные выражения. Народ ждет его у выхода из его дома; говорит иногда к народу в таком роде: «никого не выпущу, все пойдем на коммунистов, не выдадим Москвы».

Солдаты его грабили город Псков (до них грабили эстонцы, как до них грабили большевики). Потом для нужд армии Балахович обложил контрибуцией купцов, причем кто то ему составил список, по которому вымо-

гались деньги; неплатящих сажали в тюрьму, откуда потом купцы выкупались.

В последние дни вновь пошел слух, что Балахович с Ивановым опять хотят об'явить Псковскую республику, при поддержке эстонцев, которых в Пскове тысяч 10—12. Цель — изменить черносотенный курс Юденича и его Политического Совещания и дать области демократическое управление.

6. На фронте голодают. Солдаты получают двухфунтовую белую булку и похлебку, — и это все; мяса нет, жиров очень мало. В армии показывают много больше пайков, чем есть едоков на самом деле. Приписывают полк. Полякову заявление, что на каждый штык приходится 60 пайков. Многие части возят за собой муку, которую скрывают.

В продовольственную часть «Русский Совет» тоже не пустили. Когда Филиппео явился от Русского Совета к Полякову с предложением помощи, тот ответил: «я в ваших советах не нуждаюсь; если вам что нибудь нужно, — обратитесь к моему помощнику» (не так неправ, как кажется с первого взгляда).

Поляков устроил у себя широкий торговый отдел; поставщики, как и везде, обирают, хотя сам Поляков — вне подозрения; среди служащих — много мошенников; за взятку опять все можно купить из казенного имущества.

7. Офицер Хомутов, измайловец, 29 лет, назначенный генер. Крузенштиерном начальником Гражданского Управления тыла, оказался агентом Маркова 2-го, который под фамилией шт. кап. Чернякова проживает и сейчас в Ямбурге. Хомутов распространял погромную газету «Белый Крест», сам перевозил тюки ее. Газета закрыта Родзянко, и Хомутов уволен от службы, но причислен к штабу Юденича.

8. Русский Совет запротестовал против безобразий тыла и 26 мая представил Крузенштиерну-старшему записку. Никакого ответа. Перед этим Русский Совет, совместно с Крузенштиерном младшим и Хомутовым, составили записку о действиях Родзянко и Филиппео повез ее Юденичу в Гельсингфорс, прося немедленно организовать гражданское совещание при армии. Юденич сказал, что он — пленник финнов и выехать не может, к тому же не знает, как его примут эстонцы. Филиппео ответил: «Если обнаружите себя демократом, — то хорошо; если же не поедете сейчас совсем, то дело ваше на фронте погибло».

По политическим вопросам Юденич направил Филиппео к Карташеву, которому Филиппео подал записку о Родзянко и Северном корпусе, а копию дал И. В. Гессену для пересылки за-границу. Карташев жаловался ему на трудность борьбы с черносотенными тенденциями генералитета и присных, которую ему пришлось выдержать вместе с П. Б. Струве (Трепов — Волконский, а между тем, сам Юденич — кандидат Трепова).

Через два дня после визита Филиппео в Гельсингфорс образовалось Политическое Совещание, которое своим составом напугало и разочаровало всех общественных деятелей.

6 июня в Ревель приехал Карташев с Новицким и Лившицом, Кузьминым-Караваевым и Суворовым. Карташев сказал Филиппео: «Мы уже не те кадеты, которые раз выпустили власть, мы теперь сумеем быть жестокими».

При поездке Филиппео на фронт 20-го июня, офицеры жаловались на то, что жалования не платят, продовольствия мало, беспорядки, спекуляция, взятки,

черносотенное настроение: «жид» и «коммунист» — синонимы.

Во Пскове Крюденер-Струве назначил полицмейстером некоего Сандерсона, плохо говорящего по русски, имевшего в Либаве публичный дом.

9. В Нарве, куда 1-го июля приехал Александров, выписанный из Выборга для заведывания гражданской частью, был полный хаос, так как приличные работники бежали. Александров ни во что не вмешивался; поддерживал добрые отношения с генералами и избегал общения с общественными элементами. Юденич, правда, лишь три дня назад приказал передать ему все гражданское управление.

10. Карташев, — «митрополит в суртюке», как его здесь прозвали русские, — послал Лившица на фронтовую работу, для образования агитационного бюро и информирования. Лившиц—юркий, хвастливый суб'ект.

Г. И. Новицкого Карташев представил Русскому Совету, как своего alter ego; Карташев сказал: «что Новицкий говорит, — я думаю».

4 Августа. Понедельник.

Заехал к И. И. Поска в министерство Иностранных Дел. Чистенький особняк; в кабинете натянут малиновый ковер; сам Иван Иванович в пляжном, белом с полосками, костюме. Крайне любезен. Жалуется на русских, которые не понимают, что без эстонцев Петрограда не взять, а без признания независимости Эстляндии эстонцев не двинуть вперед. В Париже он ничего не добился, так как Париж, ссылаясь на декларацию Колчака, не решается признать самостийность отдельных русских областей.

В 8 часов — продолжение рассказов Филиппео и приглашенного им ко мне прис. пов. В. Л. Горна:

Родзянко издал приказ по аграрному вопросу, суть которого: землевладельцы получают посев, покос, усадьбу и инвентарь; земля же переходит к крестьянам до Учредительного Собрания. Но без покоса с пашней ничего не сделаешь, так как почва без навоза ничего здесь не дает. Помещики, либо продают крестьянам покосы, либо сдают их в аренду; крестьяне ропщут и говорят: «парнишки наши бают, что опять в леса уходить должно».

Упадок настроения среди крестьян несомненный. Офицеры говорят: «когда двигаемся вперед — крестьяне встречают с распростертыми об'ятиями, идем дальше — а в нашем тылу те же крестьяне в отместку режут провода». В деревнях насильно отбирают продовольствие, секут.

Губернского земства в Пскове нет; уездная земская управа избрана с'ездом помещиков (хотя в городе в то время был П. Богданов, бывший председатель уездной земской управы при Керенском — правый социалист-революционер, популярный среди крестьян). Председатель уездной земской управы — помещик Назаров (приличный октябрист). Состав управы — сугубо черносотенный. Гласных земского собрания управа не созывает. Восстановлены волостные старшины и сельские старосты без выборов. Полиция — из старых городских жандармов..

Резюме Горна: теперешний режим — «смесь черной сотни с тепловатым октябризмом; мягкотелые баре сами не крадут, но и другим помешать не могут».

На улице встречаю босяков, с ободранными брюками, с винтовками на веревке. Это — большевики из

лагеря военнопленных в 10 верстах от города. Их фильтруют, надежных посылают на фронт.

Беседовал с доктором Якстырь, фронтовый врач Красного Креста. По его словам, и солдаты, и крестьяне одинаково недовольны своим положением. Солдаты смущены черносотенством, крестьяне — возвращением помещиков.

Ямбург сдан нашею армией большевикам. Почему?

ГЛАВА V.

О С.-З. ФРОНТЕ.

Самовластие генералов. — Отношение союзников к русской армии. — Казнь Николаева. — Беседа с Поской об эстонской самостоятельности. — Из недавнего прошлого С.-З. фронта. — Юдофобство в штабе. — Беседа с Н. Н. Ивановым. — Жалобы на ген. Юденича, бессилие его укрепить фронт. — Кузьмин-Караваев об эстонских требованиях. — Подготовляющееся на фронт coup d'Etat — сообщение В. Л. Горна.

5 Августа. Вторник.

Утром я у Рауто, — заместитель эстонского Министра Торговли и Промышленности по делу о льне. Рауто встречался со мной в 1917 году в Питере на совещании о создании союза федералистов, — встретил очень радушно. Говорит, что в конфликтах с эстонцами по поводу льна кругом виноват своей бестактностью Поляков, против которого одна лишь мера — закрытие эстонской границы.

Претензия о дополнительной уплате за лен, проданный эстонцам в обмен на муку — нелепа, ибо сделка подписана генералом Балаховичем, Хомутовым и Эйшинским, то есть, военной властью и городским самоуправлением.

Прошу дать мне время для ознакомления с делом. Кажется, эстонцы правы.

В 1 час завтракаем в городском парке с Суворовым, его женой, Лианозовым, Кузьминым - Караваевым, полк. Смирновым. Докладываю им мои сведения о гражданских беспорядках в тылу и о необходимости с'езда представителей земств и городов. Суворов признает непорядки, но говорит, что Александров теперь все наладит; он до сих пор не мог проехать в Псков, ибо боялся, что его там пришибут; с черносотенством совещания будет бороться, на днях выйдет декларация Юденича; С'езд признает несвоевременным. Кузьмин - Караваев делает весьма категорические вставки, в смысле «вешать», «расстреливать». Необходимость определенного внутреннего курса признается Суворовым. Жена его тревожно на меня смотрит во время сомнительных реплик ее мужа, а Кузьмину - Караваеву говорит: «молчите, черносотенец».

В 3 часа зашел к полк. Полякову; он очень взволнован, — получил три телеграммы:

1. Что ген. Арсеньев без его уведомления и без разрешения Лианозова открыл в Пскове Государственный Банк.

2. Приказом Арсеньева у одного из сотрудников Полякова взят миллион рублей для каких то нужд.

3. На требование Полякова прислать с фронта вагон для ускорения разгрузки пришедшего с амуницией парохода, последовал отказ: часть вагонов де заблиндирована. «Сидит в них начальство с женами и б..... и, с коровами и зеркалами, Ямбург взят, а нам нечем пересылать военный груз на фронт» — негодует полковник Поляков.

На первом пароходе пришло 36 пушек (16 малых и 20 гаубиц), 10.000 ружей, 70 миллионов патронов; ружья и патроны лежат в самом низу и чтобы добраться до них, надо торопиться выгрузить то, что сверху.

А в портах идет агитация среди рабочих о срыве выгрузки, которую пока делают солдаты.

Сегодня вечером придет второй пароход, на котором, говорят, есть четыре танка.

В 5 часов — в отделе внешних сношений. Начальник — полковник Генерального Штаба К. А. Крузенштиерн, помощник его — Л. А. Зиновьев, депутат октябрист 4-ой Гос. Думы. Рассказываю им о положении дела за-границей. Крузенштиерн сообщает, что несколько дней назад поехала из Германии в Москву тысяча немецких офицеров с указанием снять большевистские верхи, состряпать переходное правительство и таким образом взять Россию в свои руки. Встревоженные союзники решили предвосхитить этот удар и помочь взять Петроград (??). Завтра генералы Гоф, Марш, французский, бельгийский, американский и голландский представители приедут в Ревель и поедут на автомобиле на фронт, чтобы показать солдатам, что союзники с ними и ободрить их.

Сам Крузенштиерн не верит во взятие Петрограда без эстонцев; он уже убедил в этом Карташева, а Карташев пытается убедить Юденича признать Эстонию независимой. Карташев для этого остался лишний день в Нарве и сегодня привезет ответ. После провала эстонцев в Париже, они пойдут на хорошие условия работы с русскими, тем более, что и сами боятся приближения большевиков к их границе. Поска поехал в Гельсингфорс, чтобы попробовать склонить и финнов к работе с русской армией.

Немцы предлагали в Ревеле русским 10 миллионов марок на военные надобности.

Л. А. Зиновьев, когда Крузенштиерн вышел из комнаты, говорит мне: «очевидно, надо плюнуть на Кол-

чака, а если заупрямится и Юденич, то и от него избавиться».

Я: «А какое впечатление Юденич на Вас производит»?

Зиновьев: «Видел его раз пять, молчит... Не разберешь: умен или нет, — во всяком случае провинциальный бурбон».

Днем генерал Суворов рассказывал, как офицеры наши перед казнью допрашивали генерала царского времени Николаева, взятого нашими в плен при схватке с большевиками. Генерал Николаев сказал: «Вы все — преступники, вы идете на Русь с самозванными генералами, а мы, как военные, подчинены правительству; законно или незаконно оно — не наше солдатское дело». Офицеры, судившие Николаева, заколебались, и, если бы не страх перед солдатами, которые запротестовали бы против помилования генерала-большевика, когда к солдатам-большевикам беспощадны, его помиловали бы. Пришлось вынести ему смертный приговор. Когда стали надевать ему на шею петлю, генерал Николаев перекрестился. Тогда солдаты стали говорить: какой же он большевик, коли крестится.

В общем, казнь произвела очень скверное впечатление на всех.

В 7 часов поехал с Зиновьевым на собрание, устроенное Русским Советом. Собрание выдвинуло вопрос о созыве с'езда русских общественных деятелей и представителей населения для обсуждения положения дел на С.-З. фронте и, в частности, для выяснения отношения русской общественности и демократии к Политическому Совещанию при ген. Юдениче. Необходимость с'езда признана единогласно. Познакомился там с Н. Н. Ивановым; стройный шатен с дерзкими, немного

истеричными, глазами, плавною речью, хорошей аргументацией.

Кн. С. П. Мансырев сообщил, что его эстонцы выселяют за статью в газете Иванова, где он, цитируя ревельскую немецкую газету, приписал депутату Эстонского Национального Собрания — Эрку большевистские речи. Филиппео взялся хлопотать об отмене высылки Мансырева.

При выходе подходит присутствовавший на собрании некто Малышев, заявляет, что он с.-р. из Центр. Комитета; полуграмотен. В июле дрался с большевиками, а в октябре был будто бы приглашен ими товарищем военного министра; служил потом в Семеновском полку и перетянул его в мае на нашу сторону. В полку было тысяча человек; теперь же, благодаря черносотенству фронта, половина разбежалась. Завтра социалистический с'езд, где он попытается об'единить социалистов; может быть, привлекут к об'единению и кадетов. Вероятно, провокатор.

6 Августа. Среда.

Встретил полевого контролера И. Н. Теребенина,— не решается выехать на фронт, пока Юденич не наладит там спокойных, взаимных отношений: боится, что расстреляют.

Видел И. И. Поска; говорит, что большевики у Ямбурга зашли нам в тыл, вследствие чего войска наши отступают от Ямбурга на Псковское направление, а не на Нарвское; Нарва — вне опасности, там эстонцы. По его мнению, после двухнедельной подготовки можно войти в Петербург с эстонцами в две недели. Думаю, что прав.

Я: «Слушайте, Иван Иванович. Не обольщаете ли Вы себя надеждой, которой не суждено оправдаться,

что для эстонских войск отделение Эстонии от России такая приманка, без которой они не пойдут на Петроград? Ведь самостийники — сплошь интеллигенты. Крестьянам и рабочим вашим нужен дешевый хлеб, дешевые земледельческие орудия, дешевое сырье, а не самостийность».

Поска: «По крайней мере, военные наши говорят, что для солдат лозунг полной независимости Эстонии крайне необходим».

Видал доктора Молодовского, — вернулся из Нарвы; с ранеными там кое-как управляются; пользуются главным образом перевязочным материалом, отобранным у большевиков.

Советую Лианозову переехать в Ревель, ибо только здесь настоящая работа. Отказывается.

Из бумаг:

1. Начальник Псковского Отделения Гражданского Торгового Отдела при начальнике Снабжения Северной армии доносит, что эстонцы, несмотря на его запрещение, вывозят лен: «не знаю, как Вы будете реагировать на вывоз, но прошу принять в соображение, что положение Пскова опасное, держимся эстонцами. Едва ли возможно до подхода надежных русских частей вступить с эстонцами в пререкание».

2. Из письма того же начальника Псковского отдела от 17 июня: «солдаты варят сочную траву, а на днях на столбе было вывешено воззвание: «Граждане, мы голодаем, дайте что нибудь». Это сделали перешедшие к нам солдаты, которых несколько дней не кормили». Далее: «вчера было заседание гражданского управления, на котором Н. Иванов хотел вынести постановление о благодарности Балаховичу за взятие Пскова, вопреки намерениям корпуса. Иванов распространился о том, что корпус и Юденич представляют из себя правое те-

чение, намекнул на реставрацию и диктатуру. Один из членов управы, которого я осведомил о роли Иванова, заявил: «мы все благодарны Балаховичу, но резолюция Иванова имеет какой то затаенный смысл и может делить армию и вносить раскол, во всяком случае нежелательный. Система управления в настоящее время (в том числе и во Пскове) не обходится без диктатуры, но и диктатура не обойдется без гражданского населения; поэтому он не видит разницы в системе корпуса и Иванова и не может считать корпус правым течением».

В 12¼ часов меня просит зайти к ней жена генерала Суворова. Взволнованно говорит: «Вы слыхали, Юденич не подписал декларации, а уж на что она невинна. Михаил Николаевич (Суворов) собирается уехать, довольно позора. Как Вы думаете, не пора ли послать всю теперешнюю власть к черту? Да и с Лившицем ерунда. Михаилу Николаевичу и Кузьмину-Караваеву, когда они третьего дня уезжали, обещали выпустить его через два дня, а Карташеву, который остался, между прочим, и для этого дела, сегодня опять сказали, что еще через два дня. К Михаилу Николаевичу приходили три офицера от Балаховича, — они в отчаянии от создавшегося положения; вечером приедет Балахович, и с ним Михаил Николаевич, вероятно, будет иметь свидание. Я близка с французами, могу сблизиться с англичанами, — может быть, через них пора сделать нужные перемены?»

Дальнейшему разговору помешали. А ведь в сущности г-жа Суворова глубоко права.

На фронте среди прочего воронья, появился семеновский офицер Штейн, вербующий единомышленников; этот тип после ареста царя кричал: «теперь надо армии разойтись, открыть границы немцам»; он же проекти-

рует общество «Красного Петуха» для поджога крестьянских усадеб в отместку за их эксцессы над помещичьими усадьбами.

Филиппео сообщает, что эстонцами без распоряжения Юденича, взорван мост, ведущий от Ямбурга к Нарве, единственный мост через Лугу. Как его теперь восстановить при наступлении на Петроград, — ведь оно пойдет из Нарвы и без этого моста немыслим подвоз снаряжения. Роковое начало...

Эстонская армия в своих прокламациях, разбрасываемых среди большевиков, склоняет, как и Северный корпус «жида» во всех падежах; упоминается, конечно, больше всего Троцкий, Нахамкес и Зиновьев. А местные агенты военного ведомства отказывают евреям в разрешении на в'езды и выезды в Эстонию и из Эстонии. Представители евреев были у премьера Штрандмана (присяжный поверенный), прося его потребовать от главнокомандующего генерала Лайдонера, чтобы его агенты не ставили при рассмотрении ходатайств о пропусках в первую очередь вопрос вероисповедания, а также поговорить с прессою о прекращении натравливания населения на евреев, — Штрандман (эстонский трудовик), отказался от того и другого.

В 4 часа приходил ко мне Н. Н. Иванов, говорит, сдержанно, осторожно. В прошлом году еще в марте он познакомился в Петрограде с Юденичем (?), участвуя в военном заговоре. Юденич человек умный, очень умный, но черносотенный, очень провинциальный и в политических вопросах беспомощен. Юденич предназначался для второго момента, то есть, после того, как восстание удастся. Летом прошлого 1918 года было много подготовлено, но Юденич колебался и медлил, так как не хотел устраивать восстания без обеспечения

продовольствия населению. В конце 1918 года Иванов после бегства из Петрограда, сперва попал в Чехословакию, затем пробрался в Эстляндию, наконец, в Гельсингфорс, где говорил с Юденичем. Тот опять сказал, что двинется только тогда, когда у него будет 50.000 солдат, пушки, продовольствие и 200 миллионов денег. Всех окружавших его в Гельсингфорсе бранил, — все, дескать, дрянь. Вернувшись в Эстляндию, Н. Иванов быстро сошелся со Штрандманом, Лайдонером и Пятсом и пришел к убеждению, что нужно признать эстонскую независимость, — тогда Петроград будет быстро взят. Поехал в Гельсингфорс, доложил это Юденичу в присутствии Волконского, Буксгевдена и Грубэ. Отнеслись отрицательно. Вернувшись сюда, стал работать среди эстонцев и Северного корпуса. Убежден, что Юденич провалится и вынужден будет уйти. Солдаты его считают царским генералом и черносотенцем; Родзянко теперь популярен в армии; он все время с солдатами, и третьего дня, при взятии Ямбурга большевиками, ушел оттуда с последними отрядами; Балахович Родзянко не переваривает; Арсеньев никакой роли не играет. Бои под Ямбургом шли по указаниям Юденича, вопреки протестам Родзянко; наши потери велики, — убито одних офицеров 40 человек (сомнительно, ибо раненых, по словам Молодовского, не свыше 150 чел).

Третьего дня Иванов был в Нарве и говорил с эстонцами. Офицеры делали опрос солдат и категорически подтвердили еще раз, что за признание эстонской независимости они готовы итти на Петроград. Вся работа с эстонцами должна быть не в центре, в Ревеле, а там, на фронте, где дерутся, — там не требуют признания эстонской независимости Юденичем или его Политическим Совещанием; там будет считаться более ценным признание представителями демократии. Устра-

нение Юденича армией неизбежно; если бы случайно он остался, все погибло.

Здесь Иванов поддерживает отношения с эстонцами, латвийцами и латышами. Он отказался уже давно от интеллигентских затей и считает производительною лишь работу в унисон с народными желаниями; а народ не верит барам и генералам: даже в районе армии Балаховича, где он популярен, крестьяне не сдавали оружия, несмотря на его категорическое приказание, — все же спокойнее с оружием. Русской армии сейчас нет. Вооружены тысяч 10, духа единства нет, настроения никакого. Если хорошо вооружить, одеть и накормить солдат, — служить будут добросовестно, но без энтузиазма. Положение армии на Гатчинском направлении совершенно испорчено гражданским управлением. Там действовал комиссар полк. Бибиков, назначенный Хомутовым, тоже из марковцев. Отбирал у крестьян землю и инвентарь, отдавал его помещикам. Псковское направление тоже, благодаря комиссару Хомутову, не блестяще, но оно единственно возможное. Наши войска отступают от Ямбурга в этом направлении, потому что эстонцы заняли фронт перед Нарвой.

Говорил нерешительно, видимо имеет определенный план, — военный заговор с участием эстонцев; ищет опоры в «общественности», которой ему не хватает. Производит впечатление человека одаренного, действенно мыслящего. С большинством его положений я согласен.

Зашел генерал Суворов. В отчаянии от Юденича: сидит уже девять дней в Нарве, ничем себя не проявил, ни одного разумного распоряжения. Растет скептическое отношение к нему. Отказался подписать декларацию, составленную его Политическим Совещанием,

ссылаясь на неблагоприятную для такого шага военную среду, теперь его окружающую. Он, Суворов, решил, что если при второй попытке предложить подписать декларацию, Юденич ее не подпишет — он уйдет; он ехал в Нарву, рассчитывал там остаться; увидев же тамошнее настроение, решил вернуться в Гельсингфорс, чтобы еще раз обдумать положение. К нему ходят офицеры Балаховича: «вот с этими то и надо работать». Полковник Хомутов уволен новым начальником гражданского управления К. А. Александровым, как марковец, но причислен к штабу у Юденича. Ставленник Хомутова Бибиков остался на месте; черносотенцев тьма. Не знает, удастся ли Александрову сделать что-нибудь, ибо он опирается на авторитет Политического Совещания и Юденича, а теперь на месте этот авторитет рассеялся, как дым. О взятии Петрограда в таких условиях нечего и думать, — армия есть, но духа никакого.

В 6 часов беседа с Лианозовым и Кузьминым-Караваевым. Получить нужно от Юденича подпись на актах, гарантирующих намеченному начальником снабжения ген. Зайдлицем поставщику Венгерову платеж за санитарное снабжение. Кузьмин-Караваев говорит, что если послать Юденичу на подпись, не подпишет, а в заседании, можно у него вырвать подпись.

Говорим об эстонцах.

Кузьмин-Караваев: Эстонская армия такая же рвань, как и наша, и с нею Петрограда тоже не взять; помощь их все же нужна, чтобы обеспечить фланги. Вот и третьего дня мы сдали Ямбург, — эстонцы отказались поддерживать.

Я: Отказались, потому что драться будут за что нибудь, — за самостоятельность Эстонии.

Кузьмин-Караваев: Вздор. Вот уже в июне, когда я с Суворовым и Карташевым был здесь, требовали от нас признания самостоятельности. Генерал Родзянко и генерал Крузенштиерн говорили: «да дайте им какое хотят признание, а потом возьмем два корпуса и покажем им.» А я нахожу прямо неприличным такие признания, это — неуважение к самим себе. Но теперь им нашего признания мало. Поляков говорит со слов Лайдонера, что им нужно, кроме нашего признания, еще и копию нашей телеграммы к Колчаку с просьбою о подтверждении им признания, но все это по моему вздор.

Лианозов: Эстонцы, как и финны, проворонят свою независимость. В конце августа немцы двинутся на Москву, там подготовляют совместно с их агентами переворот; создав там временное правительство, немцы заключат с ним договор о прибалтийских провинциях в свою пользу.

Кузьмин-Караваев: Нет, немцы бросятся на Эстляндию и всю ее вырежут, вот тогда и будет у эстонцев независимость.

Лианозов: Говорят, что Юденич поедет в Ригу вместе с едущим сегодня на фронт генералами.

Кузьмин-Караваев: Как, без нас? Ну, он там ничего не решит: скажет, нужно с нами посоветоваться и созовет совещание.

Я: А по моему нужно, не мудрствуя лукаво, дать эстонцам то, чего они домогаются, и броситься вперед, пока есть время.

Документ:

1. Договор:

Так как эстонскими войсками был взят Псков, то с моей стороны препятствий не

встречается к эвакуации завода «Штейн» в половинном размере в Эстляндию. На основании условий о военной добыче с представителем Эстонской республики во Пскове, штабс-капитаном Гинном.

29 мая 1919 года.

Командующий войсками Гдовско-Псковского района полковник Булак-Балахович.

Печать Начальника Конвоя Атамана Булак-Балоховича.

В 8 часов пришел Горн и сказал, что Иванов намеками дал ему понять, что он с Балаховичем при поддержке эстонского правительства намерены свергнуть золотопогонщиков и опять поставить во главе корпуса Родзянко; что он будет сегодня видеть генерала Гофа, чтобы выяснить его настроение, и что демократизация фронта — единственный способ его спасения.

В связи с этим Горн рассказал, что неделю назад начальник эстонских войск в Пскове Пиндинг призвал представителей города и сказал им, что ему крайне трудно удерживать эстонские войска, на которые обрушилась большевистская пропаганда, ибо черносотенная политика русского командования не дает ему возможности вести контрагитацию в его войске. Он поэтому считает долгом предупредить город, что если он не придет ему в этом отношении на помощь, он может быть вынужден будет оттянуть свои войска к границе Эстонии и тогда Псков неминуемо попадет в руки большевиков. Что если понадобится переворот во Пскове, все это произойдет просто и безболезненно: придется арестовать только двух генералов, ибо и начальник Штаба Псковского корпуса согласен на переворот. Натиск большевиков сейчас очень силен: против каждой роты

резерва эстонцев большевики выставляют целый батальон. С другой стороны, приехал во Псков Н. Иванов и просил городских деятелей облечь его полномочиями и общественным доверием для переворота. Ему отказали наотрез. Предвидя опять мучения для несчастного города, городские деятели делегировали Горна и другого гласного в Ревель для выяснения положения у эстонцев и союзников. Они были у Лайдонера, который подтвердил, что им дан приказ Пиндингу оттянуть войска от Пскова, если настроение их будет угрожающим. Он конечно, понимает, что потеря такого железнодорожного узла, как Псков, сильно ослабит эстонцев в борьбе с большевиками, но развал эстонской армии еще опаснее. Оттянув же их к границе до их разложения, он может надеяться, что Эстляндию войска эти будут защищать, как львы. На вопрос, как Лайдонер относится к «демократизации» фронта русских, последовал сочувственно-уклончивый ответ с рекомендацией поговорить с премьером Штрандманом. Этот последний также подтвердил тяжелое положение Эстляндии. Дал понять, что эстонское правительство в своем отношении к перевороту будет руководствоваться его результатами, но, что во всяком случае важно знать мнение союзников, ибо они могут отказать в поддержке продовольствием и аммуницией. Тогда гласные пошли к английскому военному агенту (говорили через переводчика); военный агент направил их к генеральному консулу, которого повидают завтра. Иванов предлагал им пойти вместе к Гофу, который должен его сегодня принять. Гласные в отчаянии: итти на поддержку переворота — могут остаться без продовольствия; не поддержать его — с уходом эстонцев сами погибнут. Лайдонер обещал сегодня внести в совещание совета эстонских министров вопрос о выдаче разрешения на переезд

в Эстляндию гласных и членов Управы, ибо предоставить всем желающим переехать из Пскова в Эстляндию, они не могут из-за продовольственного вопроса.

Следом за Горном ходил по министерству какой то казачий офицер; зашел он за ним и к английскому военному агенту; подошел к Горну и сказал ему тихо: «вы по общественному делу»? Когда Горн ответил: «нет по частному», офицер представился: «начальник штаба генерала Балаховича».

Эстонское войско, по мнению Горна, великолепно и сознательно борется за независимость.

ГЛАВА VI.

КРИЗИС НАРАСТАЕТ.

О настроении псковичей — рассказ Х..... Лианозов о Юдениче. — Псковские гласные у англичан. — Балахович готовит переворот. — Настроение эстонцев. — Спешный вызов членов Политического Совещания в Ревель. — Лианозов у ген. Лайдонера. — Сообщение Н. Иванова о соглашении в Верро. — Сведения Поллока. — Горн и Филиппео у английского консула. — Составление списка министров.

7 Августа. Четверг.

В 10 часов пришел Х..., псковский купец, еврей. Сообщил:

Настроение псковитян осенью 1918 г. перед ставшим известным намерением немцев уйти из Пскова согласно Брестскому договору было таково, что население приготовило адрес Максу Баденскому с мольбой не уводить войск из Пскова. Адрес подписал и местный архиерей. Предложили подписать теперешнему городскому голове Эйшинскому — отказался, но вечером, по его предложению, городская дума вынесла такое же постановление.

Когда в конце мая в 1919 г. после ухода из Пскова большевиков, туда приехал Н. Иванов, он тотчас же предложил обложить местных евреев двумя миллионами для надобностей войск и города и тут же стал записывать указываемые ему фамилии; первою — Каценель-

сона, его коллеги, присяжного поверенного, на 25 тысяч; когда Эйшинский запротестовал, почему облагают одних евреев, а не всех купцов вообще, Иванов убрал лист и заявил: «ну, хорошо, обойдемся без этого, достанем в штабе».

3-го июля некий Эльяшев, которого Балахович избрал своим посредником для общения с еврейством, сообщил евреям, что Балахович приказал им доставить ему через день 30 тыс. рублей.

4—5 июля евреи собрали между собой 10 тысяч, из общественных еврейских сумм взяли еще 15 тысяч и вручили их ад'ютанту Балаховича. 7-го июня опять требование, но уже 50 тысяч рублей, причем Балахович поручил передать, что если евреи аккуратно внесут в срок, то погрома не будет (по словам Эльяшева, Балахович требовал деньги для себя, так как много проигрывал в карты). Тогда 10-го июля евреев стали приглашать повесткой за подписью Энгельгарта в штаб Балаховича (сам он жил в том же здании этажем выше). От явившихся требовали определенных сумм и назначили для взноса 2—3 дня. Кто по истечении этого срока приносил денег меньше или совсем не приносил, тотчас отсылался в тюрьму на одну—две недели. Одновременно с этим офицеры и солдаты Балаховича шли по квартирам отнимать серебро и золото.

Другой способ взымания денег с евреев — не дают пропусков на выезд из города, дерут за пропуск до 10.000 рублей. Это проделывают, главным образом, эстонцы, так как от них зависит в'езд на их территорию.

Эстонские солдаты и офицеры первые три дня грабили квартиры; ими же разграблены склады с товарами, бывшими в распоряжении большевиков, реквизировавших их у местных купцов. Теперь этих товаров не удается получить от русских властей, хотя соответ-

ственным лицам уже даны взятки в размере 10% стоимости товаров, якобы в пользу военных властей.

За вывоз евреями товаров в город эстонцы накладывают контрибуцию в 10—15 тыс. рублей. Евреи-купцы все ликвидируют и бегут из города.

В мае месяце полк. Дзерожинский хотел отделаться от Балаховича; отстранил его от командования и назначил инспектором кавалерии. Тогда Балахович пошел с войском на Гдов, взял его и отделился от Северного корпуса. Был момент, когда хотели на него пойти войной, да силы были равные у обеих сторон, — не решились.

Из рассказов Горна: один из самовешавшихся, по приказу Балаховича, сорвался с петли, упал на землю и побежал; его догнал офицер и схватил за веревку, свешивающуюся с петли, оставшейся на шее, поволок по мостовой до реки и бросил в воду. По мостовой кровавый след тянулся до реки.

В 1 час был у полковника Полякова. Говорит: напрасно Юденич приехал, — все спуталось (видимо, что то от меня скрывает, знает больше, чем говорит). Спрашиваю, помогут ли нам привезенные боевые припасы. Сомневается, дух солдат скверен. Выясняю состояние эстонских частей.

Я: Я слышал, что они — гниль.

Поляков: Ничего подобного, но как солдаты времени Керенского хотят знать, для чего их посылают в бой.

Поехали с Поляковым смотреть разгрузку второго английского парохода, — 4 маленьких танка, 12 тысяч ружей, патроны (наш заказ во Франции — видимо, другого не смеют вывезти), немного санитарного снаряжения (подарок Канадского Красного Креста русскому Красному Кресту в Лондоне, на 300 кроватей). С танками приехали английские офицеры-добровольцы. По-

ляков говорит о немецком плане пройти в конце августа через Литву на Москву, о подготовке корпуса.

В 2 часа говорю с Лианозовым; указываю ему, насколько положение на фронте в тылу натянуто. Может вспыхнуть военный бунт против Юденича; Политическое Совещание с позором будет упразднено. Говорю ему о решении Русского Совета созвать с'езд. Лианозов встревожился; говорит, что Юденич — неподвижен, угрюм, слова из него не вытянешь. Он согласился было подписать декларацию, но при условии, чтобы в ней не содержалось никакой программы, а просто была ссылка на то, что принимается программа Колчака. Указание, что населению неудобно говорить ссылками на чужие программы, а нужны реальные заявления, не произвело на него впечатления, и в конце концов он ничего не подписал.

Я указываю, что Политическое Совещание должно было бы выступить с декларацией помимо генерала и поставить его перед совершившимся фактом. Я считал бы разумным, чтобы совещание созвало с'езд местных общественных деятелей по своей инициативе, да и в Гельсингфорсе сделало б попытку сближения с оппозицией. Чтобы успокоить Кузьмина-Караваева надо его избрать представителем с'езда, на котором все члены совещания изложат свои программы. И тогда пусть генерал отказывается от своего политического совещания, если оно ему не нравится.

Теперь ему, Лианозову, многое понятно: быть может и отступление от Ямбурга и отказ эстонцев поддержать наши войска (что и обусловливало отступление), все это было результатом желания нашего генералитета напакостить Юденичу и запечатлеть первое его появление на фронте неудачею. Также и отступление наших войск не на Нарву, а на Гдов связано, вероятно,

с желанием отрезать Нарву, где теперь Юденич, от Южного корпуса. Все это может кончиться кровопролитием; — Марков 2-ой на фронте, генерал это знает и никак не реагирует.

Иностранцы поехали вчера на фронт — может быть они наладят отношения между Юденичем и генералитетом.

Генерал Балахович в городе; сегодня днем был с визитом у Крузенштиерна младшего.

В 5 часов зашел Горн. Был у английского генерального консула. Тот сильно заинтересовался рассказом о положении дел в Пскове, просил сообщить все изложенное письменно, чтобы тотчас же поговорить с генералом Гофом и послать доклад в Лондон. Дал понять, на вопрос, не прекратят ли англичане в случае переворота подвоза снабжения и продовольствия, что поведение англичан будет зависеть от результатов. Горн говорил с Н. Ивановым, который опять добивался санкции городского управления на переворот. Ему отказали, сказав, что два месяца режима Балаховича показали Пскову, что это за — «демократия». Н. Иванов клялся, что «жидов» и «вешалок» больше не будет, что все пойдет по новому, что снабжение и средства дадут эстонцы; прибавил, что поздно теперь отступать, что он сегодня едет в Псков, с ним едет помощник Гофа (?). В Ревеле появился бывший член городского самоуправления Костылев, который на вопрос Горна, зачем он здесь, — ответил: «ведь, Вы представляете только одну группу, а мы нашли нужным поговорить с консулом (эстонским), чтобы и мы были представлены. Значит, во Пскове переворот в принципе уже принят и городскими деятелями распределяются портфели.

Нажим большевиков на островском направлении, где работает тяжелая артиллерия, очень силен. Горн не

знает, какую позицию ему занять, — угроза эстонцев уйти, если не будет перемены курса, висит над жителями Пскова Дамокловым мечем.

В 7 часов у Лианозова финансовое совещание. Присутствуют А. Каминка, полковник Поляков, директор Государственного Банка фон-Мейер и полевой казначей, Теребенин.

Читаем редакцию об'явления открытия действий Псковского отделения Государственного Банка, инструкцию управлению, обсуждаем предстоящую беседу с эстонским министром финансов Куком о фиксации курса новых наших денег, заказанных в Стокгольме (Колчак разрешил их печатать на сумму не свыше 500 миллионов рублей). Все попытки получить деньги у союзников дали нулевой результат. Новые рубли, выпущенные Колчаком в Сибири идут на 20% ниже царских. Здесь и на Псковском фронте разная расценка на царские, думские и керенки. Вряд ли население примет деньги за подписью Юденича при слабой его популярности.

По поводу деятельности полевого контроля полковник Поляков сказал, что до сих пор воинские части игнорировали контролеров и, когда два контролера, посланные им, приехали в Нарву, то они два дня тщетно искали полковых командиров и казначеев, которых должны были контролировать; так и не нашли, уехали, не солоно хлебавши.

Лианозов мне сообщил, что несколько дней назад у него был генерал Янов, который заявил, что если Лианозов не даст денег на снабжение армии, то ничего не останется, как взять деньги у немцев, давно уже соблазняющих предложением их. Лианозов думает, что эстонцы, разочарованные в помощи союзников, которые им отказали в деньгах (в то время, как немцы предла-

гают им теперь же сто миллионов), охотно прислушиваются к немцам и быть может, подталкивание Балаховича и псковитян на разрыв с Юденичем есть результат немецкого желания оторвать наш корпус от Антанты и взять его в немецкие руки. Вечером за ужином с А. И. Каминкой, Лианозов сказал, что все бурлит вокруг Юденича, все ждет, когда будет закончено снабжение. А Юденич не высказывается ни о чем, но признает необходимой чистку армии.

К концу ужина приходит Филиппео и А. Шульц, и передают свой сегодняшний разговор с генералом Балаховичем: «Я предпочитаю Юденича, Родзянко, потому что Родзянко — конченный человек, а Юденич еще себя не показал. Во всяком случае пусть эти господа знают, что меня генеральскими погонами не возмешь. Я был и остался демократом, и если эти господа на демократическую программу не пойдут, я брошу их и найду себе союзников помимо их». Свидание это произвело сильное впечатление на Филиппео и Шульца и они стали доказывать, что бесчинства и вымогательства Балаховича в Пскове были неизбежны при сложившихся там обстоятельствах, так как армия голодала, не имела ни гроша, а псковская буржуазия, встречавшая Балаховича криками «ура», добровольно не дала бы ему ни копейки... Впечатление у Филиппео и Шульца такое, что Балахович на что то решается.

Филиппео и Шульц решили завтра ехать к Юденичу и сообщить ему, — предупредив его, что миссию эту они взяли на себя в его интересах, — что необходима твердая демократическая программа, без которой ему не на что будет опереться. Лианозов предложил им ничего не говорить Юденичу о с'езде общественных деятелей и выразил желание, чтобы созыв с'езда был сделан по инициативе Политического Совещания. Что же ка-

сается до Кузьмина-Караваева, то Лианозов, берет его на себя; он уверен, что Кузьмин-Караваев на с'езде, как боевой конь, услышав призыв, опять покажет себя старым общественником и политически-либеральным человеком. Дай то Бог!

8 Августа. Пятница.

Беседую с Г. И. Поска — братом министра, тоже присяжным поверенным. Теперешнее эстонское правительство очень неспокойно, так как эстонские социал-демократы неизбежно катятся к большевизму. Полтора месяца тому назад эстонские делегаты ездили к большевикам для переговоров об обмене военнопленными; ни до чего не договорились, но большевики будто бы сделали предложение прекратить войну с Эстляндией на каких то условиях. Теперь через большевистского агента Кингиссепа и при содействии левых с.-р.-ов они ведут энергичную кампанию в Учредительном Собрании против помощи России в борьбе с большевиками. Сдерживает их один Лайдонер. Против русских ведет агитацию и партия премьера Штрандмана, эстонские трудовики, (напечатавшие ложное известие о предательстве русских на фронте в оффициозе «партии» Waba Maa «Свободная страна», опровергнутое потом оффициальным сознанием редактора, что он пустил этот слух для создания настроения). Красная опасность в эстонских войсках существует, работают несомненно и немецкие агенты, возбуждая эстонцев против русских. На прочность теперешнего министерства он смотрит весьма скептически; следующее может быть еще левее. Балахович — единственный генерал, популярный в Эстляндии. Заседавшие три дня социалисты, вынесли резолюцию о необходимости демократических га-

рантий со стороны России для оказания ей помощи; резолюцию эту они посылают Юденичу.

Встретил американского депутата X... Он был в Нарве, встретил там Юденича, который, однако, армии ему не показал; он сам видел отдельные ее части и нашел, что „die Armee ist in Unordnung" (армия в беспорядке). Возвращался с Юденичем и Гофом, Юденич говорил, что ему нужно снабжение и продовольствие, а по мнению американцев, продовольствия достаточно. Гоф тоже видит, что дело не ладно, но надеется, что оно исправится. В «Новой России» статья Иванова «Приезжий» заканчивается так: «Я брошусь. Я пойду на подвиг. Лучше разбиться осенью, чем замерзнуть зимой.» Он, повидимому, уехал вчера с Балаховичем; в Верро должен был ждать их штаб Балаховича.

В 2 часа в Красном Кресте у А. Д. Зиновьева. Канадский Красный Крест прислал им около 1.000 ящиков санитарного снабжения, — отличные халаты, хорошие вещи, автомобили. Зиновьев таинственно говорит: я слышал о расколе между Юденичем и Политическим Совещанием, это последнее выступает против Юденича.

В 4 часа я у Лианозова, где нахожу А. И. Каминку. Они оба беседовали с английским финансовым агентом в Ревеле. Просили, чтобы поддержал перед эстонским правительством просьбу о разрешении циркуляции новых денег. Англичанин сперва спрашивал, как гарантированы деньги, ссылаясь на необходимость запросить Лондон; потом согласился поддержать.

В 5 часов заходят встревоженно к Лианозову полковники Поляков и Крузенштиерн (младший): «по очень важному делу», сказал Поляков. Мы с А. И. Каминкой вышли, и я рассказал Каминке события предыду-

щих дней, высказал предположение, что Поляков и Крузенштиерн выступают в роли предупредителей Лианозова на предмет спасения Юденича. Через полчаса зашел ко мне Крузенштиерн, а Лианозов с Поляковым пошли на телефонную станцию, чтобы вызвать в Ревель на завтра трех членов Политического Совещания, успевших уже вернуться в Гельсингфорс, и стал меня спрашивать, не потому ли совещание имеет репутацию черносотенства, что Юденич член его; и что нужно, сделать, чтобы оно приобрело лучшую репутацию. Когда я сказал, что его нужно расширить, пригласив в его состав популярных лиц, он заявил, что таких здесь нет. Я обратил внимание на Псков, где, повидимому, очень популярен городской голова Эйшинский, и также на Ревель, где большая работа сделана Русским комитетом. Крузенштиерн поспешил оговориться, что ничего не знает о псковской затее (вчера у него был генерал Балахович), но что сегодня в два часа ночи большевики послали эстонскому правительству ультиматум, отвести в 48 часов эстонские войска к границе, обещая границы не переступать; в противоположном же случае угрожали немедленным натиском на Нарву. Дух и эстонских и русских войск неблагоприятен.

В 8 часов пришли ко мне Горн, Филиппео и Шульц; и мы сообща вырабатывали программу с'езда городских, земских, кооперативных и иных общественных деятелей на 17 августа в Юрьеве. Решено действовать в этом смысле на Политическое Совещание. Предположено выбрать на с'езде совет, — зародыш общественной организации для воздействия на правительство, и войти теперь же в контакт с англичанами для подготовки их к необходимости считаться с голосом общественности в дальнейших шагах.

В 10 часов пришел Лианозов. Ему удалось переговорить по телефону с Кузьминым-Караваевым. Члены совещания приедут в среду на английском миноносце, с генералом Гофом. На предупреждение Лианозова, что Политическому Совещанию, быть может, придется выступить с самостоятельною декларациею, Кузьмин-Караваев ответил согласием. Повидимому, генерал Юденич висит на волоске: армия и эстонцы им крайне недовольны, спасти его могут только англичане, ибо Гоф проезжал с ним по фронту и, по сведениям разведки, убеждал его удалить влияющую на него черносотенную клику. Что сказал Юденич, — неизвестно. Гоф вряд ли решится устранить его, не запросив предварительно английское правительство. Лианозов был у генерала Лайдонера, который сперва встретил его крайне холодно, а когда он ему наговорил много о положительном отношении своем к вопросу об эстонской независимости, Лайдонер так сделался любезен, что даже показал ответ свой большевикам на их предложение отвести эстонские войска от Пскова; телеграмма гласит приблизительно так: «эстонцы уведут свои войска, когда и куда найдут нужным; вопрос об эстонской границе тоже несвоевременно подымать; если же большевики поведут наступление, то они получат надлежащий отпор».

Каминка сказал Лианозову: «пусть Петроград будет лучше взят на полгода позже, чем покупать его ценой признания независимости Эстонии». Я назвал эту точку зрения преступной, ибо своевременное взятие Петрограда и своевременная ликвидация большевиков — более важный вопрос для России, чем утрата одной губернии и притом временная, так как ни один здравомыслящий политик не может предположить самостийной Эстляндии навсегда, — она неизбежно вольется обратно

в Россию, но, конечно, на здоровом федеративном, добровольном начале.

Лианозов заявил, что Россия не доросла до федерации, Каминка поддержал его. Кузьмин-Караваев, разумеется, тоже поддержит, и мы в лишний раз спасуем перед большевиками.

9 Августа. Суббота.

В 10 часов пришли ко мне Гобович (псковский крупный коммерсант) и К. Г. Костылев (член общественного управления Пскова — при Балаховиче, гласный царской Думы, бухгалтер земского общества взаимного кредита). Костылев рассказывает, что он ехал от Пскова до Верро вместе с Балаховичем, который заявлял, что он с Родзянко больше ни за что не пойдет, скорее с Юденичем. Хвалился, что откажется от трех последних чинов, полученных им от «этих господ» (до ротмистра он дослужился будто бы еще до революции.) Но за то Родзянко и прочих разжалует в солдаты. Своего начальника штаба Звягинцева он послал вчера в Нарву к Юденичу с требованием признания демократической программы, иначе же Балахович сохраняет за собой право самостоятельной работы.

Вчера должно было состояться совещание в Верро у Пускара, полковника, начальника эстонской дивизии, по вопросу о выходе из теперешнего тяжелого положения. В Пскове считают совершенно решенным, что будет образовано местное правительство при Балаховиче, командующем войсками, и Костылев озабочен только тем, чтобы оно не было однообразно составлено, исключительно из группы Горна и Эйшинского.

В час с половиной зашел ко мне Н. Н. Иванов. Вчера в Верро между Балаховичем и им с одной стороны, Пускарою и латышским представителем Озолем с другой,—

состоялось соглашение об областных организациях с взаимным признанием. Каждая область автономна и сама выбирает, как свое правительство, так и своего главнокомандующего. Звягинцев поехал к Юденичу, чтобы предложить ему отказаться от своего Политического Совещания, и тогда Балахович готов был бы действовать совместно с ним. Узнав, что через Верро проезжает поезд с генералом Маршем, Балахович приказал остановить его и вошел с Ивановым в вагон Марша, чтобы поговорить. Балахович и Иванов сообщили Маршу о соглашении с эстонцами и латышами об областных образованиях и просили поддержки англичан. Генерал Марш ответил в общих чертах, что областные образования не кажутся ему неприемлемыми.

Иванов куда-то уезжает сегодня. Куда — не говорит. Немцы будто бы предлагают сколько угодно вооружения Балаховичу и эстонцам. На мой вопрос, когда Балахович и Иванов думают осуществить свои предположения об областной автономии, — отвечает уклончиво. Сказал, что в областном правительстве необходимо участие гельсингфорсцев; я заметил, что вряд ли кто из них пойдет, так как большинство принципиально враждебно идее областных правительств, а другие усумнятся в возможности водворения гражданского порядка при Балаховиче. Иванов с улыбкою: «ну, он, несомненно, пойдет навстречу».

Я: А Вы исключаете в скверную минуту нагаечный способ беседы с членами областного правительства, если оно пойдет в разрез с требованиями Балаховича?

Опять улыбка и молчание.

В 2 часа Лианозов сообщает, что утром по телефону ему сказали, что Гофа уже нет в Гельсингфорсе, но члены Политического Совещания приедут в воскресенье

на английском крейсере. Гоф ночью спешно вызван почему-то на фронт.

Завтракаю с корреспондентом «Таймса», Поллоком. Он был во Пскове с Маршем. Балаховича улица обожает, солдаты любят. Он, Поллок, беседовал с Балаховичем, Н. Ивановым и Пускара (этот — тоже демагог). — Они хотят устроить областное правительство. Марш ничего им не обещает. Против организации крупных областей на федеративном начале англичане не будут возражать, но против таких единиц, как часть Псковской губернии — будут. Вся затея Балаховича кажется англичанам несерьезной, ибо организации, не связанной с именем Юденича, англичане не дадут снабжения. Эстонцы давно пошаливают, но Гоф послал им ультиматум, — если они не поддержат русских на фронте, то союзники прекратят снабжение и им. Эстонцы заключили частное соглашение с Юденичем о признании независимости Эстонии, при этом, однако, Юденич подписал это соглашение не как лицо назначенное Колчаком, а лично, как командующий Северо-Западной армией; когда же эстонцы спросили: «а если Колчак не подтвердит Вашего согласия, что Вы сделаете?» — Юденич ответил: «пойду без Колчака». Но эстонцы не довольствуясь этим, требуют подтверждения от союзников, что они согласны с Юденичем и поддержат его решимость признавать независимость Эстонии. Союзники отказались. Гоф выехал на выборгский фронт и сюда не приедет, так как ждет ответа эстонцев на свой ультиматум. Войска русского на псковском фронте мало и если эстонцы уйдут, — Псков погиб.

На Гатчинском направлении большевики перешли Лугу южнее Ямбурга и сражаются здесь с нашими частями.

Псковитянин Х... сообщает мне историю образования северного корпуса. В начале октября 1918 года немцы обратились через Линде (бывший земский начальник, делец) к союзу торгово-промышленников Пскова с предложением создать русский корпус из офицеров, бежавших в Псков из разных местностей России. Союз послал одного из своих членов, Пришивалова (бывший городской судья), в штаб к майору Клейсту, который подтвердил, что немцы готовы дать по 10.000.000 марок на дивизию. В то время в Пскове было человек 200 офицеров налицо. Псковичи создали тогда комитет, который разбился на отделы, собрал тысяч 200 рублей; город дал также 50.000; пригласили начальником штаба сперва ген. Вандама, а командующим — А. Драгомирова; после отказа этого последнего — ген. Келлера, которому послали 350 тысяч рублей под'емных. Немцы долго ничего не давали, потом все-таки дали два миллиона марок. Через некоторое время явился к Х... ротмистр с польской фамилией и заявил, что он явился от некоего Балаховича из Луги, где Балахович уже соорганизовал две дивизии и сообщает, что как только узнает, что в Пскове организуется северный корпус, он от большевиков перейдет в Корпус. А к концу октября Балахович действительно явился в Псков. Немцы отобрав от людей оружие, поместили их в местном отделении арестантских рот.

Через десять дней по прибытии Балаховича, немцы убрали Вандама. Пермыкин, правая рука Балаховича, хвастался, что войдя в кабинет Вандама, он, размахивая нагайкой, закричал: «ты — военный писатель, ты — пиши, а работать будем мы». Пермыкин в то время был военным полицеймейстером по назначению того же Вандама. Во главе отряда вместо Ван-

дама стал никому неизвестный полковник фон-Неф, немецко-дворянский кандидат.

25 ноября большевики вошли в Псков, немцы бросили город, ограбив его. Северный корпус ушел в Эстонию.

Филиппео встретил вчера офицера из штаба Юденича, заговорил о деле Лившица: «мы его не выпустим, сказал офицер, посадим его в Гдове и будем держать в тюрьме, пока не кончится война». Филиппео недоумевает: «как же вы можете, ведь это лицо уполномоченное министром Карташевым?»

Офицер: Нам нет дела до такого министра, который выбирает уполномоченным жида.

Пришли Горн и Филиппео, — они были у англичан. Генеральный консул Бэзенкэт повез их к начальнику политического отдела Прибалтийского края полковнику Таландс, которому они изложили свою точку зрения на необходимость привлечения общественных элементов к делу управления краем. Англичане спросили, почему они не считают лучшим предоставление инициативы привлечения общественных элементов, а за одно и инициативу с'езда их — самому Юденичу. Об'яснили, что от этого умалилось бы общественное значение с'езда и пропорционально была бы ослаблена и та поддержка, которую с'езд мог бы оказать Юденичу. Англичане расспросили подробно о представительстве разных групп на с'езде и просили зайти в 7 часов, чтобы окончательно договориться.

В 7 часов Бэзенкэт представил Горну написанный проект, якобы построенный на предложении, сделанном Горном и Филиппео, в котором признавался принцип областного представительства (Северо-Западной Области); с'езду давался характер постоянный—в роде предпарламента, но с составом по назначению Юденича. Фи-

липпео и Горн протестовали против неправильного изложения их мыслей.

Я просил их завтра пойти к англичанам, взять у них копию; мы попробуем составить контр-проект, иначе англичане поднесут эту ерунду Юденичу, как выражение пожеланий местных общественных деятелей.

Большевики осуществили свою угрозу: получив отказ от эстонцев отвести их войска от Пскова, они перешли Лугу ниже Ямбурга и идут на Нарву.

Вечером Поллок сообщает мне о своей беседе с генералом Маршем, который решил:

1. На завтра он приглашает к себе членов Политического Совещания для беседы о реорганизации исполнительного аппарата; просит и меня быть при этом.

2. Необходимо создать Северо-Западное Областное Правительство с Карташевым — премьером, Крузенштиерном младшим — министром иностранных дел, Лианозовым — министром финансов, Суворовым — военным, Маргулиесом — министром торговли, промышленности и снабжения, Н. Н. Ивановым — министром внутренних дел («иначе он будет устраивать заговоры с Балаховичем», — пояснил Марш), но без Кузьмина-Караваева, против которого категорически высказался Поллок. Не знают, куда пристроить Кондзеровского.

После всего сообщенного мне псковскими гласными об их переговорах с англичанами и Н. Н. Ивановым о совещании с эстонцами и Маршем, — заявление Поллока представляется естественным.

Я предлагаю дополнить предположенный список министров рядом местных и петроградских деятелей для создания демократического правительства. Называю из Пскова: Эйшинского, Горна, Эрна, Богданова; из Ревеля: Филиппео, из Гельсингфорса: профессора А. И. Каминку, сенатора С. В. Иванова, Бутлерова, И. В. Гес-

сена, К. А. Александрова. Возражаю против предложения премьерства Карташеву,— фактически премьером при нем будет неответственный и малопригодный по своей прошлой работе к такому посту — инженер Новицкий; считаю более подходящим С. Г. Лианозова, — человека делового, умеющего ладить со всеми, владеющего иностранными языками. Категорически возражаю против предоставления какого бы то ни было портфеля (тем более портфеля внутренних дел) Н. Н. Иванову, так как это несомненно вызовет отказ всех прочих лиц от вступления в правительство.

Поллок записывает указываемые мною имена и мы составляем совместно такой список: Премьер — Лианозов. Внутренних Дел — ? Иностранных Дел — К. А. Крузенштиерн. Торговли и промышленности — проф. А. И. Каминка. Финансов — С. Г. Лианозов. Снабжения и Народного здравия — М. С. Маргулиес. Народного Просвещения — Эрн. Контроль — В. Л. Горн. Восстановления фабрик и заводов — Бутлеров. Путей Сообщения — ? Культов — В. А. Карташев. Призрения — сен. Иванов. Почты и телеграфа — М. М. Филиппео. Земледелия и землеустройства. — П. А Богданов. Военный — генерал Суворов. Юстиции — В. Д. Кузьмин-Караваев (Поллок протестует, но записывает). Морской — контр-адмирал Пилкин. Продовольствия — Эйшинский. Без портфелей — И. В. Гессен, А. Шульц, Е. И. Кедрин.

Поллок, об'ехавший фронт с ген. Маршем подтверждает, что на фронте невероятный ералаш; ни генерал Юденич, никто иной не знает, ни где какая часть расположена, ни кто ею командует. Марш решил отделить эстонские войска от русских, поручив эстонцам гатчинский фронт, русским псковский. Эстонские войска хороши и, если Юденич через неделю не наведет

порядка, то Марш склонен передать командование и русскими войсками генералу Лайдонеру. Эстонцы должны взять к наступающей зиме Петроград (через месяц, говорит Марш, и тогда он сможет спокойно уехать).

Костылев просит передать мне, что он едет сегодня в Псков и что Балахович устроит там завтра все намеченное. С другой стороны, Иванов сказал Филиппео и Шульцу днем, что он едет в Псков сегодня в 12 часов ночи, чтобы завтра, вместе с Балаховичем, начать осуществление нового демократического порядка. (!)

ГЛАВА VII.

ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

У ген. Марша. — Обсуждение его предложения. — Предстоящее соглашение с эстонцами. — Предложение Кузьмина-Караваева. — Переговоры по поводу списка министров. — Отказ Кузьмина-Караваева и Карташева. — Протесты ген. Юденича. — Подписание декларации у ген. Марша. — Отказ Суворова. — Согласие Юденича на вступление в состав правительства. — Опять у ген. Марша.

10 Августа. Воскресенье.

Утром сообщил Лианозову о проектах генерала Марша; решили, что Кузьмина-Караваева надо выручить, так как невключение его в состав нового правительства поставило бы других членов Политического Совещания в нелевкое положение.

В 12 часов был на организационном заседании с'езда общественных деятелей. Решили созвать с'езд 20-го августа в Юрьеве; Юденича известить о с'езде, как о факте, у эстонцев взять разрешение. Основная задача с'езда — организация правительства на Северо-Западе России и устройство постоянного органа с'ездов.

Приехал из Нарвы К. А. Александров, начальник гражданской части. Он уже месяц поневоле бездействует в Нарве; в Псков не решается ехать и вообще не знает, что с собой делать, потому что военное на-

чальство пока никуда его не пускает. На фронте — неблагополучно: у эстонцев четвертый полк об'явил себя «самостийным» (на Нарвском фронте). Красная пропаганда ширится. У нас солдаты частью переходят обратно к большевикам (не много), частью — разбегаются из-за голода и отсутствия одежды и обуви. Родзянко кутит. Арсеньев и Балахович на ножах.

В 2 часа полковник Поляков сообщает мне, что я приглашен на заседание к генералу Маршу.

В 3 часа Поляков сказал мне, что он виделся с генералом Маршем, что генерал Марш согласен на то, чтобы мы не дали Н. Иванову портфеля, но все же требует включения его в состав правительства, хотя бы министром без портфеля. Марш считает это необходимым из за близости Иванова к Балаховичу. Что на предложенное мною премьерство Лианозова Марш также согласен, что всех указанных мною лиц он пригласит, и что он представит совещанию этот список, как список лиц, которых союзники желали бы видеть в составе правительства.

В 5 часов мы собрались у Марша. От союзников, кроме генерала Марша, — подполковник Пири-Гордон (от Foreign office), полковник Геропат, полковник Hurstel (француз), капитан Мюллер (американец). Из Гельсингфорса члены Политического Совещания приехали только к 6 часам; когда Лианозов шел к телефону передать приехавшим о необходимости заехать немедленно к Маршу, генерал Марш догнал его и сказал: «только пусть Кузьмин-Караваев не приезжает». Через несколько минут, однако, приехали все.

Присутствуют: генерал Суворов, С. Ф. Лианозов, А. В. Карташев, В. Д. Кузьмин-Караваев, Н. Н. Иванов, М. М. Филиппео, К. А. Александров, В. Л. Горн, К. А. Крузенштиерн и я.

Генерал Марш, стоя и заглядывая на напечатанные на машинке листки, говорит: «положение Северо-Западной армии скверное, — точнее говоря, катастрофическое, нужно употребить чрезвычайные меры, чтобы ее спасти, и я обращаюсь к патриотизму присутствующих, чтобы сделать последние усилия. Союзники считают необходимым создать правительство Северо-Западной области. Его нужно создать, не выходя из этой комнаты. Теперь 6¼ часов, я вам даю время до 7 часов, так как в 7 часов приедет эстонское правительство для переговоров с тем правительством, которое вы выберете. Если вы этого не сделаете, то мы, союзники, бросим вас. Вот лист членов правительства, которые желательны союзникам, — поговорите о сказанном мною; вам, генерал Суворов, я передаю этот лист».

Сказал эту речь по русски, с недурным произношением, сильно подчеркивая фразы, и ушел. В переданном им листке с распределением портфелей нет ни Кузьмина-Караваева, ни А. И. Каминки, ни И. В. Гессена, бывших в списке, переданном мною Поллоку. Премьером и министром финансов предложен С. Г. Лианозов.

Суворов председательствует.

Карташев просит раз'яснения у присутствующих о том, что произошло.

К. А. Крузенштиерн рассказывает, что Гоф передал эстонцам два письма, посланные ему Юденичем; в одном Юденич жаловался на интриги эстонцев, собирающихся под разными предлогами оттянуть свои войска с фронта, оставивши русских на с'едение большевикам; в другом — Юденич сообщал, ссылаясь на телеграммы Лайдонера, что он готов признать самостоятельность Эстонии, но что за это он требует 25.000 эстонцев под свое командование. Эстонцы пришли в бешенство от первого письма и потребовали от англи-

чан удаления Юденича; протестовали и против ссылки на Лайдонера, который ни о чем не телеграфировал Юденичу, на самом деле телеграфировал Юденичу не Лайдонер, а сам Крузенштиерн, передавший свой разговор с Лайдонером. Желая примирить эстонцев с русскими, Марш, дескать, и придумал компромисс: Юденич остается, но сейчас же избирается правительство Северо-Западной Области, которое признает независимость Эстляндии, и будет служить средостением между эстонцами и крайне непопулярным у них Юденичем.

Кузьмин-Караваев высказывает сомнение, согласно ли с положением Юденича перед Колчаком и Политическим Совещанием избрание правительства.

Суворов предлагает формулу: приглашенные лица, в виду крайней спешности, принимают на себя ведение всех срочных дел русских с ответственностью за них, окончательное же персональное обсуждение списка предложенных лиц отложить до понедельника вечером.

Формула эта единогласно принимается, о чем заявляется Маршу; он благодарит, но говорит: сейчас нужны министр-президент, военный министр и министр иностранных дел, чтобы подписать в 7 часов соглашение с эстонцами по следующим вопросам:

1. О признании Эстляндии самостоятельным государством.
2. О помощи эстонцами русским по взятии Петрограда.
3. О командовании Юденича и Лайдонера.

Я предлагаю выборов трех министров не производить, а остановиться на лицах из списка Марша, — Лианозове, Суворове и Крузенштиерне; принято.

Являются эстонцы: Поска, Штрандман, генерал Лайдонер и военный министр и заявляют, что они не

могут сегодня принимать никаких решений, так как обязаны поставить все предложенные вопросы на предварительное обсуждение Государственного Совета; поэтому ответ могут дать лишь завтра в 9 часов вечера. Расходимся.

Мы собираемся вновь на совещание в 9 часов вечера в помещении отдела внешних сношений Северо-Западной армии (где работает К. А. Крузенштиерн); помещение еще не устроено, так что горит там лишь одна электрическая лампа, тоже скоро погасающая, и заседание длится более часа в полной темноте, которую разрывают от времени до времени вспышки папирос. Кузьмин-Караваев настаивает, ссылаясь на Сибирское правительство (состоящее «при Колчаке»), а также на Деникинское, на предоставление самому Юденичу наметить состав правительства. Его поддерживает Н. Н. Иванов. Большинство возражает; решаем — Юденичу ничего не представлять, а просить его и начальников частей приехать безотлагательно в Ревель для совещания с нами. Решено, по предложению Суворова, не выбирать еще окончательного списка. Почему — никто не знает; все молчат, чтобы не подумали, что боятся не попасть в список при отложении; начинается российская ерунда.

В 12 часов ночи с Лианозовым идем к Поллоку. У Лианозова был Карташев, Кузьмин-Караваев и Суворов, взвинтили его из за Кузьмина-Караваева и сказали, что уйдут, если Кузьмин-Караваев не получит портфеля. Не хотят они и Н. Н. Иванова. Поллок промолчал о Кузьмине-Караваеве, но про Иванова сказал, что попытается убедить Марша не включать его в список министров. В общем же, однако, Поллок предупреждал нас, что если мы будем слишком долго копаться, стремительный Марш способен назначить Лайдонера главнокомандующим и русских войск с полным

устранением Юденича. По общему мнению, Маршу уже очень хочется скорее вернуться в Лондон, а дело наше на фронте все равно на краю гибели.

11 Августа. Понедельник.

Предложенный вчера генералом Маршем проект нашего соглашения с эстонцами гласит:

1. Правительство Русской Северо-Западной Области, включая губернии Петроградскую, Псковскую, Новогородскую, признало абсолютную независимость Эстонии.

2. Эстонское правительство обещает немедленную поддержку Русской Северо-Западной Области вооруженной силой, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии от большевистского ига и установить в Петрограде демократическое правительство, которое будет уважать человеческие права, как то: жизнь, личную свободу и собственность имущества. (Sic!)

3. Военное командование союзными силами об'единено в руках генералов Юденича и Лайдонера, через коих союзная военная миссия снабжала и продолжает снабжать боевыми припасами, необходимыми для вышеуказанных целей.

В 10 часов утра новое правительство опять собирается в отделе Внешних Сношений. Председательствует Лианозов. Присутствуют: Кузьмин-Караваев, Карташев, Н. Иванов, Горн, Филиппео, Крузенштиерн и *я*. Обсуждается прочитанный генералом Маршем проект соглашения с эстонцами; принят с некоторыми поправками редакционного характера. Прибавлен пункт 4-ый о немедленном заключении, в дополнение к соглашению, конвенции торговой и военной. Обсуждался вопрос, сообщить ли Юденичу, что без него не будет окон-

чательно утверждаться список правительства, на чем настаивали Суворов и Кузьмин-Караваев, или нет; решено не сообщать.

За завтраком Лианозов, Александров, Карташев, Кузьмин - Караваев, Суворов и я обсуждали окончательный список членов правительства. Лианозов предложил Кузьмину - Караваеву портфель министра юстиции. Кузьмин - Караваев отказался, заявив, что он считает абсурдом правительство из стольких лиц, что он верит только в диктатуру. Ни в общественность, ни в демократию он не верит. Министерство должно быть из шести лиц, — не более. После вторичного категорического отказа он нас покидает. Перед уходом заявляет, что считает вообще всю борьбу излишней, и что лучше всего было бы послать оставшуюся американскую муку в Петроград.

За ним заявляет и Карташев о своем уходе. Он не верит в коалиционное правительство; он уже раз жестоко поплатился за коалицию во Временном Правительстве; к тому же его давно тянет заграницу, и он рад случаю вырваться. Он приветствует попытку создать новое министерство, и если бы не тупость Юденича, это давно было бы сделано. Суворов сообщил, что он просит считать его членом правительства условно, так как по долгу службы он должен предварительно испросить санкцию у Юденича, а Юденич велел сегодня передать Маршу, что он считает себя правомочным решать для армии все вопросы и никого не уполномочил решать что бы то ни было без него. Но, по существу, он, Суворов, не считает возможным никакой работы с Юденичем, который должен уйти со всем своим штабом, без чего нельзя и мечтать об оздоровлении фронта. Лучше всего было бы, если бы генерал Лайдонер взял на себя командование смешанными войсками. Сейчас на

фронте отчаянный ералаш, — все спуталось, никто никому не подчиняется, и группа Балаховича собирается арестовать Юденича, если он явится в Псков. Суворов желает портфель министра внутренних дел, так как по военному делу, при наличности главнокомандующего, ему нечего делать. По поводу кандидата в министры земледелия, Суворов настаивает на самом левом из допустимых. Решаем передать сегодня Маршу, что его список принят, что правительство начнет работать, предупреждая лишь о неизбежности некоторых перемещений и приглашения новых лиц в состав правительства, в виду отсутствия многих предположенных членов его, еще не прибывших в Ревель.

В 6 часов опять совещание правительства. Суворов сообщает телефонограмму ад'ютанта Юденича, полковника Даниловского: передать Маршу, что Юденич является единственным лицом, имеющим власть принимать все решения по затронутым Маршем вопросам, и что до его приезда ничего не может быть предпринято. Ссылаясь на эту телефонограмму, Суворов и Крузенштиерн отказываются входить в состав правительства до приезда Юденича и переговоров с ним. Кузьмин-Караваев, вчера отказавшийся войти в состав правительства и все же принимающий участие в его совещаниях, начинает вновь доказывать, что без Юденича мы только инициативная группа и никаких списков пред'являть Маршу мы не можем. Крузенштиерн сообщил, что генерал Марш приглашает всех, бывших у него вчера, на сегодня в 9 часов вечера. Я настаиваю на закреплении за нашим совещанием названия правительства, дабы не терять драгоценного времени и иметь возможность немедленно приступить к работе. Несмотря на противодействия Кузьмина-Караваева, предложение принимается.

В 9 часов у генерала Марша; там опять шеф французской военной миссии полковник Хюрстель, американский представитель и несколько англичан. Марш приглашает Лианозова в отдельную комнату, куда вслед за ним уходят все союзники. Через десять минут Лианозов возвращается с листом, на котором неграмотным русским языком написано приведенное выше признание эстонской независимости новым правительством Северо-Запада России, и заявляет, что Марш потребовал от него, чтобы он подписался первым под этим признанием, потом де будут нас вызывать по очереди для подписывания; что такой малообычный способ необходим, по мнению Марша, ибо, если предоставить нам решать какой-либо вопрос всем вместе, то мы ни до чего не договоримся, затратив часы на разговоры. (Навязчиво лезет в память стихотворение Пуришкевича: «Так и хочется сказать: дождались....»)

К декларации о признании независимости, англичане присоединили почему то нелепую фразу о том, что мы признаем Юденича главнокомандующим. Лианозов, разумеется, запротестовал, потребовал времени на обсуждение декларации и, главное, на исправление неграмотного ее текста, так как в принципе возражений не было, ибо вчера было решено, подписать признание независимости Эстонии, которую и Юденич телеграммой к Гофу признал независимой.

Суворов и Крузенштиерн заявили, что подпишут нашу декларацию лишь в том случае, если из нее будет исключена вторая часть о признании нами генерала Юденича главнокомандующим, им, как военным, неудобно заявлять о признании ими своего начальника в оффициальном акте. Опять Лианозов удаляется; союзники соглашаются с нами и готовы считать предложенный ими текст признания неокончательным. Не-

смотря на устранение из текста декларации нашего признания Юденича главнокомандующим, Суворов опять отказывается подписать документ: он де не может подписать его без Юденича, который, по мысли союзников, должен скрепить наше заявление о независимости Эстонии (?). Подписали Лианозов, как премьер, я, Иванов, Александров, Филиппео и Горн, как министры. Заседание заканчивается извинением Марша за свою резкость; положение на фронте крайне критическое; два эстонских полка на фронте отказываются итти без немедленного признания независимости Эстонии. Затем полковник Пири-Гордон вручил нам проект созыва с'езда в запутанной форме, где с'езд смешивается с Учредительным Собранием. Мы обещали рассмотреть и дать завтра ответ.

На вопрос Н. Иванова Маршу, читал ли он телефонограмму Юденича (о которой говорили Суворов и Крузенштиерн), Марш ответил: «Я нахожу, что она слишком самодержавна, но я хочу до конца помочь России, и если Юденич станет на дороге спасения России, я его смещу». По словам Поллока, решено в случае сопротивления Юденича, заменить его Родзянко. Английское снаряжение идет в большом количестве.

Генералы наши приезжают из Нарвы сегодня ночью.

12 Августа. Вторник.

Приехал генерал Юденич и Родзянко; Балахович не приезжает; Арсеньева Юденич в Ревель не пригласил. Ротмистр Звягинцев (пугачевская физиономия) бродит вокруг да около.

В 9 часов Юденич просил к себе членов Политического Совещания. Лианозов в течение часа докладывал ему о положении. Генерал отнесся не очень

враждебно к плану создания министерства; сообщил, что у него был другой список, данный ему третьего дня генералом Маршем: премьер — Карташев, члены Суворов, Лианозов, Н. Иванов, Крузенштиерн и я (очевидно, это список, составленный Маршем до моего предложения включения местных и социалистических элементов). Лианозов сказал Юденичу, что он может с своей стороны ввести в правительство двух лиц. (?) Юденич собирался поехать один к Маршу, но Лианозов предложил сопровождать его; генерал согласился.

Псковичи, — Эрн и Богданов, — приезжают завтра; Эйшинский сдает дела и приедет послезавтра.

На фронте положение серьезное, — нажим на Псков.

Поллоку сообщили по телефону из Гельсингфорса, что ходят упорные слухи о перевороте в Петрограде, — собрано коалиционное социалистическое правительство (слух повторяется уже пять дней).

Лианозов перерабатывает наше вчерашнее заявление союзникам о признании независимости Эстонии. Вышло грамотнее и достойнее, — вечером будем рассматривать.

К. Александров о Юдениче: молчалив, как дерево; сидит застывши, пьет чай, редко говорит, думает ли? Но—хитер. Александров подтверждает, что Марков 2-й под фамилией Чернякова (штабс-капитана) живет в Ямбурге и что полковник Хомутов его человек.

По словам полевого контролера Теребенина, бойцов на фронте не более 15.000. Остальные — мертвые души, пайки. Расследование мучной американской поставки, показало, что из поставленной американцами муки оказалось принято на несколько тысяч пудов менее сданной, а после развозки ее по пунктам назначения она еще уменьшилась на несколько тысяч пудов.

4 часа сидим уже без дела. Лианозов исчез куда то. Очевидно, обламывает Юденича. Время зря уходит.

В 4½ часа Лианозов сообщает, что генерал после некоторого сопротивления уступает; вопрос только в том, войдет ли он сам в министерство или нет, а также будет ли он утверждать список министров. Мы протестуем против последнего, так как это предполагает право опротестования отдельных кандидатур и право исключения в дальнейшем, чего мы ни в каком случае не желаем предоставить Юденичу, — равному среди равных.

В 5½ часов собираемся в отделе Внешних Сношений. Приходит генерал Юденич: приземистый, взгляд исподлобья, острый нос, длинные хохлацкие усы, три Георгия; здоровается со мной, вглядываясь пристально и с нескрываемым недоверием. Лианозов читает составленный им текст обращения к союзникам, — принимаем. Затем Лианозов читает список распределения портфелей; генерал Юденич входит в правительство, как военный министр с сохранением звания главнокомандующего. Крузенштиерн отказывается окончательно от министерства иностранных дел, предлагает Л. А. Зиновьева. Суворов уходит также вместе с Кузьминым-Караваевым и Карташевым. Мне предоставляются портфели торговли, продовольствия и народного здравия; сенатору Иванову—юстиции, пути сообщения—Заку (новому неведомому нам лицу). Филиппео гротестует против включения новых лиц и заявляет, что и он может справиться с путями сообщения. Юденич хмурится; я предлагаю не распределять теперь же портфелей, а подписаться просто, как министры или за министра такого-то, если англичане все же требуют под декларациею о независимости Эстонии подписей министров с указанием портфелей. На этом решаем.

В 6¼ часов у генерала Марша; подписываем заявление о независимости Эстонии, причем англичане тре-

буют лишь пять подписей с обозначением министерст: финансового, внутренних дел, военного, иностранных дел и юстиции, — остальные могут подписывать без указания портфелей. Подписывает Лианозов по первым двум, Юденич и Александров, (сенатора Иванова нет), — остальные без указания портфеля.

Горн и Филиппео предлагают Лианозову взять на себя только иностранные дела, а мне передать финансовые. Лианозов говорит, что будет скандал, что генералы (?) требуют, чтобы министерство финансов было в руках министра, лично им знакомого, что это вызовет большие задержки и т. д. Советую не настаивать, — не в портфелях дело. Балахович прислал к Юденичу своих офицеров сказать ему, что он всецело на его стороне.

К. Крузенштиерн шепчет мне, что офицеры приехавшие с фронта говорят, что армия за Юденича, и Юденич назначает себе помощником Родзянко. Откуда сей вералом Юденичем, прощаясь с ним.

Политическое Совещание ужинает сегодня с генералом Юденичем, прощаясь с ним.

ГЛАВА VIII.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Ген. Родзянко и ген. Вандам в Совете Министров. — Недовольство Русского Совета и Н. Н. Иванова. — Совещание, созванное Маршем в Пскове. — Обед у Пири-Гордона. — Требование социалистов. — Совещание с псковичами. — Проект правительственной декларации. — Первая попытка эстонцев удалить Сев. Зап. правительство из Ревеля. — Борьба англичан с ген. Арсеньевым. — Булак-Балахович у Сев. Зап. Правительства.

13 Августа. Среда.

В 10 часов у полковника Пири-Гордона, — Голиаф с добродушной физиономией; еще один вершитель нашей судьбы. Он офицер из добровольцев; среди англичан считается финансистом и политиком. Это он составил (после беседы с Филиппео и Горном) проект не то с'езда, не то предпарламента; в составе с'езда — $^2/_3$ членов по назначению от правительства.

В 12 часов опять у генерала Марша; он созвал нас для подписания в шести экземплярах того же, что вчера подписывали у него, — как будто нельзя было предоставить нам подписать у себя и послать ему. Сообщил нам затем ультиматум Гофа эстонскому правительству: помочь нам, иначе сами останутся без помощи. Гофа ждали сегодня, а он на Иматре прохлаждается.

В 3 часа к нам в совет министров пришел генерал Родзянко и генерал Вандам. Родзянко прочитал де-

кларацию пожеланий армии. (?) Пожелания скромные — все армии дать, о ней непрестанно заботиться, но в дела ее не вмешиваться и на фронт без разрешения главнокомандующего не ездить. Закончив чтение, он, чувствуя себя, повидимому, не совсем ловко, добавляет, виновато улыбаясь: мы ведь все своими руками сделали, терять не хочется. Лианозов, приготовивший было ответ на «приветствие» армии, ничего не говорит; молчание, прерванное Филиппео. Необходимо де найти общий язык и относиться друг к другу с взаимным доверием. В заключение Родзянко заговорил об ингерманландцах, которые опять его беспокоят, о фальшивых деньгах, которые печатают в Псковской армии у Балаховича, об эстонцах, стесняющих в'езд в Ревель. (Стеснения вообще повсюду — Юденичу пришлось тоже выхлопотать себе разрешение на хождение по Нарве после 12 часов ночи.)

Генерал Вандам требовал заключения с англичанами «договора» о поставке нам всего нужного и об обязанности их и впредь поставлять всю зиму, если бы к осени Питера не взяли. Сколько я ему не об'яснял, что наше положение не таково, чтобы заключать «договоры», — англичане не контрагенты, — ничего не хотел понять. Ушли. Хороша первая встреча с «армией»!

Генерал Юденич сегодня не таким уже букой смотрит, поговорил немного со мной. Лианозов говорит, что его так напугали моей революционностью, моим возможным воздействием на армию (!!), что он пуще огня меня боится. Если бы не Лианозов, не согласился бы на мое включение в список министров. Cui prodest кампания против меня?

Н. Иванов приходил к Лианозову, — жалуется, что портфеля ему не дают. Лианозов об'яснил, что этого

не хочет генерал Юденич, ибо он, Иванов, один из виновников развала армии на фронте, взаимной вражды отдельных ее частей; пока подозрение в этом не будет с него снято, о портфеле нельзя говорить.

Местный муравейник кипит; приглашение одного только Филиппео в состав правительства от Русского Совета считается этим последним для себя оскорбительным. Д-р Гейман, второй кандидат ревельского Русского Совета, очевидно, по настоянию Н. Иванова, был приглашен к генералу Маршу; встретил там случайно Лианозова, предложил свои услуги. Лианозов сказал: кандидатов больше, чем портфелей. Марш написал Лианозову письмо, предлагая дать портфель либо Гейману, либо Иванову. Мы решили, — ни тому, ни другому.

В 7½ часов заседание правительства. Горн негодует по поводу заявления Родзянко, говорившего якобы от имени армии, — требует немедленного протеста. Я — равнодушен; заявляю, что словесностью не стоит заниматься, если будет сила, — сломим и Родзянко, и других. Лианозов сообщает, что англичане очищают для него свое консульство, устраивают там для него канцелярию министерства иностранных дел. Не нравится мне это.

Эстонцы дадут ответ на нашу декларацию в пятницу. Марш думает, что они потребуют признания их самостоятельности союзниками. Пока что на фронте не важно.

14 Августа. Четверг.

Все утро ушло на обсуждение договора по медико-санитарной поставке.

Приехали Псковские Городской Голова Эйшинский и председатель Городской Думы Эрн. Колеблются —

принимать ли им портфели или нет; Псков под Балаховичем; если он с правительством не поладит, — псковичи шею в петлю вставляют.

Эйшинский рассказал обстоятельства, предшествовавшие приглашению нас Маршем. Неделю назад Марш был в Пскове и созвал там совещание в составе генерала Арсеньева, эстонского капитана Партца, эстонского полковника Пускара, эстонского консула Пиндинга, латышского полковника Озоля и полковника Стоякина и об'явил им, что поражение Колчака и отдаленность Деникина создает необходимость приступить к восстановлению России без них, и не централистическим путем, а путем создания областных правительств; что нужно немедленно создать Северо-Западное Областное правительство, которое признает самостийность Эстии и Латвии. Все, кроме генерала Арсеньева, согласились и на следующий день представили Маршу подписанными 6 пунктов, в которых были изложены эти идеи. В тот же день в вагон Марша, остановленный на обратном пути Марша в Ревель, вошли ночью Балахович и Н. Иванов и представили тоже подписанное с эстонцами и латышами взаимное признание.

По словам Александрова, Балахович в своей телеграмме Юденичу с отказом приехать в Ревель по военным соображениям указал, что его мысли и настроение передаст Н. Иванов, как представитель Пскова.

Англичане решили повезти в ближайшие дни Лианозова к финнам для переговоров об участии финнов в походе на Петроград.

У Горна сведения от министра Сорокина (министр эстонского правительства — представитель русских в Эстляндии), что в Учредительном Собрании с.-д. и трудовики — против военного соглашения с нами.

Я говорил по телефону с сенатором С. В. Ивановым, — приедет в субботу. О согласии принять портфель юстиции — отвечает уклончиво. Хотел бы министерство внутренних дел.

В 8 часов обед у полковника Пири - Гордона. Обед обильный — закуски, водки, коктэйль, вина, шампанское, кофе, ликеры. Речей по просьбе Лианозова не было. Оставались до 11½ часов, большинство упилось. Полковник Пири-Гордон, по нашей просьбе, насел на Эйшинского и Эрна, требовал и их вступления в кабинет и сказал, что напишет письмо к жителям Пскова, в котором об'яснит необходимость присоединения их к нам. Н. Иванова Пири хочет занять отделом пропаганды; я возражаю, боясь оставить в руках Иванова такое оружие, как пропаганда. Завтра об этом поговорим. Пири благодарил меня за удачное указание через Поллока состава кабинета. Пири предлагает Лианозову — учредить при кабинете министров кабинет для награждения военных, что создаст среди них популярность новому правительству, а Лианозов предлагает Юденичу устроить Георгиевскую Думу, и наградить в первую голову Балаховича офицерским Георгием, чтобы успокоить его бы хотя на время; Юденич обещал подумать. Далее Пири предполагает дней через десять повезти Лианозова, окруженного всеми военными союзническими атташэ, на фронт для создания престижа нашему правительству на фронте. Англичанин энергичен, но надо направлять его энергию в должное русло.

Генерал Юденич сообщил Лианозову, что циркулирует уже анонимное письмо против него, как капиталиста, называющее его спекулянтом; далее, что он, Юденич, телеграфировал Колчаку и всем нашим представителям заграницей, что он согласился на предложение Марша, ввиду чрезвычайных обстоятельств, и что он

также согласился вступить в ряды правительства, войдя в состав его, как министр.

Пири обещал мне вызвать Гофа в Ревель для освещения положения правительства. Марш уехал на несколько дней в Финляндию отдыхать от тяжких трудов.

На прощание мы с Лианозовым решили ускорить изготовление нашей декларации, внести ее на обсуждение в Русский Совет и в социалистический блок, предложить кооператорам министерство труда и немедленно приступить к подготовке с'езда.

На фронте — твердо. К Балаховичу на Пороховском фронте перешло три большевистских полка, — не Троянский ли конь?

Генерал Юденич боится Балаховича — просил Горна переговорить с ним.

Настаиваю на необходимости немедленно же создать газету. Лианозов соглашается; обещает ассигновать мне все средства, какие понадобятся. Телеграфирую И. Гессену и Кирдецову, прося их приехать в Ревель для переговоров о газете.

15 Августа. Пятница.

Суворов отказался подписать наши протоколы о создании министерства, ссылаясь на их якобы неполноту. Все остальные (за исключением отсутствующих Кузьмина-Караваева и Карташева) подписали.

Был у Пири, просил его разузнать у англичан, разрешают ли они покупать у немцев военное снаряжение; затем просил затребовать от правительств союзников оффициального признания нашего правительства. Пири написал весьма забавное, хотя и очень витиеватое, воззвание к псковитянам, прося их отпустить в правительство городского голову Эйшинского, который колеблет-

ся. Вероятно, Пири вдохновлялся классиками, — он магистр Оксфордского университета, большой знаток геральдики, бывший сотрудник „Times'a“ по политическому отделу.

Социалисты пред'являют требования, — хотят портфели продовольствия, государственного контроля и труда; требуют отделения поста военного министра от поста главнокомандующего и предоставления им постов товарищей министров в министерствах иностранных и внутренних дел.

Родзянко прислал телеграмму с приветствием правительству от Северо-Западной армии. Начинает лучше понимать, что произошло.

К. А. Крузенштиерн сообщает, что на фронте брожение из-за правительства; четыре командира подало в отставку; Родзянко едет сюда. Мы послали приветственную телеграмму армии. Стараюсь раздобыть продовольствие и снабжение — трудно. Завтра привезут часть денег из Стокгольма.

16 Августа. Суббота.

В 10 часов у меня совещание с псковичами. П. А. Богданов ставит вопросы: согласны ли мы на паритет с социалистами, какова будет декларация, согласны ли на уничтожение по крестьянскому вопросу всех актов белой Северо-Западной армии (сейчас помещики сидят опять в деревне), согласны ли мы устроить контроль над действиями армии, согласны ли создать учреждение, перед которым будем давать отчет.

Ответ даю за всех: никаких паритетов, а личные кандидатуры делового характера; соглашение с социалистами необходимо; создание учреждения, пред которым будем под'отчетны, в принципе желательно, но фактически согласимся на него лишь тогда, когда можно

будет устроить выборы на большей территории; во всяком случае, предстоящий с'езд мы не считаем таким учреждением; введение активного контроля за действиями политического характера и назначениями в армии, — считаем все необходимым, но делать это надо осторожно, чтобы не оттолкнуть армии от себя.

У солдат нет ни пищи в достаточном количестве, ни денег, ни одежды. Если англичане запретят иметь сношения с немцами для скорого приобретения всего нужного, сядем на мель.

Правительство существует уже неделю, а у нас — ни копейки денег.

В 4 часа заседание правительства. Обсуждаем проект декларации, избрали комиссию для ее составления; начала работать в 8½ часов. Социалисты тянут налево.

В 12 часов беседовал с генералом Зейдлицем, начальником снабжения. За июнь и июль армия не полуполучала жалования, вопль с фронта отчаянный. А денег нет, новые сомнительны, дней через 10 — 14 армия начнет таять.

Американцы ликвидировали свою комиссию снабжения и больше ничего не дадут. Придется затронуть Петроградские запасы.

Шведский посланник Гулькевич прислал Лианозову сердечное поздравление и привет. Один уж с нами.

Приехал Кирдецов из Гельсингфорса: там Кузьмин-Караваев и Суворов сделали уже доклад о нас.

17 Августа. Воскресенье.

В 12 часов пришли представители об'единенной социалистической группы: инспектор местной гимназии Пешков, добросовестный робкий человек в футляре, — «бывший когда-то правым с.-р-ом, — так давно, что уже

и позабыл», — он же председатель комитета; с ним юноша лет 25, окончивший экономическое отделение петроградского политехникума — Михельсон (секретарь редакции Ивановской газеты «Новая Россия»), и сухой лет 20 мальчик немецкого типа; они поставили требования: паритет, отделение портфеля военного министра от поста главнокомандующего, введение в военное министерство социалистов для наблюдения за действиями военных властей. Мы им заявили, что вопрос о включении еще новых социалистов в кабинет (портфель труда и призрения) ставим на почву личных кандидатур. Отделить военного министра от главнокомандующего — нельзя по соображениям, связанным с личностью Юденича; надзор понемногу установится, но не из социалистов, а из подходящих людей. Приняли к сведению, не возражали и ушли.

Н. Иванов опять требовал от Лианозова портфеля. Решили ответить, что обсуждать будем еще несколько дней, а тем временем псковичи поедут в Псков для устройства своих личных дел, и их будут сопровождать два англичанина; все вместе просят Балаховича, ставит ли он обязательным условием поддержки правительства предоставление портфеля Иванову? Пронюхав это, Иванов вчера вечером тоже помчался в Псков.

Эстонское правительство, подстегиваемое Ивановым, дало понять, что оно считает своевременным переехать нам во Псков (там Н. Иванов — наш хозяин). Милый полковник Пири ответил: «Русское правительство уедет, когда найдет нужным, и надеюсь, уедет лишь для того, чтобы триумфальным ходом вступить в Петроград»; сообщая это мне и Лианозову, сказал, улыбаясь: «Англия — морская держава и любит иметь дело с правительством, к которому можно под'ехать на пароходе».

С фронта стон и плач по отсутствию денег, а у нас — ни копейки. Пробуем через англичан достать 25 миллионов эстонских марок взаймы.

Приехал сенатор Иванов. Пробовал отбить у Александрова министерство внутренних дел; дали отпор, но уступили ему комиссию по организации временного управления в Петрограде.

Будем издавать свой оффициоз; предложил назвать его «Свободная Россия»; И. Гессен отказывается покинуть Гельсингфорс, где у него семья, налаженные связи с местною прессою и представителями союзников; поручаем редактирование «Свободной России» Кирдецову.

18 Августа. Понедельник.

Кирдецов опять поднимает вопрос о приглашении к нам Савинкова. Считаем преждевременным.

Я телеграфирую Фундаминскому — прошу немедленно приехать, чтобы руководить местными младенцами из об'единенного блока социалистов.

Приехал из Парижа инженер Ф. Ф. Макшеев; говорит, что парижское Политическое Совещание перестало существовать, — есть только представитель Колчака, Сазонов, и при нем советчики. Достаточно, чтобы испакостить нам все дело.

По словам англичан, сюда едет Н. Н. Шебеко, посланный к Юденичу Сазоновым в качестве политического советчика еще до образования Северо-Западного Правительства.

Вчера утвердили проект декларации. Толковые замечания делал контр-адмирал Пилкин. Юденич дремал, пробовал что то заявлять, но тотчас же с возражающим соглашался.

Финский корреспондент Тиандер интервьюировал Лианозова о признании независимости Финляндии; Лианозов за нас высказался в благожелательном отношении к Финляндии, подчеркнул ясность нашей позиции в этом вопросе после открытого признания независимости Эстии.

Организация газеты, порученная было Александрову, не двигается вперед. Поручаем все необходимые по организации шаги Кирдецову.

Приходил семеновский офицер из фельдфебелей, Малышев, выдающий себя за с.-р. Сообщил о необходимости навязать Юденичу политический отдел, и в этот отдел ввести социалистов, его в том числе, для чистки штабов. Показывал курьезный список начальствующих лиц в армии Юденича: начальник тыла — генерал фон-Крузенштиерн, начальник отдела внешних сношений — полковник фон-Крузенштиерн; начальник снабжения — генерал барон Зейдлиц; начальник разведки — Гассельблат; начальник морского управления — фон-Кнюпфер; начальник контр-разведки — барон Фиттингоф I; начальник лесного отдела — барон Ферзен; начальник отдела лесоустройства — барон Фиттингоф II.

В 5 часов был в отделе внешних сношений у Крузинштиерна младшего; он сообщил, что Пири-Гордон предложил генералу Арсеньеву ехать с его ад'ютантом, с женой его и ад'ютанта (барон Вилие) немедленно в Гельсингфорс для переговоров с генералом Маршем. Арсеньева англичане убирают из-за его немецкой ориентации. Убирают без Юденича и не через Юденича. Он же послал Балаховичу приглашение на завтрак к генералу Гофу завтра в час. Балахович ответил уклончиво, боится западни, но, кажется, все же

приедет. Гоф будет делать ему внушение не итти отдельно от Юденича и подчиниться ему. Крузенштиерн просил повлиять на англичан в том смысле, чтобы услать Балаховича с его дивизией из Пскова, давши ей отдельное назначение, скажем, итти на Новгород. Дивизия на город пойдет охотно, так как можно будет грабить, а Балаховичу можно будет обещать генерал-лейтенанта и Георгия. Тем временем можно будет занять Псков войсками Гатчинской группы.

В Псковском районе силен сепаратизм не только русский, но и эстонский: начальник эстонской дивизии, стоящей у Пскова, полковник Пускара и особенно его начальник штаба, капитан Мунк, такие же честолюбцы, как и Балахович. Мунк — социалист и ставленник социалистов, которые выдвигают его кандидатуру на пост главкома, всякий раз, когда Лайдонер угрожает уходом. Заговор начала августа, непосредственно предшествовавший образованию правительства, имел целью отделение псковского района от северного и присоединение его в порядке управления к Эстляндии, причем одновременно состоялось бы об'единение под командованием Балаховича местных русских и эстонских отрядов. И сейчас эта угроза еще реальна.

2 августа, когда английские офицеры были на Гатчинском фронте, русские офицеры, крайне недовольные медленным поступлением английского снабжения, стали выражать англичанам претензии на их образ действий. Англичане ничего не поняли, но кто-то из присутствующих составил отчет о говорившемся со списком фамилий протестовавших офицеров. Мне доставили три номера «Вестника Штаба Северо-Западной армии» за июль — там помещено воззвание штаба к красным — наполнено «жидами»-Бронштейнами, жидами-предателями и т. д.

Заходил Эберто из „Matin"; я ему указал на полное бездействие французов, на утрату ими былой популярности в России, на поддержку хищнической Польши, на энергию англичан в поддержке борющейся с большевиками России; любезно со всем соглашается. И все...

19 Августа. Вторник.

Два часа бился с представителями Русского Совета в Ревеле. Все требуют министерских портфелей. Отнимают часы, чувствительны, как институтки, претенциозны.

Приехал И. Т. Евсеев (член IV Государственной Думы), разумен, корректен, медлителен. Принял портфель исповеданий; составил хорошее вступление к нашей программе; советует не закреплять за крестьянами присвоенной земли, лучше перенести все в Учредительное Собрание.

В 3 часа к Лианозову приехали генерал Гоф, генерал Марш, адмирал Коуэн и сообщили:

1. что вчера большевики вышли с «Андреем Первозванным» и «Петропавловском» и тремя минными разрушителями в залив и были пущены ко дну английским флотом;

2. что сделано внушение Балаховичу превратить его партизанов в регулярную армию и подчиниться Юденичу;

3. что Н. Иванова англичане уберут из министерства, но чтобы занять его чем нибудь, — сделают начальником политического отдела у Балаховича.

4. что Гоф едет после завтра в Лондон оформить наше положение и рассчитывает добиться для нас успеха и в финансовом отношении;

5. что англичане требуют от Лайдонера приступить немедленно к переговорам с Юденичем, не ожидая признания независимости Эстонии союзниками заграницей.

Пока что эстонский министр финансов Кук, обещавший признать новые боны нашего казначейства обязательными к приему во всех эстонских учреждениях, распубликовал, что прием их необязателен.

Я предложил Лианозову повидаться с Балаховичем и выяснить, поддерживает ли он Н. Иванова. Крузенштиерн устроил свидание. В 7½ часов Балахович явился. Вытянувшись в струнку, он заявил: «Честь имею в лице Вашем, господин первый министр, приветствовать новое русское правительство». Далее он сообщил:

1. что читал проект нашей декларации и сочувствует программе нашего правительства, — она целесообразна;

2. что вся надежда на мужика, ибо рабочие разгромлены и рассеяны; к власти подойдут не скоро;

3. что войну нужно вести по большевистски; он лично всегда ведет переговоры с тылом противника; сейчас у него есть предложение из Новгорода, но не идет туда потому, что у него нет обмундировки и припасов; у него 17.000 войска и три тысячи зеленых, то есть крестьян, которые по первому сигналу примкнут к нему; из войска его шесть тысяч живут по деревням, где крестьне добровольно кормят их, — так они популярны в крестьянской среде;

4. он упрекает Юденича в бездействии; Юденич сидит в Нарве, окруженный большим штабом, на фронте не появляется; сейчас его имя, как большого боевого генерала, еще популярно среди солдат, но скоро оно потеряет всякое обаяние;

5. о Н. Иванове он невысокого мнения, но он может быть вреден и сейчас он советует не отталкивать его; когда он пойдет против министерства, Балахович его ликвидирует (и при этом провел рукой по шее);

6. он повесил за 10 месяцев «только 122 человека», хотя красных прошло через его руки десятки тысяч;

7. Родзянко, хоть и не Бог весть какой генерал, но может быть полезным и потому его надо оставить;

8. Арсеньев — ни к чему; сидит в Пскове, боится выйти на улицу и пишет грозные приказы, которых никто не исполняет; а он, Балахович, где угодно и когда угодно появится один.

Повидимому, союзники решили сделать его командующим Псковской армией, предоставив Родзянко Северную армию. Нажим большевиков усилился и, вероятно, придется скоро эвакуировать Псков, — об этом говорят и Балахович, и эстонцы.

20 Августа. Среда.

Завтракали с генералом Балаховичем: Лианозов, Александров, Филиппео и я. Рассмотрел его подробнее: человек лет 35, среднего роста, сухая военная выправка, стройный, лицо незначительное, широкие скулы, нижняя часть узкая, со слегка прогнотическою челюстью, уши большие оттопыренные, глаза темно-серые, лоб правильный, довольно хорошо развитый, ногти плоские, руки грязные. Казацкого покроя военный сюртук, желтые генеральские лампасы (ленточки 2-х Станиславов, 2-х Анн, Владимира и 2-х Георгиев); говорит с польским акцентом, житейски умен, крайне осторожен, говорит без конца о себе в приемлемо хвастливом тоне;

болтает, перескакивая с темы на тему; пьет мало. Сообщил, что по настоянию англичан он получает командование корпусом в Пскове, на правах армии; до сих пор он был пасынком фронта, но теперь англичане будут посылать ему все и при том в первую голову.

Методы его борьбы такие: он все время поддерживает связь с тылом большевиков, где имеет везде эмиссаров, которые разбрасывают прокламации, подготовляя крестьянские массы в его пользу и готовя переход красных войск к нему. Отношение крестьян к нему — любовное; верят в «батьку»; солдаты на него молятся; он в присутствии англичан заставил полк стать на колени и присягнуть ему на верность.

Рассказывает, какую тяжелую ошибку он сделал на днях; послал молодого солдата повести в соседний отряд диспозицию и получить от него сведения. Солдат не вернулся в тот день. На следующий день Балахович выезжает с кавалерийским отрядом и встречает посланного солдата, который сообщает, что отряда, к которому его послали, он не нашел в указанном месте, а дальше итти искать не нашел нужным, поэтому остался ночевать в деревне; теперь возвращается в свою часть; телефонировать о прошедшем не догадался; солдат молодой, неопытный. Балахович приказал в наказание выпороть его шомполами тут же. Высеченный встал и, отойдя от отряда шагов на сто, вынул из кармана револьвер и застрелился. Оказывается, солдат — доброволец, реалист, сын землевладельца; когда же сопровождавшие Балаховича спросили, можно ли отвезти его тело, чтобы похоронить, как следует, Балахович сказал: «не надо, закопайте его тут же, как собаку, на месте, раз умер не в бою с врагом, а от своей руки». — «Мне тяжело об этом случае вспоминать, но поступить иначе я не мог.

Ошибка моя в том, что я не расспросил, как следует и не знал, что это — доброволец; знай я это, я бы ни за что не порол его». Вообще не надо казнить без суда; какой нибудь суд всегда нужен. И тут же: «коммунистов я вешаю немедленно»

Юденич требовал предания суду офицера, печатавшего фальшивые керенки. Балахович ответил: «предавайте меня суду, я приказал печатать; мне нужно было что нибудь дать тем моим партизанам, которых я посылал в тыл большевикам».

Большевики стали прокламациями заманивать его солдат, продавать им ружья за большую плату; Балахович приказал нескольким солдатам взять старые негодные винтовки и продать их большевикам; солдаты получили за каждую по 500 рублей, да по 5.000 на пропой души, — все деньги принесли Балаховичу.

«Водки и пива я пью мало, дойду до грани и останавливаюсь, чтобы не терять власти над собой».

«Мне генерала дали, а пятидесяти моим офицерам, одновременно со мной представленным — ничего; нарочно сделали, чтобы офицеры сказали, что батька только о себе думает; а я созвал офицеров, поклонился им в ноги и сказал: «земно кланяюсь и благодарю вас, за вас отличен генеральским чином».

«Я женился, чтобы создать себе положение (женился на немецкой баронессе), но с женой никогда не езжу в автомобиле: встретит меня солдат без сапог и скажет: «батька с бабой развалился, все ему удовольствия, а я босой».

«Генерал Юденич все мне пакостит, вот, к Гофу приглашает на завтрак и вместо вторника говорит среда, — еслиб я в среду приехал, то Гофа уже не застал бы».

«Пришел я в Гдов; ко мне является раввин, благодарит за освобождение от большевиков, а я ему говорю:

все это хорошо, мои войска нуждаются в деньгах, тащите их завтра же, если не принесете, — напомню вам о себе (рассказывая, копирует еврейский акцент; спохватывается, видя серьезные наши лица); принесли 35 тысяч вместо ста; а вот в Пскове триста тысяч собрали. У меня денег никогда нет, — все раздаю. Подчас солдаты мне свои деньги приносят, — возьми, батька, на табак. Видя, что я себе ничего не беру из денег, солдаты говорят: на все батька умен, а на деньги—дурак».

«Родзянко годен только, чтобы брать барьеры, так парень ничего себе».

«Перешли ко мне набранные большевиками мужички, просят взять к себе, а я и говорю — нет у меня для вас ружей, вы вернитесь, запишитесь к большевикам, возьмите ружья и возвращайтесь ко мне; так и сделали».

«Монахи под Псковом в монастыре записались в коммунисты. Мы в монастыре забрали два пуда серебра и пуд золота, — все передал архиепископу».

«Кто хочет властвовать в России, должен опираться на мужиков, их большевики с'организовали. Мне мужики везде говорят: нужны тебе деньги, скажи, принесем. Всю Россию можешь пройти без чужих денег, все тебе дадим. Я смотрю так: англичане дают деньги — бери, немцы дают — бери, а больше думай, как бы тех и других к черту послать и обойтись со своими деньгами».

«Обожаю лошадей; когда хорошую найду, пристраиваю ее где-нибудь в тылу, чтобы сохранить для коннозаводства, — больно много перерезали их».

Беседу с нами закончил приглашением: «приезжайте в Псков, господа министры, только за день предупредите, чтобы вас как следует встретить; у меня автомобиль теперь, что 120 верст в час делает, — он в вашем распоряжении».

Приехал Е. И. Кедрин; поторопился на предположенный в Юрьеве с'езд; бодр, жизнерадостен, рад нашему правительству, готов всячески его поддерживать.

Рассказал, что обедал на квартире Карташева, когда в Гельсингфорс пришло известие о создании нового правительства. Новицкий сказал: «через три дня всех разгоним».

В 5 часов Пири-Гордон пришел к Лианозову и сообщил, что переговоры с Финляндией о военной поддержке нашей армии подходят к концу; Эстония пойдет, не дожидаясь признания союзников; к 30-му августа будет из Лондона телеграмма о денежной помощи, ибо 27 Гоф будет в Лондоне и все устроит; ведутся переговоры об единовременном выступлении против большевиков с Эстонией, Финляндией, Литвой и Польшей; Сазонов приедет сюда в качестве представителя Колчака, а Шебеко— Деникина. Откуда все это?

Относительно Н. Иванова англичане придумали такую комбинацию: он получает портфель министра призрения, но вместе с тем назначается правомочным представителем правительства в Пскове и на всю Псковскую губернию, с неограниченными полномочиями. Пошли с Лианозовым к Пири и заявили, что мы все уходим в отставку, если англичане это сделают; но дабы избавить англичан и себя от бесконечной возни с Ивановым, интриг и подвохов, мы соглашаемся дать Иванову портфель общественных работ. Пири обещал выяснить, настаивает ли Балахович на том, чтобы Иванов был у него во Пскове или нет, и если нет, то он согласен на наше предложение. «А лучше всего взять бы его на английское судно и увезти в Австралию», — добавил Пири.

Днем Н. Иванов был у Лианозова и сказал ему: как вы не сопротивляйтесь, все равно без меня не обой-

детесь, да еще и просить меня будете вас выручить. Ведь у нас нет деловых людей в кабинете, вся работа будет на мне, так уж лучше соглашайтесь, чтобы я был министром внутренних дел.

Юденич рассказал Лианозову сегодня:

Вчера пришел к Юденичу и Пилкину генерал Марш и потребовал от них, чтобы они настаивали на назначении Иванова министром внутренних дел; те отказались. Марш выбежал из комнаты с криком: «ничего с этими генералами нельзя сделать». Потом вошел вновь извинился, что погорячился и вновь настаивал: Генералы заявили, что не их дело кабинет перетасовывать, пусть это делает правительство. Юденич прибавил Маршу, что если из-за Иванова уйдет Лианозов, то и Юденич уйдет в отставку.

Вслед за этим было заседание начальников частей, на котором офицеры протестовали против своевластия англичан, против якобы желания их сделать Иванова премьером, против попытки смещения Арсеньева, который с трудом стал переводить Балаховича с партизанского на регулярное положение.

В 6 часов был на заседании Русского Совета, где обсуждался наш проект декларации; в общем признали его приемлемым.

В 10 часов зашел интервьюер двух рижских газет. Издаются они д-ром Розенберг (беженец, ка-де); просил передать нам его полное сочувствие и готовность поддержки.

В 11 часов интервьюер Эберто для „Matin". Попутно предложил нам организовать информацию во французской прессе о нашем правительстве. Я предложил послать Кедрина в Париж и Лондон, чтобы информировать о нас; Кедрин с восторгом соглашается.

ГЛАВА IX.

НЕРАЗБЕРИХА.

Интриги Н. Н. Иванова и Булак-Балаховича. — Недоброжелательство эстонцев. — Организация оффициоза. — Катастрофическое положение на Псковском фронте. — Лианозов о Жоресе. — Беседа с И. Поской, попытка арестовать Балаховича в Пскове. — Обед у англичан. — Беседа с ген. Лайдонером. — Высылка из Ревеля А. Д. Зиновьева. — Агония Пскова.

21 Августа. Четверг.

На фронте, по словам Полякова, сильно волнуются из-за генерала Арсеньева, с которым произошел действительно мало обычный казус. Третьего дня Юденич, прежде враждебно и недоверчиво относящийся к Арсеньеву (бывшему в Финляндии одно время его соперником и кандидатом сильнейшей из русских групп, — Утемана-Грубэ), вдруг назначил его командиром второй армии с подчинением тем самым ему Балаховича. А несколько дней до этого, Балахович был назначен командующим особым отрядом, независящим от Арсеньева. Англичане по настоянию Балаховича стремятся удалить Арсеньева с фронта.

Пока не приглашаем никого управлять делами Совета министров, — из за отсутствия денег. Один полковник Поляков, через руки которого, из за продажи хлеба и льна, проходят большие деньги, завел себе штаты человек в 50, а у нас всего лишь привезенный

мною из Гельсингфорса делопроизводитель. Пока все телеграммы посылаю за свой счет.

В 5 часов пришел ко мне Пири-Гордон и сообщил, что Н. Иванов согласился на портфель министра общественных работ, но Балахович, с которым Пири говорил, просит, чтобы ему на помощь был постоянно во Пскове какой-нибудь министр. Сначала он просил послать ему Иванова дней на десять, а потом пусть приедет кто-нибудь другой. Иванову все же просит дать особые полномочия. Я заявляю, что Иванову будут даны письменные полномочия одного рода только: он де командируется на неделю для выяснения положения Пскова; через неделю, вернувшись, должен сделать доклад правительству; за сим мы пошлем для более длительного пребывания во Пскове товарища министра внутренних дел; сами же мы все, с союзниками, приедем туда на днях, но только, если будет у нас табак и сахар для роздачи войскам, ибо теперь война идет не артиллерией, а сапогами, табаком и мясом.

Решаем, что хорошо было бы, если бы Александров поехал одновременно с Ивановым. Александров протестует: он во Псков не поедет; предлагаю дать ему для охраны английского офицера. Пири соглашается, Александров нет. Тогда предлагаю телеграфировать Эйшинскому, чтобы остался в Пскове, подождал Иванова и с ним вместе выяснил положение и сделал нам доклад; принято. На Иванова уходит больше времени, чем на все остальное.

Пири рассказывает, что большевики готовили в Ревеле выступление на 20-ое августа, а теперь перенесли его на 31-ое. На случай чего, англичане пустят в ход английских матросов с миноносцев: «наши матросы очень любят стрелять в иностранцев».

В 6 часов продолжение рассмотрения нашей декларации в Русском Собрании. Много и красно говорит некто Б. П. Дюшен. Я высказываюсь против неограниченного права народов на самоопределение; провожу аналогию между публичным и частным правом; как право владения ограниченно в интересах соседей, так и государству соседу, бывшему в совладении, нельзя предоставить неограниченного права распорядиться своим имуществом, игнорируя совершенно интересы тех, от кого он отделился. Нужен компромисс в роде того, что в гражданском праве называют «сервитутами». Русское Собрание со мной не соглашается.

В 9 часов приходит к нам прис. пов. П. А. Сорокин; говорит, что отношение эстонцев к новому правительству очень скептическое. Ничем оно де себя не проявляет, никого почти не знают в его составе (меня знают и хорошо относятся). Настроение Эстии правеет. Большевики работают через нескольких очень ловких и опытных агентов, располагающих большими средствами, могут вызвать бунт, но в массе быстро идет оздоровление. Сегодня обсуждается в Учредительном Собрании во втором чтении аграрный закон и Теннисон местный к.-д. вносит поправку: за помещиками сохранить усадьбу с 300 десятин. Он бы три месяца назад не посмел бы сделать такой поправки, а теперь чувствует за собой правеющее население. Армия не особенно склонна бороться рядом с русскими, — этому виной отвратительные русские порядки на фронте, ужасное офицерство и русская материальная беспомощность. В газетах нет кампании против содействия русским войскам, — и это очень благоприятный показатель. Чтобы поправить наши дела нужна газета и средства, главное, — средства.

Днем был у меня капитан первого ранга Новопашенный, бывший начальник штаба у капитана Кукеля, приглашенного мною в 1918 году заведывать морским отделом Центрального Военно-Промышленного комитета. По сведениям разведки, вчера эстонское правительство телеграфировало английскому жалобу на насилие, учиняемое над ним Гофом, требующим вооруженной помощи русским. Не знает, что эта жалоба означает, — желание ли покрыть себя перед левыми элементами страны, — все дескать меры исчерпаны, — или боязнь, что выступление, непопулярное в армии, может опрокинуть эстонское правительство. Пири об этом не знал ничего и когда я ему сказал, заметил: «как же эстонцы могли телеграфировать помимо меня?»

Кирдецов, ведший переговоры о газете с типографами, и наборщиками, слышал от тех и других заявление, что эстонское правительство секвестровало все частные типографии, чтобы требовать денег за открытие их вновь; с владельца ревельской писчебумажной фабрики взяло обязательство продавать все производство бумаги по 40 марок за пуд для обеспечения бумагою населения, само же часть этой бумаги продавало в Латвию по 73 марки за пуд. Чтобы начать газеты, пришлось убедить союз наборщиков, что газета демократическая, — иначе отказывались поставить наборщиков.

22 Августа. Пятница.

В 10 часов заходит Кедрин, — знакомлю его с моей работой: он в экстазе, со слезами на глазах восклицает: «Слава Богу, на Руси есть еще люди». Спасибо...

Газета в опытных руках Кирдецова быстро налаживается, — нашли и Sitz - redactor'a, — московского

присяжного поверенного, пришибленного поручика; издателем соглашается быть Е. И. Кедрин.

Посылаю призывы к патриотической помощи в Париж, к финансистам А. И. Путилову, Лесину, в Лондон к Ярошинскому, Денисову, членами Сити Клуба, в Америку к А. А. Бубликову, Горячковскому, в Копенгаген нашему послу барону Мейндорфу. Всех прошу создать нам кредит, накупить снаряжение, провизию, — пока работает с нами один наш посол в Стокгольме Гулькевич.

В 3 часа совет министров. Иванов сообщает телеграмму от командующего эстонской дивизией в Валке Пускара: положение на Псковском фронте катастрофическое, эстонцы вялы, большевики подошли к Пскову на восемь верст по Островскому направлению. Надо поднять настроение эстонцев. Иванов просит разрешения напечатать во Пскове нашу декларацию и об'явление о признании нами независимости Эстии. Разрешаем, но с условием действовать в дальнейшем ex consilio с находящимися во Пскове членами совета министров. Иванов предлагает заменить себя в своем отсутствии д-ром Гейманом, уже из'явившим на то согласие, на правах товарища министра, — «для того, чтобы быть точно осведомленным о том, что делает совет, ибо все имеют в совете группы, а я — одинок». Отклоняем предложение. Уезжает сегодня в Псков.

В 5 часов едем с Лианозовым к Пири-Гордону; он ничего не знает о положении Пскова; едем с ним к полковнику Геропату, начальнику британской военной миссии. Сообщает, что за два дня большевики на Островском направлении прошли верст 20, что Лайдонер просил у Юденича подкреплений с северного фронта, ибо эстонцы были бессильны остановить продвижение большевиков. Положение очень тяжелое, так как боль-

шевики сосредоточили на Псковском направлении большие силы. Надеются на два танка, которые сегодня должны уже быть в Пскове.

Большевики сообщили о гибели броненосцев в Кронштадте так: «англичане атаковали в Кронштадте флот, — три английских лодки погибло».

Интервьюировал меня голландский журналист, — я просил его телеграфировать о помощи нам продовольствием, табаком, чаем.

Сегодня получили, наконец, копию ответа эстонцев генералу Маршу; подписано только одним И. Поска; в ответе говорится только о предложении Лайдонеру войти в переговоры с Юденичем; о кооперации с ним ни слова, ни слова и о нашем правительстве; доказывается, что до признания независимости Эстии союзниками, эстонское правительство не может приказать Лайдонеру начать наступление, ибо это было бы провалом наступления, провалом армии и нации.

Какие-то проходимцы пустили в шведских газетах заметку, что в Стокгольм приехал генерал Юденич с Лианозовым и Скоропадским и ожидается приезд б. вел. кн. Николая Николаевича для основания в Стокгольме черносотенной штаб-квартиры. Уволенный было Юденичем за непригодность начальник снабжения, генерал X. остается; мотив: «человека вызвали из Финляндии, как же его гнать». А предположенный на его место генерал Z. назначается начальником тыла, — на должность, упраздненную, когда нужно было удалить ген. Крузенштиерна; мотив: «а куда же девать генерала, ведь его вызвали в Гельсингфорс?»

23 Августа. Суббота.

Положение тяжелое: Псков под угрозой эвакуации, деньги не приходят, одежда и сапоги для солдат тоже,

а эстонские комары от накопившейся в микроскопических политиканах злобы, жалят и жалят. Сегодня говорил с Поской о желательности получить для членов правительства свободный выезд в Финляндию и в'езд оттуда в Эстию.

Поска: Не могу сделать без разрешения правительства.

Я: При чем тут правительство? Вы ведь имеете власть сделать это сами.

Поска: Есть правила. Я не могу их нарушить.

Я: Да вы не успели еще сочинить таких правил, а если вы их заимствовали из старой России, то это вам чести не делает.

Поска: Но у нас военное положение.

Я: Осмелитесь ли вы так ответить англичанину?

Поска: Я недавно отказал англичанину.

Я: Хотел бы видеть этот отказ собственными глазами. Одно скажу вам, — когда вы придете в Петроград, мы вам этих гадостей не будем делать. Эти мелочи — показатели слабости. Кстати, почему вы до сих пор не прислали нам, новому правительству, приветствия, о котором говорил генерал Марш?

Поска: Канцелярская волокита; уже больше недели, как это решено в совете министров, но канцелярия Штрандмана не удосужилась еще выполнить.

Я: Вот как вы отвечаете за признание вашей независимости. Спасибо за урок, постараемся его не забыть.

И все же вынуждены его приглашать и сближаться с эстонским правительством, скрежеща зубами, проклиная судьбу.

Утром Лианозов принес проект составленного им письма к президенту Финляндской Республики с описанием, как создалось Северо-Западное правительство

и с выражением пожеланий дружеской работы. Перевел его на французский язык.

Эстонцы никому из Гельсингфорцев не дают виз сюда. А Поска говорит: «Кстати, вы уже решили вопрос, где находиться русскому правительству? Не в Ревеле, конечно?»

Вчера ночью англичане опять атаковали Кронштадт, результаты еще не известны. В городе разнесся слух, что Кронштадт сдался.

Танки, которые, по мнению англичан, еще вчера должны были быть в Пскове, застряли в пути. На всех русских линиях только девять паровозов, каждый из них на каждой станции часами маневрирует, подводит пассажирские поезда. Танки, которые могут спасти Псков, идут как неспешный груз.

В 3 часа заседание совета министров. Окончательно распределили портфели. Псковские министры просили дать им взаймы несколько сот эстонских марок, — не на что вернуться в Псков для ликвидации личных дел.

Приходил раненый офицер, рассказал об ужасном положении русских солдат и офицеров в лазарете в Ревеле; никто их не навещает, никто ничего не присылает, денег раненые не имеют, выходят из лазарета после тяжелых ран, как пришли, — босые и полуголые. А полки на фронте имеют средства: с убитых или взятых в плен большевиков снимают тысячи (половина добычи полку, половина — добытчикам).

По слухам, Юденич должен был быть сегодня в Пскове. Марш в понедельник приезжает сюда и едет с Лайдонером и Юденичем в Ригу для переговоров с латышами об общих операциях.

Вечером в 11 часов прибегает Филиппео (почта и телеграф) и сообщает о разнесшемся слухе, что Арсеньев, по решению офицерского с'езда в Нарве, аре-

стовал Балаховича и его штаб. Днем Крузенштиерн говорил Лианозову, что собираются это сделать, но он, Крузенштиерн, не верит, так как три дня тому назад у него был Юденич и говорил о Балаховиче: «с военной точки зрения он преступник, но все же молодец; полезен в теперешней обстановке».

А большевики в 8 верстах от Пскова. И везет же большевикам!

По словам Лианозова, у эстонцев все эти дни шли аресты большевиков, раскрыли большевистский заговор, всех забрали; население спокойно.

24 Августа. Воскресенье.

Деньги из Стокгольма погружаются на пароходы в понедельник 25-го, придут 27-го, выгрузятся 28-го, на рынок поступят 29-го. Спасут ли? Сейчас муссируем их немного, но организовать правильную поддержку их курса крайне трудно. Единственный банкирский дом Шелля располагает лишь 30.000 марок; отделения русских и немецких банков закрыты, беднота кругом.

Заседание совета министров в 10 часов. Последнее чтение декларации правительства. Лианозов требует убрать из программы право «государственного контроля» рабочих над производством, — социалисты наседают, но уступают.

Л. Зиновьев подтверждает слух об аресте Балаховича, а Александров дополняет, что 200 офицеров Балаховича отвезены в Нарву.

Днем редактирую в окончательной форме декларацию; отмечаю, что и Юденич, Лианозов и Пилкин, наша крайне правая, в аграрном вопросе абсолютно индифферентны к интересам помещиков и, не колеблясь, отдают землю крестьянам.

В 1 час завтракаем с Поской, опять просим свободного права выезда из Эстии министрам и разрешения для 25 человек псковичей в'езда в Эстляндию. Соглашается. Заговаривает опять о том, где правительство будет находиться, в Ревеле де это неудобно; отвечаем: сперва ответьте нам на признание вашей самостийности признанием нас, потом будем говорить о том, где нам жить. Юлит, фальшивит. (Вспоминаю рассказ эстонца Х..., что в царское время Поска не пропускал ни одного царского дня, — стоял на клиросе в русском соборе). Поска признает поправение страны, подтверждает чистку города от большевиков и поправение социалистов в составе совета министров.

В 3 часа приходит полковник Поляков. Говорит, что Балахович арестован, что Юденич и Арсеньев в Пскове, что нам следовало бы предложить англичанам не вмешиваться больше в военные вопросы, так как недовольство ими возрастает, что генерал Арсеньев никогда не принадлежал к немецкой ориентации, ничего общего с немцами не имеет.

Богданов и Эйшинский едут завтра в Псков.

Выхлопотал у Поски согласие на предоставление Эйшинскому права вывезти 150 человек из Пскова, если придется эвакуироваться. Решили вопрос о жаловании для министров: положил 2.500 эстонских марок жалования и столько же на представительство.

В 5 часов приезжают Кирдецов и Арабажин из Гельсингфорса. Привозят письмо от С. В. Иванова с отказом от портфеля юстиции (в свою бытность в Ревеле С. В. Иванов участвовал в двух заседаниях совета министров.) По словам приехавших, выборгская часть русской колонии, ожидая скорого вступления в Петроград, интригует всячески против нас; убедили Иванова и Бутлерова, не итти к нам в Ревель, а продолжать в Вы-

борге их «полезную» работу по составлению кучи проектов по восстановлению Петрограда. Мы предложили портфель министру юстиции Кедрину с тем, чтобы он тем не менее поехал немедленно в Париж, — соглашается с радостью.

В 7 часов телеграмма из Пскова от Н. Иванова: Балахович арестован отрядом из Нарвы, эстонцы его освободили; спрашивает, участвовал ли во всем этом Юденич? Вся эта авантюра отвратительно отразилась на фронте: «войска Балаховича удержаны от столкновения с Нарвским отрядом».

В 6 часов обед у англичан; сижу рядом с Пири-Гордоном, напротив Лайдонер и Лианозов, по сторонам полковник Таландс и моряки, в хвосте стола — И. И. Поска. Среди моряков, — несколько мальчиков-морских офицеров, участников Кронштадского набега. Они скромны, милы, потеряли убитыми несколько товарищей. Вся эта английская история с набегом на Кронштадт очень мне не нравится: пахнет просто истреблением нашего флота на предмет удаления на всякий случай будущего соперника. На душе скверно.

Пири много острит на счет эстонцев, к которым не проявляет никакого уважения. Чувствую, что между мною и Пири устанавливаются добрые отношения, он исполнителен, корректен, искренне благожелателен к нам.

После обеда — совещание: Лианозов, Александров и я, полковники Пири-Гордон, Геропат и Таландс; — обсуждаем, как реагировать на события, разыгравшиеся в Пскове. Решаем, что надо выгораживать Юденича; составляем телеграмму Н. Иванову: никаких данных об участии Юденича в аресте Балаховича не имеем, посылаем Юденичу запрос, посылаем Эйшинского и Богданова в Псков, прося всячески помочь.

Беседую с генералом Лайдонером. Хорошее открытое лицо (очень похож на тенора А. М. Давыдова), говорит просто, отчетливо, видимо искренне (на груди значек нашего генерального штаба): Балахович не стратег; он лишь хорошо знает своих солдат, популярен среди них и крестьян. Его популярность среди эстонцев построена на непопулярности кадрового командования. Эстонские офицеры совершенно разочарованы в способности русского командования к организации. Солдаты и эстонские и русские больше всего довольны режимом Керенского: сражаться не надо, делать ничего не надо,— митинговать и есть вдоволь. Правительство забрало землю у немецких баронов, а куда девать ее, — не знает; бароны все бросились к русским; эстонские солдаты и говорят: «что же это мы немецких баронов обезвредили, а теперь будем помогать России устроить этих баронов у себя»? Положение в Пскове скверное, большевики нажимают с Запада, где войск было мало, а теперь еще эта ссора генералов между собою. Балахович не был арестован, а заметив, что за ними погоня, бросился в 5-ый эстонский полк (в штаб), и просил защитить его. Меня спрашивают по прямому проводу, как быть; я говорю: «раз просит защиты, дайте ему ее». Тогда говорят: «а если наши солдаты начнут арестовывать других генералов,—Юденича, Арсеньева, как быть»? — Говорю: «Начальников не трогайте».

25 Августа. Понедельник.

Заходил японский военный аташе, капитан Комату-бара, спрашивает, готово ли наше правительство и признано ли оно? Говорю, готово и признано союзниками, можете телеграфировать в Японию; список министров он

получил от Лианозова, — много этот список скажет японцам!

Говорим о сахаре; японцы могут его доставить в любом количестве в Ревель, в три месяца; рекомендует фирму Сузуки; говорит по русски недурно, но выжимает слова с усилием и все время улыбается деревянною улыбкою.

Сведения из Пскова спутанные: Псков еще не сдан, но накануне сдачи. События, связанные с арестом Балаховича, генерал Янов, назначенный начальником снабжения, передал так. Генерал Юденич был вызван Родзянко в Нарву, где начальники частей обсуждали вопрос о требовании англичан удалить ген. Арсеньева. Там, с ведома и согласия Юденича, решено было арестовать Балаховича и некоторых из его офицеров и предать их уголовному суду. Поехали в Псков с хорошим полком, раньше послали еще три. Повидимому, Балахович пронюхал заговор, бросился с женою в Валк к своему другу Пускара и засел там в бест. Офицеров же его штаба арестовали и предали суду по обвинениям в выделке фальшивых денег, грабежах и других деяниях уголовного характера. Балахович прислал правительству телеграмму, где говорит, что командование сводной девизией передает своему брату; дальше много декламирует о своей преданности народу, о готовности умереть за него.

Пири-Гордон заходил в 7 часов ко мне и говорит, что все улажено, что Балахович выпущен, что он сохранит командование дивизией, что Арсеньев больше в Псков не вернется; а Крузенштиерн, навестив меня поздно вечером, опять утверждал, что Балахович еще сидит в эстонском бесте.

По словам Крузенштиерна, большевики прорвали позиции наши в 10 верстах от Пскова, благодаря уходу с

позиции нескольких эстонских частей, отошедших с пением революционных песен и прикреплением красных розеток к рубахам. Юденич остался в Пскове; ответил отказом ехать в Ригу, куда его зовет Марш, одновременно с Лайдонером. Марш телеграфировал Юденичу, что удивляется, как главнокомандующий остается на передовых позициях, пренебрегая общей работой. В 9 часов Крузенштиерн разговаривал со Псковом, — надежды на его спасение почти нет.

По рукам у офицеров ходит письмо Гофа к Юденичу, где Гоф пишет: «передайте вашим дуракам - генералам и бездельникам-офицерам...» Возмущение англичанами растет.

В 3 часа заседание совета министров. Вместо сенатора Иванова выбран министром юстиции Кедрин. Заседание нестройное; все взволнованы предстоящим падением Пскова.

Сегодня днем А. Д. Зиновьев получил предписание выехать из пределов Эстляндии в 24 часа, при чем время считается не со дня пред'явления ему предписания, а со дня подписания его. Административная высылка подписана министром внутренних дел Геллатом. Причина — дикая. 14 июля А. Д. Зиновьев был в гостях у французского командования, праздновавшего французский национальный праздник; возвращаясь от них поздно, забыл захватить свой ночной пропуск. Его задержала полиция, препроводила в участок и лишь в пять часов утра, установив личность, выпустила. Через несколько дней, он получил требование явиться в полицию, где ему об'явили, что за ночное хождение без пропуска в пьяном виде («шлялся» сказано в об'явлении) и за дерзости по адресу эстонцев, он штрафуется в 1000 марок (в случае неплатежа — месяц тюрьмы). Зиновьев пошел к начальнику милиции. Начальник милиции смягчает

решение и говорит: «зачеркиваю нуль, пусть платит сто марок». Зиновьев отказывается по принципиальным соображениям, считая себя оскорбленным, и идет к Лайдонеру, который приказывает дело прекратить; несмотря на это, через несколько дней, начальник милиции все же пытается его арестовать, но Лайдонер протестует и арест отменяется. Тогда Геллат высылает Зиновьева в административном порядке, против чего Лайдонер не может протестовать.

Л. А. Зиновьев просил генерала Марша заступиться за отца. Марш отказался. А. Д. Зиновьев вечером выехал в Нарву. Завтра нужно будет начать хлопоты. Судьба капризна, в бытность свою петроградским губернатором А. Д. Зиновьев, вероятно, не раз высылал в административном порядке разных лиц, не чувствуя точно, что сие означает.

В 6½ часов заходил к Лианозову и ко мне А. И. Гучков. Во френче, гетрах, с английскими погонами, ходит быстро, бодро, вид молодцеватый, но лицо землистого цвета, под глазами мешки. Приехал только что из Митавы. Жалуется на англичан, их канцелярскую волокиту при отправке нам снабжения. Немцы в Либаве прекрасно экипируют, быстро муштруют и сортируют наших военнопленных. Все генералы наши в Париже и Лондоне с презрением отзываются о военнопленных, а офицеры с ними работающие говорят, что это прекрасный материал. Англичане потеряли два месяца на выполнение плана английского военного министра по снабжению нашей армии и опоздали. Гучков считает, что Псков падет и тогда дело нашего фронта непоправимо. Он едет в Ригу, где будет совещание эстонцев, литовцев, латышей, белоруссов, и поляков о создании единого фронта против большевиков.

Он приветствует об'явление Лианозова о гарантировании наших новых денег правительством, обещающим обязательный обмен на фунты через три месяца после взятия Петрограда по курсу 1 фунт за 40 рублей, так как уверен, что Гоф, который уже выехал в Англию, ничего там не добьется в смысле фиксации курса наших денег. В Берлине русская группа очень энергично работает, немцы охотно ей помогают. Гоф запрещает брать экипировку у немцев, ссылаясь на § 169 Версальского договора. Через пять дней Гучков опять будет здесь.

Набран сегодня первый номер нашей «Свободной России», завтра выходит; неужели одновременно с потерей Пскова? Сенатор Иванов прислал просьбу утвердить его комитет по организации Петрограда под названием «Временного Гражданского Управления в Петрограде», с правом принятия новых лиц в состав комитета; просит утвердить и штаты. В совете предложение С. В. Иванова единогласно отвергается, как наивная, сшитая белыми нитками, попытка создать антагонистическое правительство в Петрограде. Очевидно, из-за этого С. Иванов отказался от портфеля. Рано поднял забрало. После ознакомления с его проектом нам всем стало понятным отрицательное к нему отношение Политического Совещания.

ГЛАВА X.

БЕЗ СВОЕГО УГЛА.

У И. Поски. — Приезд И. В. Гессена. — Начальник снабжения ген. Янов. — Интриги против С.-З. правительства среди русских в Финляндии. — Из'ятие Н. Иванова из состава С.-З. правительства. — Рассказ Юденича о псковских событиях. — Совещание с Поскою, Штрандманом и Лайдонером. — О наших новых деньгах. — Эстонские социал-демократы. — Сообщение А. И. Гучкова об армии фон-дер-Гольца.

26 Августа. Вторник.

Утром сведения более успокоительные: Псков держится. Там четыре хороших части с Нарвского фронта (тысячи три человек); эстонцы отошли на западном фланге, но наши сдерживают большевиков.

Вышел первый нумер нашей газеты «Свободная Россия». Фамилию зитц-редактора «Троицкий» набрали по ошибке — «Троцкий», и первый нумер нашей газеты волею судеб вышел под редакцией Троцкого.

В час с полов. за завтраком приходит Крузенштиерн и сообщает, что Псков нашими сдан. Эх, и проклятые! Не могли генералы сводить своих счетов не под самым носом у большевиков. Что теперь делать нам без территории, — заедят эстонцы. Начинается истинная каторга. Хватило бы только сил. Как будто песня Северо-Западной армии и правительства спета.

А через четверть часа после этой убийственной вести приходит Х.., член Русского Совета в Ревеле, и

заявляет, что если не пристроим в правительство еще двух членов Совета и редактора «Новой России» кн. Мансырева, — то будут против нас скандальные статьи в эстонских газетах; Z. .. сверх того и во французской прессе подымет травлю против нас. Я в отчаянии кричу: «да знаете ли вы, что Псков взят большевиками.» X..... отвечает, что это действительно ужасно, но все же хорошо на всякий случай ввести в правительство еще двух членов Русского Совета в Ревеле!

В $2^3/_4$ часа поехал с Лианозовым с оффициальным визитом к Поска, говорили, что необходимо войти в более тесную связь с эстонским правительством, что для нас непонятно, почему эстонское правительство так слабо реагирует на наши попытки сближения.

Поска заявил, что солдаты требуют признания независимости Эстонии союзниками.

Я: Думаю, что ваши солдаты очень мало интересуются международным признанием, и что если вся Европа их признает, то они все равно не пойдут.

Поска: Генерал Лайдонер утверждает, что они пойдут.

Я: Так почему же они отошли с западного фланга под Псковом?

Поска: Очевидно Лайдонер приказал.

Я: Лайдонер мне третьего дня говорил, что клевета на эстонцев утверждать, что они где бы то ни было отошли, а, по нашим сведениям, они отошли с красными розетками в петлицах, и под пение марсельезы, и я все более и более убеждаюсь, что войска ваши не в ваших руках. И нагромождение вами условий для участия в ваших военных операциях есть только попытка отдалить момент признания вашей слабости. Но вы ведь должны понимать, что, взяв Псков,

большевики подходят вплотную к вам. С'умеете ли вы спасти себя?

Решаем в четверг встретиться втроем с Лайдонером и Штрандманом и выяснить возможность сближения с эстонцами. Поска обещает повлиять на прессу, чтобы обеспечить благоприятный прием нам. В который это раз!

В 3½ часа у Пири-Гордона. Говорили, что уже вчера в 4 часа вечера Псков был сдан, — как и почему — еще не знает. Приехавший оттуда капитан Смитис, (выехавший третьего дня из Пскова), не получал ни одной телеграммы Пири, как и Пири не получал его телеграмм. Все перехватывалось. В пятницу на прошлой неделе в Псков приехали Юденич и Арсеньев; Арсеньев передал Балаховичу приказ явиться к Юденичу в поезд... Одновременно арестовали нескольких офицеров штаба Балаховича. А между тем Балахович был занят подготовкой плана выступления, которое должно было начаться через день, в субботу. Балахович не приехал к Юденичу, а с тремя стами своих солдат выехал за Псков в монастырь, по ту сторону реки Великой и просил помощи у эстонцев. К капитану Смитису пришли эстонцы и заявили, что Юденич назначил военно-полевой суд, который приговорил к расстрелу начальника штаба Балаховича капитана Стоякина, которого должны казнить в 6 часов; если казнь произойдет, то эстонцы пустят в ход блиндированный поезд. Генерал Юденич ответил, что сделать ничего нельзя. Но по сведениям Смитиса, Стоякин не был казнен.

Вообще Пири потерял самоуверенность и говорит, что надо уступить место военным, ибо дипломаты слегка провалились.

Разбирали планы дальнейших действий; решили, что надо искать уголок русской земли, ибо эстонцы не

пустят армии нашей на свою территорию, так как большевики потребуют ее разоружения. Лучше всего сосредоточить ее у Нарвы, так как у Усть-Наровы можно будет сделать морскую базу. Спрашивал Пири, — могут ли англичане нажать на эстонцев (чтобы принудить их разрешить нашей армии стянуться к Нарве) угрозой лишения снабжения; говорит, посоветуется с Маршем и попробует.

Приехал из Гельсингфорса И. В. Гессен. По этому случаю полковник Поляков, оказавшийся ка-де, устроил у себя кадетское собрание для возстановления кадетского комитета партии, с Кедриным во главе.

Тиандер интервьюировал меня по вопросам торговых сношений с Финляндией. Я обещал проводить беспошлинный ввоз леса и бумаги из Финляндии, если финны облегчат транзит европейских товаров к нам на Северо-Запад.

Зашел Л. А. Зиновьев; пришла телеграмма из Гдова от Юденича, спрашивает, как ему попасть в Ригу на совещание?

По словам Лианозова, офицера Стоякина, начальника штаба Балаховича, все же расстреляли — «при попытке к побегу»; оказался, говорит, не офицером, а беглым каторжником.

Заходил подполковник Х.... — сообщает, что завтра приедет второй пароход со снабжением. Думает, не лучше ли сберечь здесь полное снаряжение на 15.000 человек для создания щуцкора, чтобы сразу отмахнуть Юденича со всей его компанией. (Поляков тоже за это, говорит, вся эта публика на фронте интригует, кутит, ничего не делает): «Лайдонер ведь из неизвестности сделался главнокомандующим, — и у нас найдется человек; у нас хороших офицеров много, но они ходят в штатском».

Приходит, знакомиться начальник снабжения генерал-майор Янов (товарищ генерала Юденича, по выпуску из академии). Старый, усталый генерал, застывший, хотя не отказывающийся от работы. Беда!

Приехал из Гельсингфорса полковник М. М. Долуханов и рассказал о всех интригах выборгской группы эмигрантов: они собирались устроить там правительство, опираясь на финнов и признав их независимость, итти на Петроград. Переговоры велись с капитаном Эрвенгрином, который уже раз устроил для Маннергейма антибольшевистское восстание в Карелии. И. И. Тхоржевский разбил эту затею выборжцев на с'езде, сказав, что глупо строить правительство в воздухе, что Северо-Западное правительство опирается на союзников, имеет армию и будет иметь деньги; финляндские возможности надо де предоставить Северо-Западному правительству. Эрвенгрин говорил с Маршем, но и Марш направил его к нам. Эрвенгрин собирается приехать сюда для переговоров. Завтра попытаемся послать миноноску за ним и Тхоржевским, а также несколькими членами финского парламента, интересующегося тем же вопросом.

Идея подполковника Х.... Лианозовым одобрена, и мы решили сделать запас на 15.000 человек здесь.

Будем просить Лайдонера дать нам организатора шуцкора.

Из Стокгольма сведения от Гулькевича — снабжение послано сюда, на днях придет.

Ночью И. В. Гессен, остановившийся в моем номере, рассказывает, что Гельсингфорцы и Выборгцы на стены лезут от злости на нас. Меня «обвиняют» в том, что я с Поллоком задумал всю эту историю с правительством.

27 Августа. Среда.

Утром — радостная весть. Сперва получена телеграмма от Эйшпиского, посланная из Печоры (40 верст от Пскова) вчера в 20 часов 50 минут: «Псков в наших руках»; потом встречаю английского офицера Диллона; был в нашем и эстонском штабах, — Псков в наших руках. Большевики отбиты. Опять надежда. Прибегают министры один за другим, — живем.

В 12 часов Лианозов едет к приехавшему Юденичу и возвращается в два часа от него. Увы, Псков оставлен нами и почему-то до вечера не был занят большевиками; отсюда и явилось известие, что Псков еще в наших руках.

Не хочется ничего делать, ни о чем думать.

Днем приходит Евсеев с крестьянином Ионовым. Говорят о лесных разработках в Ямбургском уезде, о детских столовых, о кормлении беженцев, — дел выше головы, все делают тихо, толково. За ними — доктор, помощник уполномоченного Красного Креста: оправдывается в нареканиях на Красный Крест. Потом — заведующий отделом топлива: требует 20.000.000 аванса на дровяные заготовки для Петрограда и т. д. Довлеет дневи злоба его. Начинаю приходить в себя.

В 6 часов—заседание Совета. Обсуждаем телеграмму, присланную Н. Н. Ивановым, начинающуюся словами: «мне стыдно быть русским министром» и содержащую сетования на генеральскую схватку во Пскове, кончившуюся сдачею города большевикам. Решаем избавить Иванова от «стыда» быть русским министром и принимаем его телеграмму за заявление о выходе из состава правительства. Формулируем: В виду телеграммы Иванова от.... посланной председателю совета министров, великобританской миссии и газете «Новая

Россия», признать Иванова выбывшим из состава министров.

Затем спрашиваем Юденича, что собственно произошло. Рассказывает: Балаховича он не арестовывал, а послал к нему офицера с приказом оставаться дома, ожидая генерала. Балахович обещал офицеру, графу Шувалову, что будет ждать, но не вытерпел и бежал. Арестовать его Юденич не хотел, так как считал, что он сам по себе не скверен, но окружали его уголовные преступники. На квартире у Балаховича нашли фальшивые деньги. Арестовали девять его офицеров, Звягинцева и Стоякина в том числе. Стоякин пытался бежать из вагона и был застрелен. Против офицеров возбуждены уголовные обвинения в грабеже, вымогательстве, арестах с целью вымогательства, печатании фальшивых денег и убийстве писаря, донесшего обо всех подвигах этих офицеров. Ни солдаты Балаховича, ни эстонцы не заступались за него. Только начальник бронированных поездов горячился, но и его полковник Пускара успокоил. Юденич хотел было отпустить Балаховича в Литву, но брат Балаховича (тоже офицер) сказал: «не отпускайте его, он вам поклянется, что бросит интриги и когда будет обещать, честно будет верить, что исполнит; а потом встретит кого-нибудь и тот повернет все верх ногами, — уж очень он безволен».

Псков пришлось оставить, ибо против 25 большевистских полков могли выставить только девять своих и эстонских. Эстонцы потребовали на Изборском фронте, — западный фланг Псковского фронта, — замены своих трех полков русскими, резервов совсем не осталось. Большевики прорвали фронт и на русской и на эстонской линии. Из Пскова увезли всех раненых, все военное снаряжение, броневые поезда, танки, па-

роходы; все войска наши тоже отошли. Гдов тоже под угрозой и, вероятно, вскоре падет. Останется Нарва и площадь вдоль реки Наровы до моря. Ее можно будет удержать недель семь — восемь, если эстонцы не уйдут. Если уйдут,— придется отступить на эстонскую территорию. Если эстонцы потребуют разоружения русских войск, он, Юденич, не согласится; если будут насильно разоружать, — будет защищаться. Юденич нервен, взволнован. Рад, что не поехал в Ригу, — «водевиль с переодеванием»: ни у Латвии, ни у Литвы нет войска. Марш сказал, что с финнами ничего не вышло.

Видел сегодня генерала Марша — сильно поджал хвост.

От К. Набокова телеграмма из Лондона Юденичу: уже девять дней, как существует правительство «Лианозова» (ковычки в тексте), а он ничего не знает до сих пор. Узнал лишь из «Таймса». Во избежание неприятностей и осложнений требует его известить.

Лианозов отвечает, что Гулькевич обязался его и других наших послов уведомить обо всем.

Генерал Геруа телеграфировал Юденичу из Лондона, что все слои общества приветствовали новое правительство. Если бы так!

Поска в интервью Тиандеру сказал, что ждет после нашего заявления еще и признания Колчаком независимости Эстии, ибо мы дескать сами заявили, что ждем одобрения Колчака (передержка). Еще более убеждаюсь, что эстонцы тянут, ибо боятся большевисткого взрыва при приказе наступать вместе с нами.

Сговорились с И. В. Гессеном: он будет в Гельсингфорсе продолжать издание информационного листка и посылать на Запад сведения о нашем правительстве; ассигнуем ему на то и другое 10.000 финских

марок в месяц. Предлагали ему более активную роль в Ревеле, — не хочет покинуть Гельсингфорса. Рассказывает, что в Гельсингфорс приехал Леонид Андреев и говорил, что он предложил Милюкову добиться у Колчака назначения его, Андреева, начальником антибольшевистской пропаганды для всей России. Милюков ответил, что он ни с каким правительством не состоит в сношениях. Андреев несносен, капризен, самовлюблен. Гессен предлагает нам его в министры пропаганды, я категорически отказываюсь.

28 Августа. Четверг.

И. В. Гессен уехал в Гельсингфорс. На прощание проинтервьюировал Гучкова.

Приехал В. П. Шуберский, привез 300 миллионов новых денег из Стокгольма. Бумажки типа американских денег. С ним приехал полковник Шевылев, рисовавший эти деньги; у него не было эстонской визы, хотя наш иностранный отдел уверял, что получил ее для него. При выходе из порта его арестовали и отвели в участок.

Шуберский привез бумаги и письмо от нашего торгового агента в Стокгольме Никольского: 100.000 пар сапог из Америки придут к нам лишь 15 сентября. Земсоюз, — кн. Ливен, — предлагает содействие для фармацевтических закупок.

В 1 час я с Лианозовым на совещании с Поской, Штрандманом и Лайдонером. Тема — сближение нашего правительства с эстонским. Лайдонер говорит долго, подробно, однообразно о том, что эстонское войско сделало все возможное, но его настроение за последнее время упало, под влиянием настроения в русской армии. Псков не должен был пасть, — если

пал, то виновато отсутствие в русской армии стойкости и подготовки. Южный фронт был запущен из-за постоянных ссор между Арсеньевым и Балаховичем. Попытка устранить Балаховича в самый последний момент несомненно ускорила развязку, — без нее, быть может, удалось бы спасти Псков. Если же мы хотим получить доверие эстонской армии, нужно искоренить черносотенство в русском штабе, где и на наше правительство плюют не стесняясь, что совершенно открыто заявляют и эстонцам.

Штрандман говорит, что им, умеренным членам правительства, очень трудно бороться с левыми коллегами — социалистами, которые не верят нашему правительству. Крайне необходимо, чтобы наши социалисты вошли в тесный контакт с лидерами эстонских социалистических партий. Вопрос о дальнейшем пребывании правительства в Ревеле, тоже вызывает большую тревогу в населении. «Мы вас совершенно не боимся», но есть люди, видящие во всем признак возвращения к старым русским влияниям.

Я указываю, что для обеспечения самостоятельности Эстонии необходимы с ее стороны услуги возрождающейся России, а вовсе не формальное ее признание и менее всего признание ее союзниками. Участь наша, как и участь самих эстонцев, тесно связаны: укрепляя наш авторитет, Эстония укрепляет и будущее свое признание, ибо признание неавторитетного правительства не побудит признать эстонскую независимость ни союзников, ни будущее русское правительство. С другой стороны, если Россия окрепнет, и будет иметь пред собой только пассив эстонцев, без всякого актива, то никакие союзники, признай они ее или нет, не спасут ее от гибели. Предлагаю тесное содружество, предлагаю вместе делать займы, делиться това-

ром и дать эстонцам часть нашего снаряжения, ибо наш кредит больше их. Лайдонер поддерживает, говоря, что их снаряжение пообносилось, что пушки расхлябались (есть давшие до 20.000 выстрелов); патроны расстреляны.

Разошлись, решив собираться почаще для взаимного сближения. Впечатление, что эстонское правительство никакой реальной силы за собой не чувствует; Лайдонер их уверяет, повидимому, что армия в его руках, а чувствуется, что ни он, никакие признания независимости не бросят теперь ее на Петроград; месяца два назад это, вероятно, было возможно.

В 3½ часа у Пири-Гордона. Он скучен, натянут, зол. Возмущен тем, что Юденич сбросил Балаховича и восстановил Арсеньева. Видит в этом умаление английского престижа и провал политики Марша. Теперь уже охотно допускает, что англичане и денег не дадут нам и не гарантируют наших денег, да и вовсе не признают нашего правительства. Ни на одно его донесение в Лондон об нас до сих пор ответа не было. Говорит, что нам, министрам, угрожает опасность и черная, и красная, и черно-красная. Первая — на фронте черная шайка, окружающая Юденича, она не прочь с нами разделаться. В Эстляндии красное восстание готовится на 30 или 31 августа, может быть, впрочем не красное, а белое в лице Лайдонера (намекает на возможность создания нового правительства с Лайдонером во главе — не новый ли проект Иванова?) А потом опасность немецкая из Митавы. В Митаве немецкая армия фондер-Гольца об'явила себя отложившейся от Германии и может броситься на Ригу, а потом на Эстляндию.

Поска сообщил, что англичане начинают нестерпимо действовать им на нервы и сегодня, когда англичане прислали им список лиц, которых они просят

пропустить для нас из Гельсингфорса, он решительно отказал, ибо мы с ним сговорились о таком списке, зачем же вмешивать англичан? Лайдонер тоже жаловался на то, что русское командование вечно кляузничает англичанам на них и ищет поддержки и давления с их стороны на эстонцев. Это все справедливо, но я с ужасом спрашиваю себя, чтобы с нами проделали эстонцы, если бы не было англичан!

Видел опять Пири; обсуждали, что сделать с Балаховичем; Пири обещал постараться услать его на Мурман. Я указал еще на то, что мы уже две недели не видели Марша, а нужно было бы переговорить о многом — обещал заполучить Марша в Ревель. В случае переворота в Ревеле 30 или 31 августа предложил нам всем поселиться у него в его прекрасной огромной квартире, которую будут защищать английские матросы. Перед уходом спросил меня, нельзя ли подкупить гарнизон Красной Горки; если да, то англичане помогут нам сделать там дессант. Взяв Красную Горку, можно взять Кронштадт. Сообщает, что у него был сенатор Нейгардт; просил послать его в Париж, чтобы склонить Сазонова признать наше правительство. Чудеса.

В 6 часов пришли ко мне сенатор Тимрот и Г. Н. фон-Мейер говорить о завтрашнем совещании по вопросу о новых деньгах. Я просил держаться таких рамок: на 1.300 миллионов напечатано бумажек; Псков взят, армия дискредитирована; лен в Псковском районе для нас погиб; взятие Петрограда — покрыто туманом; армия два месяца не получала жалования и готова разбежаться; и вот при таких условиях, как превратить денежные бумажки в реальные деньги, хотя бы малой платежной способности? Обещали подумать.

Стараюсь завязать торговые сношения с англичанами под эти деньги, чтобы втянуть и английское пра-

вительство в поддержку стоимости их — пока не удается.

Приехал из Гельсингфорса Поллок. Телеграфировал в «Теймс», что удаление Балаховича Юденичем повлияло на гибель Пскова (в этом смысле же Лайднер телеграфировал в Гельсингфорс эстонскому военному агенту). Я передал версию Юденича и советовал Поллоку с ним лично переговорить, чтобы восстановить истину; обещал. Поллок сообщил, что Карташев и Новицкий интригуют сильно против нас, что они послали телеграмму Колчаку с предложением заменить Юденича другим генералом и уполномочить их на создание другого правительства. Телеграмма отправлена Пепеляеву — покровителю Новицкого. Все это он передал зашедшему ко мне Лианозову, который сказал, что ему уже о многом этом говорили.

К Лианозову заходил Н. Иванов и когда узнал, что мы постановили считать его выбывшим — заявил, что таковым себя не считает, что в отставку не выходил, что мы не имеем права никого удалять. А вечером появились на экранах местных кинематографов об'явления «Читайте завтра в «Новой России» статью о попытке арестовать Балаховича и связанных с нею Псковских событиях».

Лианозов говорил Юденичу о необходимости расчистить черную сотню на фронте, иначе нам от эстонцев ничего не получить. Юденич слабо реагировал, ничего, повидимому, не выйдет. Вечером Горн рассказывал о своей беседе с редактором эстонской газеты «Социал-Демократ», он же и один из лидеров партии с.-д.; сказал, что к нам относятся с большим недоверием, ибо мы опираемся на Родзянко и Балаховича, личностей несовместимых с демократией, и допустили Юденича в правительство; что пока мы не докажем, что мы с этими генералами боремся, никто нашей демократичности не

поверит. Большинства наших имен не знают; газет, где указаны наши биографии, — не читают. Предоставил Горну в каждом номере своей газеты 15 строчек для информации о нашей работе. Рабочие настроены большевистски, — зарабатывают много, но думают, что в Совдепии для рабочих рай. А здешним с.-д., доказывающим противное, не верят.

Ужинали с А. И. Гучковым; рассказал, что в Митаве накопилось до 25.000 немецких солдат под командованием фон-дер-Гольца, — честолюбивого, талантливого и дальновидного генерала. Солдаты эти—ландскнехты. Среди них — 10 тысяч бывшей железной дивизии; в Лифляндской губернии сверх этих 25.000 есть еще 16.000. Германское правительство приказало этой 41 тысяче вернуться в Германию, согласно требованию союзников. В Германии их ждет раскассирование и безработица, а в Латвии немцам за борьбу с большевиками была обещана земля. Собрался митинг в Митаве и было решено, — об'явить себя независимыми от Германии. Предполагается создать в Курляндии республику, вероятно, советского типа, занять Ригу. Своих войск в Латвии — тысяч 20, из них тысяч пять в большей или меньшей мере красные, тысяч семь —хороши, но стоят на антибольшевистском фронте, а тысяч семь—немецко-баронские войска, которые Латвийского правительства, вероятно, не поддержать. Таким образом, победа немцам обеспечена. Снаряжения у них масса; солдаты одеты хорошо, продовольствия много. Говорят, их в Восточной Пруссии еще тысяч шестьдесят с огромным снаряжением. Куда эта масса ринется, — пока неизвестно. Если ее купить, пойдет на Москву, и на Петроград.

Русских войск (из военнопленных), в Латвии, тысяч шесть с половиной; они одеты, кормятся и вооружаются

Либавским немецким корпусом. Их с большим трудом переправили из Берлина, ибо там во главе русских дел стоит поставленный Колчаком русский генерал Минкевиц, — бывший начальник разведки, душащий все попытки создания русского корпуса.

Когда Гучков предлагал разрешить русской армии получать немецкое снаряжение, — Гоф сослался на § 169 Версальского договора, по которому немцы должны дать союзникам все вооружение сверх нормы, установленной в Версали; а союзники должны его уничтожить.

Русское дело гибнет главным образом из-за русских представителей заграницей. Они ничтожны и бездеятельны. Когда Гучков спросил Генерала Х... в Лондоне, обеспечен ли надзор за быстрым снабжением англичанами русской армии, Х. .. ответил: «да, я теперь все наладил; во вторник у нашего военного аташэ Ермольева будет обедать генерал Геруа и английский капитан, который состоит в отделе снабжения — они обо всем будут сговариваться».

Гучков смотрит безнадежно на северный фронт — он погиб. Фронт Колчака еще может поправиться, если вооружение до него дойдет; оно доходит до Владивостока, а оттуда идет всего два—три поезда в день. Кроме того, Колчак страшно растянулся, гоняясь и за Москвой и за соединением с Архангельском и Астраханью. Офицеров у него мало, генералы плохи, а солдаты шли через 2—3 недели от сохи в строй. У Деникина лучше, но для него опасна зимовка, ибо казаки грабят население, краснеющее в тылу у Деникина. Когда Н. И. Астров жаловался Деникину на поведение его войск, Деникин ответил: «я должен был бы давно повесить генерала Покровского за грабежи и насилия, а тронуть не смею, так как за ним стоит 14 казацких полков, таких же гра-

бителей, как и он сам». Этот Покровский, по словам Гучкова, до большевистского переворота участвовал в черном заговоре, чтобы уничтожить керенщину; после 26 октября был большевистским комендантом Зимнего Дворца, а теперь — казацкий герой.

Гучков о Юдениче: «лично храбрый, очень средний по боевым и прочим качествам генерал, ни на какое ответственное дело не годный». О Кондзеровском: «хуже начальника штаба нельзя избрать, — он мертвит все и всех».

Тяжелый день — приходит масса народа: договоры, сделки.

ГЛАВА XI.

ЧЕРНАЯ РАБОТА.

У Пятса. — Меры для создания курса нашим деньгам. — Ответ эстонцев на нашу декларацию. — Предложения И.И. Тхоржевского. — Беженцы из Пскова. — Эвакуация Гдова. — Штаб на фронте. — Н. Н. Шебеко в Ревеле. — Проекты расчистки фронта. — Бессилие Юденича. — Предложение эстонцам со стороны большевиков вступить в мирные переговоры. — Требование правительства пред'явленные Юденичу.

29 Августа. Пятница.

Все утро, — до 12 часов, — прием: договоры, предложения товаров. В 12 часов зашел с Сорокиным к Пятсу, бывшему премьеру эстонского правительства. Адвокат, журналист, создатель эстонской независимости, сторонник образования Северо-Западного правительства; умное некрасивое лицо, хитрое, решительное. Говорит, что месяца четыре назад, предлагал местным русским выписать из-за границы крупных людей и образовать областное правительство. Считает и теперь возможным поход на Петроград, уверен, что с дивизией можно его взять. Лайдонер боится, что эстонские войска, войдя в Петроград, развратятся грабежами и насилиями, но все же пойдут. Рекомендует познакомиться с Реем, председателем эстонского Учредительного Собрания, человеком смышленным и влиятельным среди с.-д. О Поска говорит: «он значительно правее меня по убеждениям

и левее — по партии». Поска единственный человек, который защищал нас перед эстонским правительством. Штрандман нерешительный человек, — газетной заметкой дорожит больше, чем смелым решением вопроса. Все правительство теперь немногого стоит. Согласен со мной, что укреплять нашу позицию—в интересах эстонской независимости. Устроит беседу втроем с Лайдонером. С Поской поговорит об устранении неприязни к нам.

А пока эстонцы пакостят: эстонский министр народного образования уволил директора русской гимназии за то, что он устроил экзамен на аттестат зрелости русским, окончившим 7 классов и не успевшим пройти 8-го.

В 4 часа был у А. Гучкова. Все расспрашивает, жадно впитывает, мечется из страны в страну.

В 6 часов совещание о том, как пустить новые деньги; пригласили местных директоров банка. Все убогие. Решили составить консорциум из двух банков, которые ассигнуют пять миллионов эстонских марок для свободного размена наших новых денег на эстонские марки al pari (мы банкам обеспечиваем операции эти нашими фунтами, — у нас в Лондоне 30.000 фунтов, вырученных от продажи льна); все налоги будут приниматься только новыми деньгами.

У Лианозова Эрвенгрин. Сейчас идут переговоры о новой попытке поднять Карелию. Юденич уехал в Нарву. По сведениям Александрова, там будет совещание офицеров, которые потребуют смещения Родзянко и замены его гр. Паленом.

Сегодня эстонцы накрыли с.-р. типографию, муссировавшую восстание на завтра. Арестовано пять человек. Выпущены прокламации, что восстание отложено на две недели.

Ищу здесь на рынке чай, сахар, табак, консервы, чтобы послать солдатам на Нарвский фронт; если не подбодрим, — разбегутся.

Английское снаряжение все еще не приходит.

Получили наконец, от эстонцев ответ на наше признание их независимости. Благодарят, готовы вступить в переговоры о торговом договоре, о военном соглашении. Письмо адресовано премьеру Поской на французском языке.

Приехал И. И. Тхоржевский; говорит: в Гельсингфорсе кипит, готовят против нас Coup d'Etat. Ждут Н. Н. Шебеко, начиняют некоего Бера, посланного в Гельсингфорс Гулькевичем. Финны высылают из Гельсингфорса Новицкого. Карташев из себя выходит, чтобы его отстоять. Новицкого обвиняют в том, что он писал Сазонову против признания независимости Финляндии. Забавно: ведь Новицкий самостоятельных сношений с Сазоновым не имеет. Тхоржевский хотел бы быть нашим представителем в Финляндии.

Н. Иванов переслал Лианозову письмо с просьбой передать совету министров, что фраза его: «мне стыдно называться русским министром», — лирика, обусловленная ужасными событиями на фронте. Подписал свое письмо — министр общественных работ Н. Иванов.

В своей газете он продолжает резкую кампанию против нас.

Заходил американец, ведающий снабжением нас мукой. Говорил, что на днях приходит пароход с 4.700 тонн муки. Он хотел было после падения Пскова передать его другим, но из дружбы и симпатии к России оставил ее для нас. Для закрепления дружбы Лианозов подносит ему Станислава третьей степени, — первый

орден данный нами; американец в восторге. Недоумевает, почему к нему заходил начальник военного снабжения, ген. Янов. Это его смущает, тем более, что он не верит в деловитость старых генералов. Успокоили его: Янов зашел представиться; дело снабжения в моих руках.

В 4 часа у Пири. Заявляет, что его разведка указала эстонцам местонахождение типографии с.-р., думает, что будет сегодня и завтра спокойно в городе. Был у него утром Поска; заявил, что к нему приходили сегодня большевики и сказали, что они оставят в покое Эстляндию, если они прогонят англичан и нас. Эстонцы ответили отказом. Начинается! Теперь Большевики будут убеждать эстонцев, что нас нужно выкинуть сперва, потом союзников; не исключено, что народ нас либо выгонет, либо захватит и как баранов сдаст.

С 5 часов до 8 заседание совета министров. Все думали и рядили о беженцах из Пскова. Бежало несколько тысяч человек, — семьи офицеров, интеллигенция, купцы. Из деревень тоже бегут. В Гдове до 10.000 человек; в Нарву пришло тридцать вагонов; выбросили несчастных на воздух, некуда девать. Эстляндия к себе не пускает. Организовываем помощь; мука еще есть, деньги наскребем в понедельник. Спасибо два человека выручили, — директор Азовско-Донского Банка — Абрамский и директор Ревельской целлюлозной фабрики, Маковский. Остальные директора сидят на совещании, как идиоты, хлопают ушами, молчат. У немцев есть деньги, но они их не дают. Крайне кстати в министерстве наши социалисты и Евсеев, — без них не справились бы с беженцами.

Вопрос об оставлении нас в Ревеле эстонское правительство переносит в Учредительное Собрание.

Горн сообщает тревожные сведения: на Нарвском фронте тревога из-за отхода; там на эстонцев нажимают большевики; англичане пустят в ход танки. Геллат открыто говорит о неизбежности вооруженного столкновения с нашими войсками, если они отступят на эстонскую территорию.

Пароход с снаряжением из Германии на 30.000 человек, которое закупил Гулькевич, ожидается вот уже пятый день, а его нет, как нет. Полковник Смирнов думает, не перехватил ли его английский адмирал за то, что снаряжение идет из Германии (хотя разрешение Гофа есть). Англичане говорят, что немцы, посылая снаряжение, ставят на посылках клеймо: «русским друзьям от немцев». Вероятнее всего, что Гулькевич попал в руки жулика.

За ужином Тхоржевский пророчит, что нас всех восставшие эстонские войска неизбежно арестуют. В Гельсингфорсе ждут приезда Шебеко, чтобы созвать ряд важных совещаний против нас. Говорит массу комплиментов Лианозову, восхваляет его мужество, его ум. Предлагает себя всецело в наше распоряжение: либо управляющим делами совета министров, либо нашим представителем в Финляндии. Решаем с Лианозовым: ни того, ни другого.

31 Августа. Воскресенье.

Приехал в Гольсингфорс некто Бранденбург — участник проекта Скавениуса. Ведет переговоры с финнами; Бранденбург говорил Тхоржевскому, что даже уже сговорились (кто?). Финляндия за военную помощь России получает де, что раньше требовала и сверх того русские обязуются перенести столицу из Петрограда в другое место. Только всего!

Заходил Кедрин, которому поручил вчера спешно организовать разведку; без нее мы здесь, как малые дети ничего не знаем, а кругом гады неустанно шевелятся. Говорит, всю ночь думал, как бы это сделать лучше и, наконец, надумал: пригласить сюда Бурцева (у которого теперь в Париже большая газета на французском языке, представительство Колчака и защита русских интересов.)

Пришел директор Азовско-Донского Банка — говорит, что немцы, директора банков, отказались помочь нам, боятся эстонцев. К тому же известие о взятии Риги фон-дер-Гольцем вызвало панику и из Банка вынули вкладов до двух миллионов марок.

Решили с Лианозовым продать эстонцам часть наших фунтов и кроме платы за них потребовать несколько миллионов эстонских марок под наши рубли.

О положении беженцев сведения самые мрачные: десятки тысяч заполняют Гдов и его окрестности, связывая движение армии, и поедая все, как саранча. Могут погубить все дело. Решили настаивать перед эстонцами о пропуске их в Эстию; обязуемся платить за их содержание.

Был К. Крузенштиерн и рассказал, что в числе войск генерала фон-дер-Гольца около 10.000 русских под командой генерала Бермонта (псевдоним, кавказец), подчиняющегося генералу Юденичу. (?) Поска предложил совместно с нами купить у армии фон-дер-Гольца предлагаемое им в большом количестве вооружение. Лучшим выходом для нашего войска было бы занять северо-восточную границу Эстонии от Гунгербурга до Чудского озера. Балахович опять в Ревеле.

Зашел Евсеев; Красным Крестом получена телеграмма уполномоченного из Юрьева, что началась спешная эвакуация Гдова. Натиск большевиков на Нарву

усиливается: они уже в 17 верстах от нее. Хотят отрезать нашу и эстонскую армии от Нарвы и зажать их между Нарвою и Псковом, так как в тылу их будет Чудское озеро, а пловучих средств у нас нет.

Заходил Поллок, был у начальника эстонского штаба, Ринка: была ночная атака большевиков на Нарвском направлении, — отбита. Англичане все еще злы на Юденича из-за Балаховича.

На с'езде с.-р. в Ревеле вместо 500 человек с'ехалось — 200, но все максималисты. Правительство за ними следит и собирается что-то учинить. В городе спокойно (рабочих тысяч пять, не больше, при ста тысячах населения). Поска уходит в отставку, поджидает приезда Пийпа, чтобы сдать ему министерство. Уходит, ибо не добился признания независимости Эстонии на Западе.

Эйшинский беседовал сегодня с Геллатом и договорились до согласия эстонцев на предоставление русским беженцам права селиться в Гунгенбурге и окрестностях.

Докладывает полковник Поляков; говорим о том, как избавить армию от хаоса командного состава. Оказывается, что у нас на 14—15 тысяч штыков, шесть штабов дивизий, два штаба корпуса, штаб армии, штаб главнокомандующего, — всего 10 штабов с массой офицеров и массой повторяющихся отделов. Юденич ни с чем справиться не может; Родзянко не на высоте; Пален популярен, но слаб; Арсеньев на подозрении в немецких симпатиях. Проект шуцкора ничего кроме борьбы между ним и Юденичем не вызовет. Остается одно, — Юденича сохранить военным министром, а начальником армии назначить кого нибудь из генералов, по совещанию с Лайдонером.

На улицах Ревеля оживление: здание, где заседает с'езд профессиональных союзов (с.-р.), оцеплено войсками.

В. Горн вечером сообщает, что был на собрании местного социалистического блока; там недовольство нами велико; какая то св.... пустила уже по городу слух о якобы заключенных нами невыгодных для государства договорах; недовольны еще и тем, что не ликвидировали до сих пор черносотенных штабов Юденича; сохраняем непопулярных в Ревеле полковников X... и Z ... Вся эта публика контролирует наши действия, словно бы мы были городской думой маленького уездного городишки! Завтра приезжает Юденич, — решаем требовать от него немедленной реорганизации штабов и очистки их. Веры никакой в то, что Юденич с этим справится.

Зашел в 11 часов Кедрин; бывший начальник контрразведки в Пскове, — арестован русскими властями в Ревеле и передан эстонским. Первая попытка воздать должное героям Псковской эпопеи.

1 Сентября. Понедельник.

Удачный день: Колчак перевел в распоряжение Юденича 900.000 фунтов в Лондон; наш выпуск денег здесь укрепляется, тем более, что эстонская марка неудержимо катится вниз.

Вчера эстонское правительство арестовало 108 членов с'езда профессиональных союзов — большевиков и отправило их к большевикам на Псковский фронт; с'езд закрыт.

Предложения товаров быстро множатся. Больше не спорят против новых наших денег. Даст Бог, пронесет

и, если только Юденич не отдаст Нарвского фронта, положение на время спасено.

Бурцев прислал Кирдецову телеграмму, просит его высказать мнение о нашем правительстве.

Кедрин рассказал, что для ареста псковского контрразведчика полковника Энгельгарта, собравшийся арестовать его прокурор, долго искал какого-нибудь полковника для производства ареста, так как по военным законам арестовывающий штаб-офицера должен быть тоже штаб-офицером; с трудом розыскал в клубе какого-то капитата первого ранга, который пошел со стражниками арестовывать. Энгельгардт, увидев входящих, сказал: «я давно жду, что это вы замешкались».

А в совете министров один провинциальный коллега вносит вопрос о праве его приобрести пишущую машинку, другой о приглашении переписчицы или покупке письменных принадлежностей и обижаются, когда им говорят, что это ерунда. Милая провинция!

Приехавший из Нарвы штабс-капитан Рогушин рассказывает, что танки еще не маневрируют, так как английские офицеры не получили точных инструкций о том, имеют ли они право участвовать в боях (?), сверх того — мало пулеметных лент.

Снабжение приостановилось; вот уже две недели, как ничего не приходит, а шинелей до сих пор у солдат нет. Тереблю англичан, — шлют телеграмму за телеграммой.

2 Сентября. Вторник.

Стремительный Пири осуществил мою просьбу не пропускать Н. Н. Шебеко в Гельсингфорс до поездки его в Ревель; я опасался, что в Гельсингфорсе его сразу окунут в грязевую ванну и в Ревель он приедет настолько предубежденным, что тут уже не поправим.

Пири-Гордон телеграфировал адмиралу Коуэну просьбу перехватить Шебеко в Стокгольме и привезти его прямо сюда на миноносце. Это не удалось, так как Шебеко успел уже выехать, а останавливать пассажирский пароход в пути было признано англичанами неудобным, но зато в Гельсингфорсе адмирал забрал Шебеко рано утром на крейсер и привез сюда, так что Шебеко провел лишь несколько ночных часов в Гельсингфорсе, и не успел ни с кем повидаться. Привезли его с Бером, посланцем Гулькевича; просидели они два часа у Лианозова, который мне сообщил, что, выслушав подробный доклад его, Лианозова, о всем и о всех с подробными характеристиками, Шебеко сказал, что всецело нас одобряет, считает подвигом то, что мы взяли на себя и готов всячески помочь нам в Финляндии. Сам он, если финны не будут соглашаться помочь нам, не пойдет на признание независимости Финляндии, ибо на то не уполномочен, но считает, что мы должны признать эту независимость и правильно поступили в интересах России, признав независимость Эстонии. Он, Шебеко, не разделяет по этому вопросу взглядов Сазонова. Бер советовал все же поставить признание Финляндии в зависимость от признания ее независимости Колчаком, на что Лианозов ответил: «есть моменты, когда для спасения родины надо жертвовать всем и даже Колчаком; такой момент наступил». Шебеко с этим вполне согласился. Шебеко был с визитом у Пири-Гордона; у него был Гучков; повидимому, изо всей этой серии визитов и разговоров все же выйдет для нас некоторая страховка против невыгодного для нас выборгско-гельсингфорского влияния на Шебеко.

Поска прислал Лианозову копию радио большевиков к эстонскому правительству; большевики предлагают ему вступить немедленно в переговоры о мире,

обещая не двигаться на Эстию, в противном случае они не отвечают за то, что, маневрируя против русских, они вынуждены будут посягнуть и на Эстонию. Поска говорит, что пустит дело в затяжку, пока не сликвидируют большевиков внутри. Начинается.

Заходил Пири-Гордон и сообщил, что Н. Иванов писал генералу Маршу жалобу по поводу исключения его нами из состава правительства, считая, что он включен в правительство англичанами, — им де и решать, быть ли ему дальше министром или нет. Марш поручил Пири уведомить Иванова, что он должен считать себя выбывшим из состава правительства. Об этом Пири письменно сообщил Лианозову.

Утром Лианозову сообщил инженер Линде, боящийся, что после ареста Энгельгарда и за него примутся, что Н. Иванов с Балаховичем и Родзянко плетут новый заговор: сперва сбросить Юденича, потом Балахович сбросит Родзянко и сделается главнокомандующим, а Иванов — премьером, убравши наш кабинет. С ними в заговоре Перемыкин, — начальник штаба Родзянко. С ними же все офицерское дно. Честные офицеры побаиваются и держатся в стороне.

Узнав об этом, я пригласил Пири-Гордона с Лианозовым на 4 часа для переговоров. Выяснилось, что попытка Пири отправить Балаховича на Мурман разбивается о категорическое заявление адмирала Коуэна, что он больше русских офицеров никуда не будет перевозить, особенно с боевого фронта Северо-Западной армии. Поручили Пири осведомиться у эстонцев, дорожат ли они Н. Ивановым и считают ли для себя необходимым дальнейшее его сотрудничество с ними. Лианозов и потом Пири будут убеждать генерала Юденича немедленно расчистить штабы на фронте; всех офицеров неблагонадежных и авантюристов выслать из Эстии, способных к боевой

службе послать на фронт и восемь штабов сократить до трех. Если у генерала не хватит на это мужества, оставить его в Ревеле и прикомандировать к его штабу энергичного английского и эстонского аташэ и, дав им на помощь хорошего начальника штаба, поручить чистку фронта этим трем лицам. Далее теперь же подготовить ген. Юденича к тому, что при отступлении русских войск на эстонскую территорию, он останется лишь военным министром, а все войска, чтобы не быть разоруженными, поступили бы под командование Лайдонера. Эстонский военный аташэ будет буфером между встревоженным эстонским общественным мнением и русскими войсками.

Вызвали полковника Геропата, который обещал, после того как Лианозов подготовит Юденича, вызвать своего представителя из Нарвы полковника Шербурга, который и укажет на кого, по его мнению, остановиться в качестве начальника штаба Юденича. Арсеньева англичане отвергают не потому уже, что он немецкой тенденции, а потому, что он, по словам Пири, никчемный организатор: в Пскове он оставил в течении 8 дней лошадей в вагонах, не выгрузив их. Придирка очевидная.

Приходит ген. Янов размежовываться со мной и Эйшинским в вопросах снабжения и продовольствия. Решили создать единый аппарат разгрузки, единые склады. Кому передать их, нам или военному ведомству, — решит совет министров.

Лианозов вызвал Янова и долго говорил с ним, как однокашником Юденича; указал ему на опасность положения Юденича, на заговоры против него, на необходимость чистки фронта. Янов был в восторге от нашего плана помощи Юденичу привести фронт в порядок и

сказал Лианозову, что пойдет завтра же утром к Юденичу и подготовит его ко всему.

С фронта поступили очень тревожные сведения о требованиях жалования, — начинается открытый ропот. Решаем раздать новые деньги вместо 10 сентября, в пятницу 5-го. Поляков протестует, — никакого де ропота нет, а штаб просто торопится заполучить новые деньги, чтобы начать спекуляцию с ними. Кто прав?

Ужинаем: Лианозов, Гучков, Карташев (сегодня приехал) и я. Гучков говорит, что финны разрешили ему визу для в'езда в Гельсингфорс; финский консул взял было его паспорт и заявил, что все в порядке, а вечером прислал сказать, что пришли новые телеграммы из Гельсингфорса с отменою разрешения визы.

Карташев приехал просить у нас денег для Русского Совета в Финляндии, — 250.000 финских марок, (главным образом на пособия русским беженцам). Лианозов обещал. Я сказал Лианозову, что опасно дать, — будут вести на эти деньги подкопы под нас, разумнее давать маленькими суммами по мере нужд, под строгую отчетность. Лианозов однако исполнил просьбу Карташева. Жалко, что финансы не в моих руках.

С деньгами нашими, кажется, будет хорошо.

Эстонское правительство утвердило наш проект о беженцах в Гунгербурге; параллельно покупает у нас 15 тысяч фунтов стерлингов за эстонские марки и дает сверх того взаймы 10 миллионов эстонских марок. Медовый месяц; месяц ли?

3 Сентября. Среда.

По словам Пири, в Финляндии теперь новый заведующий политической английской миссией, долго про-

живший в Швеции и разделяющий ее взгляды на Финляндию, — не давать Финляндии никаких случаев поднять в глазах Европы свой престиж; вследствие этого он, как и шведы, противник финской помощи России. К сожалению, главы английского политического представительства в Эстии и Финляндии — разные. Генерал Гоф хлопочет теперь в Лондоне, чтобы об'единить в его лице, не только военное представительство Англии в Прибалтийских странах, но и политическое.

От Финляндии до сих пор никакого ответа еще на наше письмо Стольбергу.

Утром Поска заходил к Лианозову поговорить о большевистском предложении эстонцам вступить в мирные переговоры; сказал, что прямым отказом нельзя ответить, ввиду возможного протеста эстонских войск, утомленных долгой борьбой и склонных считаться с возможностью мирного исхода войны; что просит верить, какие бы слухи не доносились до нашего правительства, что переговоры ведутся только для оттяжки, что попрежнему симпатии эстонского правительства к нам сильна. Ясно, что нас начинают предавать.

Лианозов говорил с Юденичем. Согласился на прикомандирование в его штаб английского и эстонского представителя, на организацию смешанной русско-эстонской комиссии под председательством англичанина для рассмотрения взаимных эстонско-русских претензий на фронте, на удаление из Нарвы и из должностей в штабах прикармливаемых военным пайком многочисленных военных и чиновников. Их примет под свое ведение комитет по пособию военным и министерство призрения, чтобы облегчить Юденичу первые шаги по чистке фронта. Лианозову удалось раздобыть через Линде, напуганного арестом Энгельгардта, рапорты об отставке по домашним обстоятельствам трех офицеров Род-

зянко, о которых давно поступали неблагоприятные отзывы и которых Юденич сам в разговоре с нами считал первыми кандидатами на удаление с фронта.

В заседании совета министров Лианозов передал эти прошения Юденичу, который выразил свое отменное удовольствие по этому поводу и заявил, что офицеров этих больше не будет.

С Балаховичем начались переговоры о добровольном его от'езде в Литву, но с условием забрать с собой Н. Иванова; предлагается ему за это приличная сумма. Надеемся дней через пять получить согласие. Согласен Юденич и на уменьшение числа штабов, но сам не знает, как это сделать. Лианозов в восторге от своего успеха; а успех этот в лишний раз показывает преступную слабость Юденича и близость катастрофы на фронте.

Получил от И. В. Гессена письмо: был у него С. В. Иванов и сообщил, что Александров, уехавший на днях из Ревеля по домашним делам в отпуск, останется в Выборге и уйдет из правительства. Иванов собирается в Ревель за полномочиями для своего «Гражданского Управления Петрограда» и за жалованием. Приехал генерал-лейтенант Гулевич, представитель Юденича в Выборге. Ласков, корректен, методичен, уклончив. Говорит, что гонения на русских в Финляндии усиливаются. Маннергейм укрепляется, и пресса чаще и чаще возвращается к необходимости похода на Петроград. Маннергейм живет в гостинице Кемпа, у под'езда которой и дверей номера Маннергейма стоит почетный караул из шуцкоров, вопреки протеста правительства. Маннергейм подал жалобу прокурору на министра иностранных дел Хольсти за согласие его на возвращение в Финляндию нескольких тысяч красных финнов, сражавшихся сначала против англичан и рус-

ских на Мурмане, а затем в Кандалакше перешедших на сторону англичан и несших там тыловую службу. Хольсти впустил их в Финляндию, где они заключены в концентрационный лагерь и где их будут судить финским судом с участием представителя Англии, за которым сохранено право последней санкции.

Шебеко сегодня опять обещал Лианозову работать в Финляндии в пользу ее похода на Петроград.

Сегодня приглашен в управляющие делами совета министров Мельников — член Псковского Окружного суда — сын Мельникова-Печерского.

Колчак прислал телеграмму Юденичу, в которой упоминает о Северо-Западном правительстве; не отрицает его, но к нему не обращается.

Получена телеграмма от Бурцева — повидимому, большевики оттягивают силы от Колчака и бросают их на юг против Деникина. Спохватились.

Полковник Зейдлиц, приехавший в Ревель из Нарвы, по поручению генерала Родзянко, послал ему шифрованную телеграмму, в которой сообщает, что Юденич собирается арестовать его и офицеров его штаба. Юденич возмущен: «вчера произвел Родзянко в генерал-лейтенанты, что же он теперь меня сочтет за Иуду»? Сведение о доносе Зейдлица получили от начальника штаба Кондзеровского; в штабе перехватили и прочитали шифрованную телеграмму Зейдлица. Юденич никак на это не реагирует. Я просил Кедрина зайти к Юденичу и посоветовать ему принять решительные меры немедленно. Юденич обещал сегодня же послать Родзянко с нарочным письмом — иначе напуганный Родзянко устроит Coup d'Etat.

Завтра деньги наши появятся на фронте — последняя ставка.

В 1 час завтрак: Юденич, Лианозов, Пири-Гордон и я. Юденич подтверждает Пири свое согласие на эстонских и английских военных агентов при нем, на эстонско-русские арбитражные суды с английским суперарбитром, на уменьшение числа штабов, соглашается на многое, но ничего не сделает. Надо изыскивать способы действовать помимо него, но для него. Пири говорит, что английский адмирал разрабатывает какие-то планы морской операции на Кронштадт, что надо опять подумать о Красной Горке. По морским сведениям, последние дни у большевиков большая суета вокруг Кронштадта. Оттуда, повидимому, что-то эвакуируется, вероятно, боятся новых атак. На после завтра выписывается в Ревель полковник Шербуг, чтобы с ним обсудить меры воздействия на Юденический штаб.

В 5 часов совещание министров. Горн сообщил о результатах переговоров с эстонскими социалистами; требуют от нас показательных дел, главным образом, — разгона гнезда реакционеров на фронте. Сведения с фронта скверные — и на нашем, и на эстонском происходит братание с большевиками. Наших перетаскивают к себе табаком, а эстонцев убеждением, что драться за русских не стоит. На эстонском фронте, у Изборска, начинается развал, дисциплины нет, солдаты самовольно уходят, грубы, учиняют насилия над железнодорожниками.

По словам Юденича, у эстонцев вся армия, — 25 тысяч человек: три пехотных дивизии (из четырех полков, по шести тысяч в дивизии), да тысяч семь артиллерии, кавалерии, саперов, обоза. У нас всего тысяч

12—15 штыков и это все. А Юденич говорит о необходимости начать готовиться к зимней кампании.

Наша газета до солдат плохо доходит; штабы ее задерживают, — говорят, просто уничтожают.

Родзянко развесил в Гдове приказ, запрещающий кому бы то ни было появляться на фронте без его разрешения, в том числе и министрам.

Решили представить Юденичу меморандум с требованием немедленных реформ в его ведомстве, Лианозов просил меня составить его.

А пароходов с снабжением все нет и неизвестно, когда придут. От генерала Гофа тоже нет сведений из Лондона.

5 Сентября. Пятница.

Написал записку для Сазонова и К. Д. Набокова, излагая причины создания нашего правительства и мотивы, почему в интересах общего русского дела, необходимо поддержать нас; отмахнутся, скажут — краски сгущены и факты подтасованы.

Предложил И. А. Меликову, который едет завтра в Лондон, организовать там артель толкачей для скорейшего продвижения снаряжения сюда, — иначе погибнем. Вот уже три недели, как нет ни одного парохода.

В пять часов совет министров. Лианозов читает протокол нашего заседания о чистке армии. Юденич крепится и лишь на последний § 10, который так формулирован: «просить главнокомандующего раз'яснить лицам командного состава, что будущее предпринятой кампании, в связи с ней, и ближайшее будущее России зависит от того, в какой мере искренно они приобщатся к тем усилиям, которые прилагает Северо-Западное правительство к спасению Северо-Западной ар-

мии от окончательного развала», обиделся и воскликнул: «правительство существует месяц, а армия целый год и не развалилась, — как же правительство претендует на роль спасителя. Ничего такого не сделаю».

На все прочие пункты дал согласие, — но очевидно, и по ним ничего не сделает.

Пришло письмо от генерала-квартирмейстера с просьбой присылать в армию газету, — а мы уже 9 дней к ряду посылаем по 500—600 экземпляров по разным штабам. Дошло ли? Решили посылать 3.000 экземпляров и брать со штабов по 10 копеек с экземпляра, — авось это заставит штабы бережнее к ней относиться.

От Лианозова узнал, что Юденич не положил резолюции на прошения трех полковников об отставке, а послал их Родзянко, — и то не послал, а кажется сегодня посылает.

ГЛАВА XII.

ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ.

Просьба Латвийского правительства о признании его независимости. — О Бермонте. — Проект к.-адм. Пилкина. — Новая Мексика. — Депутация ингерманландцев. — Опять Балахович. — Притеснения со стороны эстонцев. — Приход парохода со снабжением. — Полк. Владимиров. — Радио Поски к Чичерину. — Разочарование англичан в Юдениче. — Замедления в разгрузке снаряжения. — Казенные цифры о составе армии. Беседа с Ульманисом и Меровицем. — Предложение полк. Шербурга.

6 Сентября. Суббота.

От д-ра М. Ю. Пороховского с фронта письмо — много раненых лежит голыми, белья нет, покрыты грязными шинелями, нет одеял. Придется устроить свою мастерскую для шитья белья.

Вчера пришло предложение от правительства Латвии, подписанное премьером Ульманисом, признать Латвию самостоятельной республикой и вступить с нею в сношения; к предложению приложены письма Англии и Японии, признающие независимость Латвии de facto.

Лианозов заготовил было ответ, что окончательно вопрос будет решен на Учредительном Собрании; я предложил не торопиться с отказом.

Сегодня заходил к Лианозову английский офицер, приехавший из Риги. Говорит, что необходимо отделить

русский отряд Бермонта от отрядов фон-дер-Гольца, а для этого нужно достать снаряжение для Бермонта, так как он снабжается от немцев. Если снаряжение будет, его уведут на большевистскую границу Латвии и тогда легче будет бороться с большевиками на Псковском фронте. Опять все стоит в зависимости от снабжения, а пароходы не приходят. Шлю отчаянную телеграмму Гулькевичу.

Приходил Тиандер — вернулся с поездки на фронт: настроение наших войск прекрасное; босые, без теплой одежды, а дерутся хорошо и стойко. Офицеры, несмотря на присутствие в среде их некоторых преступных элементов, дружны и спаяны, и опасно уж очень энергично их теребить. Авторитет Юденича очень велик, о Родзянко не говорят, о Балаховиче говорили восторженно, но, прочитав об'яснение Юденича, об'явившего Балаховича исключенным из рядов русского офицерства, сразу отвернулись от него. (Принимаю все эти сообщения cum grano salis.) Газета наша почти не попадает на фронт; получить ее — жажда огромная. Настроение эстонских солдат — неважное. Никогда финляндская пресса не подходила так вплотную к необходимости активной борьбы с русскими большевиками, как сейчас. В Гельсингфорсе очень ждут Лианозова для переговоров.

Был у меня д-р Якстырь из Красного Креста и об'яснял, что они много дают санитарному отделу армии, но все, что попадает в лазареты г-жи Родзянко, где хозяйничает полковник Пермыкин — имеет все шансы не дойти до раненых солдат. Условились с Красным Крестом об устройстве мастерской для шитья белья.

Кедрин носится с дикой мыслью обещать солдатам при завтрашней его поездке на фронт несколько сот миллионов, если они к 1 ноября возьмут Петроград.

Заходил контр-адмирал Пилкин; говорил, что он неоднократно советовал Юденичу бросить Северо-Западный фронт и все войска сосредоточить на Кронштадт, который англичанам легко взять. Юденич называет это фантастикой. Английский адмирал нам враждебен и занят лишь уничтожением нашего флота. «Андрей Первозванный» оказался только подорванным англичанами в Кронштадском рейде и поставлен большевиками в док. Англичане думают взорвать его в доке, — дорогая цена за недоставляемое снабжение! Попутно Пилкин выразил сомнение, не слишком ли мы уступаем англичанам, не играем ли мы роли пешек в их руках.

Вместо ответа я пригласил адмирала Пилкина пойти со мною вместе к Пири-Гордону. И там, в присутствии Пилкина, я обратился к Пири с тремя просьбами — поручениями: они немедленно были исполнены.

Неприятная новость: в шведских газетах кто-то пустил слух, что наши деньги гарантированы англичанами; Foreign Office счел нужным напечатать официальное опровержение, и из-за какого-то газетного болвана мы здесь сядем в лужу с нашими деньгами.

Из Мурмана почему-то везут сюда в концентрационный лагерь на каком-то из Моонзундских островов финнских красноармейцев; с ними приедут и английские войска для охраны лагеря. Пять пароходов со снаряжением идут сюда же из Мурмана. Приехал из Нью-Йорка генерал Добжанский; рассказывал, что положение Б. А. Бахметьева в Нью-Йорке очень пошатнулось; относятся к нему с недоверием и подозрительностью.

Опять слухи о готовящемся на фронте перевороте. Пилкин пошел к Юденичу предложить ему скорее ехать в Нарву, чтобы положить конец интригам; прошения об отставке трех полковников Юденич потому отослал в Нарву Родзянко, что по военной традиции

прошения об отставке должны итти через непосредственного начальника, каковым является Родзянко. Жалкие деревянные куклы!

7 Сентября. Воскресенье.

Приехал англичанин Х... из Петрограда (выехал неделю назад). Говорит, что в мае можно было взять Петроград голыми руками. Юденич и Сазонов остановили движение войска. Лианозов сказал Шебеко, что если мы войдем в Петроград, то распубликуем письмо Сазонова, из-за которого финны отказались помочь Петрограду, и население разорвет Сазонова на части, если он туда появится. Шебеко засмеялся и сказал: «да, Сазонов не прав, он никак не может приспособить свой мозг к новым явлениям».

Необходимо, по мнению Х..., осведомить крестьян, что новое правительство не отнимет у них земель до Учредительного Собрания. Иначе все крестьянство будет против нас, как и сейчас оно против Северной армии из-за приказа Родзянко № 13 (об оставлении посевов, покосов и инвентаря за собственниками).

В 5 часов заседание совета.

Обсуждаем просьбу Латвии признать независимость ее и ее теперешнее министерство. Все высказываются за признание, но Юденич, Лианозов, Кедрин и я — за признание фактической независимости, Пилкин, Богданов, Горн, Эрн, Эйшпинский и Пешков — за полное.

С фронта сведения, — все будет отлично, если будет снабжение. Я сказал Пири: «армия сильна духом, борется геройски, все зависит теперь от англичан: погибнуть армии здесь или взять Петроград». Пири меланхолично молчит.

В Новой Мексике так дело обстоит: Балахович разгуливает по Ревелю открыто, в русском генеральском мундире, несмотря на то, что Юденич об'явил его изменником и дезертиром (Юденич тоже здесь и они могут в любой момент встретиться на улицах «нейтральной» Эстии). Н. Н. Иванов и тройка офицеров, подавшая рапорты об увольнении — тоже здесь в Ревеле; здесь же и полковник Озоль, латыш-авантюрист, начальник штаба Балаховича. Духовный глава всей кампании — Н. Н. Иванов.

Несмотря на наше к ним отношение и отказ поддержки со стороны англичан, всюду показываются. Эстонцы их поддерживают, несмотря на все уверения в противном Поски. Ждем со дня на день катастрофы.

Дождь идет, холодно и слякотно на фронте, а сведения о посланном снаряжении, — главным образом, одежде и сапогах, — грустные: пароходы застряли; кажется, попались на немецком снаряжении — доверились, другого не искали, а немцы тормозят — обычный прием. Нигде на рынке ничего нет. Достать из Финляндии, — проклятые вопросы о визах, лицензиях, таможнях превращают четырех часовый переезд через залив в трехнедельную волокиту.

Приходила депутация от ингерманландцев, — признают нас, приветствуют, но просят взять в свои руки гражданское управление, не давая его армии, — Родзянко слишком круто с ними расправлялся.

Полковник Поляков рассказывает, что будучи вчера у Лайдонера, встретил там Балаховича, причем вынес впечатление, что Лайдонер нарочно задерживал его у себя для того, чтобы он встретился с Балаховичем, там же был и Н. Иванов. Балахович предложил Полякову пе-

редать Лианозову, что он хотел бы поговорить с ним, что он готов итти на военный третейский суд, которому заранее обязуется подчиниться. Генерал Юденич, которому передал это Лианозов, — категорически отказался: «я его не боюсь, если хочет об'яснiться, пусть подает мне рапорт» (это дезертир то!).

Решили не итти на заискивания Балаховича. Пусть надоест эстонцам, — они его, как просителя, скоро бросят.

Что-то будет?

От Евсеева письмо с фронта; отношения с командным составом налажены хорошие, взаимное понимание. Едет с Филиппео на фронт.

В 6 часов заседание ревельского Русского Совета. Пошел давать от нас об'яснения Кедрин; кандидаты в правительство от Русского Совета не пускали его некоторое время в зал заседания, а впустив, об'явили, что вынесена резолюция порицания С.-З. Правительству за невнимательное отношение к Русскому Совету. Тогда Кедрин заявил присутствовавшим, что все невнимание наше заключалось в непредоставлении Х... и У... министерских портфелей, которых они добиваются.

Бедняга Кедрин жалуется: нужно было быть вершителем судеб петербургской думы десяток лет, нужно было пройти в Первую Государственную Думу первым по списку Петербурга, чтобы дождаться до этакого приема от соотечественников в Ревеле!

9 Сентября. Вторник.

Набираю все, что могу, — торгую теплые фуфайки, заказываю шинели; решил их шить здесь, благо в Гапсале есть сукно; можно по тысяче в неделю делать для начала. Купил полотно, делаем белье. Послал гонцов

в Финляндию, там застряла партия сапог. Иду к эстонцам выпрашивать шинели и сапоги взаймы — авось вывезет, других средств нет.

Днем у Пири; говорит, что генерал Гоф возвращается, значит — победил, если не совсем, то в части. А в чем победил, неизвестно.

Перебрался из гостиницы «Золотой Лев», где ютился до сих пор в одной комнате, — она же канцелярия, приемная, зал совещаний и спальня. Соседство клевретов Балаховича, поселившихся там же, — опасно. Долуханов обещал достать мне револьвер и предложил приставить телохранителя.

Эстонцы выселяют Мейеров и Тимротов; за что — никто не знает, вероятно, за немецкие фамилии; а Г. Н. фон-Мейер и сенатор Тимрот работают у Лианозова в финансовом ведомстве; дело с ним налажено, — Эстонцы начинают вырывать у нас сотрудников.

В 6 часов совет министров. Несмотря на сопротивление социалистов, протаскиваем ответ Латвии в осторожной редакции Лианозова и моей; признаем самостоятельность лишь косвенно, прямого признания нет.

В 9 часов радость: пришел из Лондона пароход с одеждой, сапогами, 20 пушками, патронами и ружьями. С ним же приехал из Лондона полковник Владимиров (недавно бежавший из Питера, служивший там в контрразведке). Рассказывает, что нам сильно повредил в Лондоне генерал Драгомиров (приехавший туда во главе Деникинской миссии), который заявил на двух русских собраниях в посольстве и Luncheon Club'e, что надо поддерживать тех, кто имеет успех, то есть Деникина, а у Юденича де только споры и скандалы. Это заявление затормазило наше дело недели на две.

Англичанам приходится грузить снаряды ночью, так как портовые рабочие на стороне большевиков. Военный

министр Черчилль тверд и заявил, что будет продолжать помогать русским. Но помощь возможна лишь до 1 октября, то есть до открытия сессии парламента, когда запросы левых свяжут правительство по рукам и ногам.

10 Сентября. Среда.

Был на английском пароходе. Чувствую себя именинником, — чего только там нет! Полная одежда: рубашки, кальсоны, френчи, штаны, шапки, носки и все на 40.000 человек. Сапог 48.000 пар(башмаки с обмотками), 20.000 шинелей, 20.000 ружей, 15 миллионов патронов, тридцать грузовиков, провизия, туалетные мелочи, двадцать тысяч чемоданчиков с бритвенными приборами, зубными щеточками и наконец — да здравствует культура! — три огромных тюка клозетной бумаги; будет из чего солдатам крутить папиросы.

Заходил ко мне полковник Третьяков, начальник военных снабжений. — Говорит, что уход Балаховича произвел нулевое впечатление на фронте. Думает, что с получением снаряжения легко пройти вперед.

В $4\frac{1}{2}$ часа заседание совета министров; сидим до $8\frac{3}{4}$ часов.

Слушали проект положения о лесах, внесенный с.-р. Богдановым: национализация лесов, лесных материалов, инвентаря лесных заводов, аннулирование всех сделок на леса и лесной материал; за одно и национализация всех крестьянских лесов. Прямо по с.-р. шпаргалке. Все единодушно возражали, в том числе и с.-д.; отложили. Богданов уступчив, без партийной шпаргалки, вероятно, и сам не внес бы такой ерунды.

Балахович уехал в Изборск и хвастает, что через несколько дней возьмет Псков у большевиков.

А. И. Каминка, председательствующий в нашем финансовом комитете в Гельсингфорсе и всячески нам помогающий, прислал отчаянную телеграмму: наши «патриоты» неугомонно копают нам яму; вызывают Лианозова в Гельсингфорс, хотя бы на несколько часов.

11 Сентября. Четверг.

Лианозов уезжает в Гельсингфорс. Полковник Долуханов сопровождает Лианозова, как телохранитель. Мне передано премьерство и два портфеля Лианозова, — итого пять.

До семи часов без перерыва доклады и посетители. А вокруг кипят заговоры, растет безумие. Группа Балаховича организуется вокругъ Н. Иванова, неутомимого, дышущего ненавистью, не останавливающегося ни перед чем.

Является ко мне с докладом полковник Владимиров, приглашенный Лианозовым и мною, по рекомендации М. Долуханова, — организатор нашей разведки и нашей охраны. Сообщает то, что уже знаем: заговоры на фронте, заговоры в тылу; предательство эстонцев, бессилие англичан, интриги немцев, интриги русских большевиков, интриги эстонских большевиков и умеренных социалистов. В виде же опоры — ненависть Гельсингфорской и Выборгской германофильствующих русских групп и Карташевской организации; зависть руководителей ревельского Общественного Собрания и открытое непризнание политическим совещанием в Париже. Excusez du peu!

Мне предложено не ночевать несколько дней дома; вечером меня сопровождает на квартиру Лианозова офицер; снабдили браунингом и патронами.

На фронте, — на Лужском направлении наши немного смяты, на Гдовском — тоже, на Нарвском — не

подвигаемся. А с фронта неутомимый Филиппео требует миллионы папирос за миллионами, — пытается на табачном дыме поднять популярность правительства.

Англичане посылают ко мне спросить, идет ли присланное снаряжение на фронт; узнав, что вагоны с одеждой нагружены, они позвонили к начальнику станции и спросили, прицепил ли он вагоны к поезду; ответ: «если литеры в порядке, — то прицепит». Англичане звонят ко мне и в 9 часов вечера, спрашивают в порядке ли литеры; отвечаю, что в порядке, а далеко не убежден, озаботились ли о литерах наши военные организаторы.

По словам офицера, сопровождающего меня на ночлег, вся ненависть группы Балаховича, сосредоточена на мне и Лианозове.

12 Сентября. Пятница.

Опять от 10 часов утра до 8 часов вечера без конца доклады и посетители. Предлагают снабжение, просят о местах.

Пришел генерал-майор Геннинг, живет в Ревеле 32 года, а сегодня ему предложили выехать в 2 недели (он здесь начальник русского гарнизона). За что? — Говорит долго и спутанно, — ясно, что пакостил эстонцам: приютил в «Русской Самозащите» какого-то шалого немецкого барона, неустанно воюющего с эстонским правительством. Предложили Геннингу в течение двух недель ежедневно являться в милицию; послал им заявление, что об'явление о выезде уже сообщено ему и в милицию являться не будет.

В русской колонии паника: эстонцы принялись за выселение русских из Ревеля и выбрасывание их из квартир.

Из Гельсингфорса приехал зять сенатора С. В. Иванова, инженер Бутлеров; требует утверждения нескольких комиссий, на предмет подготовки снабжения Петрограда и заводов его района всевозможными продуктами. В комиссиях — штаты с крупными окладами; во всех комиссиях, — он сам и другие выборгские наши антагонисты. Утверждаю с условием полного подчинения министерству промышленности. На все соглашается, лишь бы было утверждение.

В 7 часов заходит Горн. Он был с Эйшинским и Богдановым у социалистов-лидеров Учредительного Собрания. Отношение к нам, — все хуже и хуже; видимо зашли далеко в переговорах с большевиками и предвидят момент, когда мы будем брошены на весы; рады бы мирным путем от нас отделаться, спрашивают, скоро ли уедем. А когда, возвращаясь из Учредительного Собрания, наши шли ночью домой в сопровождении мужа и жены Х... членов Учредительного Собрания,— Эстонцы Х... говорили: «и мы ведь москвичи, все наши близкие там, все нам дорогое там, вернемся и мы в Россию; жалко нам вас, тяжело вам, бедным».

Опять у себя не ночую. Кладу браунинг на ночной столик. Офицер сопровождает. Начинаю думать, что наши охранники, в сознании важности принятой на себя обязанности, держат меня в трензелях без надобности.

План наших охранных офицеров такой: сойтись с офицерами Балаховича, убедить их, что правительство ничего против Балаховича лично не имеет и готово даже ходатайствовать перед Юденичем о восстановлении его в звании и должности; но что это возможно только при условии отказа Балаховича от услуг Н. Иванова; офицеры Балаховича будут влиять на него в этом отношении. С другой стороны, наши офицеры должны узнать через эстонскую контр-разведку, за какие ус-

луги эстонское правительство поддерживает так упорно и демонстративно Н. Иванова.

Александров прислал оффициальное заявление с отказом от портфеля министра внутренних дел. Отказ этот естественен, так как для такого поста, в такое время нужен сильный человек. Я предложил Лианозову третьего дня Б. П. Савинкова — ухватился, просил Кирдецова, с которым Савинков в сношениях, телеграфировать ему приехать сюда. Сказал о кандидатуре Савинкова Эйшпискому и Евсееву, — одобряют.

13 Сентября. Суббота.

А все же 13 скверное число.

Утром звонит Кирдецов и сообщает, что в эстонском «Социалдемократе» появилось радио И. Поска Чичерину о том, что раньше никак нельзя было назначить свидания для переговоров, а теперь переговоры о мире назначаются в г. Печорах на 15 сентября. Спрашивает, напечатать ли в «Свободной России»? Прошу не печатать: пусть русские хоть воскресенье спокойно проведут.

Забота о русских, однако, оказалось напрасной, город, что деревня, — известие распространилось моментально, и в городе среди русских паника: нас продадут без зазрения совести, армию тоже, русская колония подвергнется остракизму. А тут подтверждение—Мейеров и Тимротов уже выгнали с квартир, Виткиной дали срок в 24 часа. В числе высылаемых и мой личный секретарь; просил Геллата, министра внутренних дел, личным письмом, оставить моего секретаря в Ревеле, — отказал. Сколько злобы накопилось в этом с.-д., плохеньком адвокате.

Зашла г-жа Дехтерева (вдова питерского д-ра Дехтерева); только что наладила в Красном Кресте мастер-

скую для шитья белья для раненых, а сегодня пришли эстонцы и говорят — убирайтесь, помещение нужно для армии; пока вопрос выясняется, — надо приостановить шитье белья.

Зашел к Пири. Вернулся сегодня из Риги, устал, меланхоличен. Говорит, пришла телеграмма от полковника Шербурга из Нарвы, просит, нельзя ли нам убрать Юденича с фронта, чтобы прекратить интриги; какие интриги, — ничего не знает. Говорю; пошлите английского офицера к Шербургу, пусть толком скажет, в чем дело; вызывать сюда Юденича, не зная, в чем дело не буду.

Пири: Нельзя ли назначить другое лицо военным министром.

Я: А какая будет разница?

Пири: Он будет давать дельные распоряжения, по крайней мере, порядок будет.

Я: Если на фронте не повинуются главнокомандующему, почему Вы думаете, что будут повиноваться военному министру? А к тому же, ведь деньги переведены Колчаком на имя Юденича, а не на наше; и Карташев с компанией никогда не допустит перевода их на наше имя. Как же в этих условиях сменять Юденича?

Пири молчит и что то обдумывает, не договаривает.

Вдруг вопросы: Вы знаете Бермонта?

Я: Я слышал, что он начальник русских отрядов в Курляндии, состоящих под фон-дер-Гольцем.

Почему этот вопрос — не понимаю. Говорил об Н. Иванове, о необходимости изолировать Балаховича от него.

Пири: А что Вы тогда сделаете с Балаховичем?

Я: Буду его защитником и уверен, что добьюсь его реабилитация у Юденича; Балаховича можно и нужно использовать.

Пири очень доволен. Юденич попыткой свергнуть Балаховича совершенно сошел на нет в глазах англичан. Не прощают ему афронта.

В Ивановской «Новой России» длинное письмо о псковских событиях, — написано ловко, убедительно: Псков погиб из-за несвоевременного похода генералов на Балаховича. Дрянная история!

Поехал с Пири на пароход ускорить разгрузку снабжения. Приехали, а там мертвая тишина. Наши военные по случаю субботы бросили разгрузку в 12 часов. Еду к майору Бэвин, спрашиваю, в чем дело; говорит, что солдаты отказались работать и завтра в воскресенье не хотят; с трудом заставил их согласиться притти завтра. Хороши и англичане: грузят одновременно из двух трюмов, а не из всех четырех; мало у нас людей, говорят, а мы должны по списку проверять выгружаемые вещи.

Фронт без штанов без сапог, ждет не дождется, а здесь дело обстоит так: англичане не дают сразу работать в четырех трюмах, нет дескать достаточно надзирателей; наши ленятся, как с... с...; эстонцы проверяют в Нарве в таможне каждую вещь, нет ли контрабанды, а в штабе нет перевозочных средств для развозки одежды, нет даже и точных сведений, где отдельные полки стоят.

Словом, — дай Бог, чтобы бойцы получили вещи через неделю. Сегодня звонил из Нарвы Филиппео, — вещи, ушедшие из Ревеля третьего дня ночью, днем еще не были в Нарве; видно, наши офицеры забыли либо литеры, либо толкачей. А ведь как Юденич настаивал на том, чтобы разгрузку пароходов и доставку снаря-

жения на фронт мы уступили ген. Янову. По этому вопросу пришлось устроить особое совещание из подведомственных министров и генералов, и мы с Эйшинским уступили лишь недвусмысленной угрозе Юденича: ведь если доставка на фронт останется в ваших руках, сказал он, вы рискуете отвечать за все неудачи кампании.

Пришел ген. Янов. Спрашиваю, — отчего не грузят. Янов: англичане не позволили. Лицо сонное, безжизненное, ходячий мертвец. Рассказывает, что эстонцы не скрывают, что мир с большевиками будет заключен. Завтра приедут сюда представители правительства Латвии, — и они тоже будут вести мирные переговоры. В лучшем случае, Эстония и Латвия искренне играют в оттяжку, в худшем — предают армию и нас; но и в первом случае есть шансы, что их сбросит нежелающая драться армия и здесь будет Совдепия. Солдаты наши разбегутся и дадут большевикам взятку кровью, избивая несчастных офицеров. Говорю Янову о двух выходах: либо укрепиться в Ингерманландии, либо раствориться в эстонской армии. Янов намекает на Бермонта; опять не понимаю, пока мой секретарь Мейер не сообщает, что, по словам К. А. Крузенштиерна, Юденич назначил Бермонта командующим чем-то. Как будто найдена какая то развязка в лице неведомого нам Бермонта, дивизия которого входит в состав корпуса фон-дер-Гольца. В чем дело?

После ухода Янова вызвал офицеров, заведующих погрузкой, предоставил им десятки тысяч неподотчетных денег для раздачи взяток эстонским железнодорожным властям, требуя только одного: немедленной отправки каждого погруженного вагона.

Вечером хорошие сведения: танки прогнали большевиков от Гдова.

Надо вызвать Юденича и подготовить ответ на неизбежный ультиматум эстонцев относительно разоружения нашей армии и нашего ухода из Ревеля. Написал Лианозову: если начались переговоры с финнами, пусть выговорит нашему правительству убежище в Финляндии.

Было совещание совета министров. Юденич представил ассигновки на армию; расчет такой: 59.100 человек и 1.500 лошадей, причем в штабе и приданных ему частях — 500 офицеров и чиновников. В войсковых частях — 5.500 офицеров и чиновников, 1.000 подпрапорщиков, сестер милосердия, классных фельдшеров и духовников, 200 вольнонаемных специалистов мастеровых, машинистов и пр., 353 фельдфебеля, 1412 старших унтер-офицеров, 5.646 младших унтер-офицеров, 22.200 ефрейторов и 22.289 рядовых. Какая трогательная точность. А всего-то, фактически, вместе с нестроевыми, тысяч 25 человек, да и то подсчитать не могут, так как не знают толком, где какая часть стоит. Будь у меня власть...

Жалование рядовым 150 рублей, ефрейторам — 175, младшим унтер-офицерам — 200, старшим — 250, фельдфебелям — 300, подпрапорщикам — 500, офицерам — 600 и выше; кроме того — офицерам суточных — по 16 рублей, солдатам — по 6 рублей с сутки. Офицеры и чиновники получают сверх того пособие по 200 рублей на жену и по 100 рублей на каждого ребенка до 16 лет. Общая ассигновка на жалование в месяц 27 миллионов. Цифры жалования, конечно мизерные; но если распределить требуемые 27 миллионов не на мертвые души, а на действительно имеющихся на лицо людей, то получится очень большой оклад. Поднимаю вопрос о необходимости установления точного количества солдат и офицеров. Предлагаю по-

слать на фронт 20 земских статистиков, которые в один день пересчитают «армию». Генералы негодующие протестуют.

14 Сентября. Воскресенье.

Приехал Ульманис — премьер Латвии и Мееровиц— министр иностранных дел. Оказались моими соседями по гостинице.

Пошел к Ульманису, приветствовал его, сказал, что передал Мееровицу наш ответ на просьбу о признании независимости, содержание которого изложил ему.

Ульманис (широкоплечий, с грубым мужицким лицом): А слово «признание» есть в вашем ответе?

Я: Нет, и по мотивам очень простым: мы не хотели быть смешными, раздавая «признания» из гостиницы в Ревеле; если это слово мы и употребили в обращении к эстонцам, то только потому, что редакция была в некоторой степени навязана нам. Мы же предпочитаем исчерпать в ответе юридическое понятие «признания», не употребляя слов, которые сами по себе впоследствии могут вызвать спор.

Ульманис, повидимому, удовлетворился об'яснением. Меня он знает по Петербургу. Спрашивает, что мы намерены сделать с полковником Бермонтом, которого надо поскорее убрать из Латвии, так как он с фон-дер-Гольцем — постоянная угроза Латвии и отвлекает ее солдат от борьбы с большевизмом.

Я: Мы в совете министров не знакомы ни с положением вещей в Курляндии, ни с ролью Бермонта, но я лично полагаю, что его место на Северо-Западном фронте.

Ульманис: Ради Бога, уберите его оттуда поскорее; но я думаю, что он и Юденичу не подчинится.

Я: Для того, чтобы мы могли заняться этим делом, необходимо спокойное будущее для нашей армии; а начавшиеся переговоры о мире с большевиками, ценой которого, несомненно, будет наша армия, лишают нас возможности заняться избавлением вас от Бермонта.

Ульманис: Но я полагаю, что вашей участи без вас не решат.

Я: Пока я не вижу доказательств этому, так как о начале переговоров с большевиками 15-го в Кечорах мы узнали только из газет, хотя И. Поска предупреждал дней 10 тому назад Лианозова о том, что какие-то переговоры будут. Я хотел бы иметь возможность переговорить с вами подробно об этом вопросе.

Ульманис остается еще и завтра и обещает общую беседу.

Затем иду к Мееровицу (сухой, подобранный, человек, недурно, как и Ульманис, говорит по русски; по образованию экономист). Несколько напыщенно торжественен; читает наше письмо, делаю ему те же комментарии, что и Ульманису. Спешит заговорить о Бермонте. Спрашивает, как мы реагируем на предстоящие мирные переговоры. Говорю, что́ хотел бы, чтобы нашу армию не продавали, как Иосифа его братья.

От них иду к Пири, где застаю полк. Шербурга, который передает просьбу ген. Родзянко; обеспечить переговорами с эстонцами спокойный тыл на Нарвской линии фронта (там беспокойный 4-ый эстонский полк, солдаты которого вчера трижды нападали на русских офицеров, срывая погоны); а также, как нибудь урегулировать отношение с Балаховичем, хотя бы предоставить ему пойти на службу к эстонцам, ибо он сманивает с фронта к себе офицеров и солдат. Генерал Родзянко надеется сегодня продвинуться на лужском на-

правлении. На гдовском фронте большевики отогнаны танками на 16 верст от города, бегство их было паническое.

От себя полковник Шербург передает мнение, что Юденичу лучше уехать из Нарвы, где он со штабом, ничего не делая, крайне стесняет Родзянко, человека энергичного и популярного среди солдат.

Решаем: Шербург пошлет телеграмму в английский штаб на фронт с сообщением генералу Родзянко о с'езде в Ревеле представителей Латвии, Литвы и Эстии для решения вопроса о переговорах о мире с большевиками и с предложением Родзянко нанести решительный удар большевикам в ближайшие дни, чтобы дать этим переговорам полезное для нас направление. Кроме того, очень прошу Пири принять меры к тому, чтобы представители нашего правительства были приглашены в совместное заседание с эстонцами, финнами, латышами и литовцами и могли высказать и свою точку зрения.

Полковник Пири телеграфировал Маршу о необходимости немедленно приехать сюда; Марш ответил отказом, а когда приедет Гоф, — неизвестно.

Я телеграфирую генералу Юденичу и Лианозову о желательности их скорейшего приезда в Ревель.

Поехал на разгружаемый пароход; в 12½ часов разгрузка прекратилась, почему — один Аллах ведает. За два дня, — вчера и сегодня, — работали только часов 7—8. Ночью эстонцы украли из трюма несколько тюков с одеждой. Сообщаю Пири, отвечает: «не в первый раз, это у эстонцев своего рода таможенные сборы». Не знаю, как заставить разгрузчиков работать. Оказывается, однако, что они не виноваты: подошедший генерал Янов сонным голосом сообщает, что англичане (капитан парохода) потребовали приостановки разгрузки

парохода в 1 час дня, вчера и сегодня. «А что Вы сделали, чтобы изменить решение капитана». — Генерал недоуменно молчит.

Я: Пошла ли одежда на фронт?

Я: Мы в этом не сомневаемся, и я считаю долгом Ведь уже третьего дня были нагружены два вагона, почему они не ушли?

Не было получено литеры для провожающего.

Почему же ее не получили?

Теперь новые правила. Литеру можно получать лишь до 10 часов утра.

А после десяти при содействии взятки разве нельзя?

Молчание.

Результат: пятый день, что пароход со снаряжением здесь, и вчера только были высланы первые вагоны с одеждой.

Полковник Поляков докладывает, что эстонские высшие командные чины спокойны; переговоры с большевиками лишь оттяжка. А уверены ли они в своей армии?

Англичане раскисли, вожжи выпустили, ибо у эстонцев есть достаточно снабжения и продовольствия. А настроение массы большевистское. Лидеры меньшевиков также, как и у нас, потеряли влияние на массы. В любой день большевистское восстание может вспыхнуть в городе.

На фронте маленькие успехи. А большого генерала нет как нет. С этим непонятным солдатом, в изорванном платье, без сапог, можно все что угодно завоевать, — а мы топчемся на месте. Гибнет судно почти что у гавани.

ГЛАВА XIII.

ПОД УГРОЗОЮ МИРА ЭСТОНЦЕВ С БОЛЬШЕВИКАМИ.

Заседание Прибалтийских республик о заключении мира с большевиками. — Сведения Пири-Гордона. — Большевизм в эстонской армии. — Я на совещании Балтийских республик. —Закрытие 4 «Свободной России». — Беседа с ген. Юденичем. Я настаиваю на скорейшем переходе в наступление. — У Пири-Гордона с Пилкиным. — Отозвание Пири в Лондон.

15 Сентября. Понедельник.

К. Крузенштиерн сообщил, что вчера в 11 часов началось заседание представителей Финляндии, Эстии, Латвии, Литвы; открыл заседание эстонский премьер Штрандман резкой речью против России, говорил с пренебрежением о нашем правительстве, о нашей армии. В таком же тоне будто бы говорили Венола (финны) и Ульманис. За Россию доброе слово сказал лишь один министр торговли литовцев Шимкус, б. профессор химии в Московском Техническом Училище, напомнил, что если все говорящие являются теперь представителями свободных республик, то этим они обязаны русской революции. Никакого решения о России не было принято.

О себе Крузенштиерн сообщил, что он уходит из министерства иностранных дел (где он был на правах товарища министра иностранных дел) и остается в штабе

Юденича, который дня через три возвращается окончательно из Нарвы в Ревель. Оффициально мотив его ухода, — недоверие к нему Лианозова, который уехал в Финляндию, даже не сообщив ему об этой поездке, и не держит его в курсе дел. Должен сознаться, что при всей справедливости этого заявления, Крузенштиерну можно было бы сделать тот же упрек, еще с большим основанием.

Был у Пири. По его сведениям Прибалтийские государства договорились не заключать отдельно друг от друга мир с большевиками, но удастся ли удержать эстонцев при настроении их армии, — неизвестно. Полковник Таланс поехал беседовать об этом с Лайдонером. Бермонт находится в тяжелом положении, ибо германцы, по требованию англичан, закрыли военную границу и перестали снабжать фон-дер-Гольца, не соглашается отправить свое войско на север частями, а требует одновременного пропуска всего корпуса, на что не соглашается ни Латвия, ни Эстия: сразу провести по железной дороге такой массы нельзя из за слабого подвижного состава, а пустить армию пешком по стране —боятся. Мысль англичан — армию провести на север, передать ее Родзянко, а Бермондта удержать: настроение у Пири очень кислое, встревоженное.

Заходил в 2 часа Агапов, заведующий у нас консульским отделом. Беседовал вчера со многими эстонцами: армия от них ускользает, так что вопрос о мирных переговорах есть вопрос о том, как дальше удержаться от большевизма внутри, поведя ли армию в наступление или начав переговоры. При первом способе большевизм может вспыхнуть немедленно, при втором — оттяжка.

При нападении третьего дня в Нарве солдат 4-го эстонского полка на наших офицеров, — один офи-

цер ранен пулей в ногу, другой ножем в спину, третий камнем в голову. А полк этот приведен в Нарву на отдых с позиций Ингерманландии.

Геллат, выславший старика Зиновьева из Ревеля, запретил сыну его снять квартиру в Ревеле. Наполеон!

Пятс заявил инженеру Маковскому, что переговоров с большевиками потребовали англичане для того, якобы, чтобы принудить французов к признанию независимости Эстонии.

Переезд штаба Юденича сюда, — новая интрига против нас, а на фронте — открытая дорога к соглашению между Родзянко и Балаховичем против Юденича и против нас. Хоть бы поскорее переход в наступление, — оно одно может оздоровить эту проклятую трущобу.

В 4½ зашел ко мне Пири и говорит: «Ваше желание исполнено: сегодня в 6½ часов собираются представители Финляндии, Латвии, Эстии и Литвы, чтобы переговорить с вами о предполагаемых мирных переговорах с большевиками, созвонитесь с Поскою, — он вас пригласит на совещание». Благодарю от всей души, — все таки легче.

Эстонцы рассчитывают сорвать переговоры требованием большой нейтральной зоны, на которую большевики не согласятся.

В 5 часов заходит полковник Баклунд с сообщением, что привезенные для нас на пароходе «Сольфель» 18 пушек, отданы эстонцам.

Звоню Пири, возмущаюсь; он говорит: «Это цена»! — Цена чего? — спрашиваю.

— Цена, которою мы хотим поднять их (Эстонцев) настроение!

— Скорее, — говорю, — вы этим усилите пренебрежение к вам, англичанам. Но если вы считаете уже

так необходимым поднимать настроение эстонцев пушками, то и 9 пушек для этого достаточно, — зачем восемнадцать?

— Хорошо, поговорю.

Пишу возмущенное письмо полковнику Геропату, требуя для нас по крайней мере половины пушек.

Эстонцы запретили все валютные сделки, фиксируют курс иностранной валюты, дадут несомненно низкий курс нашим новым рублям, а то и совсем не определят их курса, чтобы население их избегало.

В 6 часов говорю с Ульманисом и Мееровицем. Мееровиц рассказывает, что эстонцы очень настаивают на перемирии; они же, латыши, против него, ибо на их территории есть большевики; финны занимают среднюю позицию, готовы на перемирие, но требуют солидных гарантий непроникновения в Финляндию личной и словесной пропаганды; литовцы безучастны.

В 6½ еду в Замок, где будет совещание Прибалтийских республик. В приемной Штрандмана приготовлен стол с креслами. Прихожу одновременно с Ульманисом и Мееровицем, застаю Штрандмана и Поску. Уходят в кабинет, где продолжают утреннее совещание. Остаюсь один. Заходит финский премьер Венола и министр иностранных дел Хольсти. Знакомимся и они уходят в кабинет Шрандмана. Приезжает, наконец, литовский премьер и Шимкус. Я остаюсь один. Ко мне подсаживается молодой офицер-литовец, — русский Георгий и Владимир, хорошо говорит по русски; представляется — полк. Беньяшевич.

Офицер: Скажите, правда, что вы признали Латвию.

Я: Да.

Офицер: А почему вы нас не признали самостоятельной республикой!

Я: Ведь вы с этим предложением к нам не обратились.

Офицер: А зачем это? Лучше было бы, если б вы сами нас признали. Мы совещались и по разным мотивам решили не обращаться за признанием к вам, но было бы хорошо и для вас, если бы вы нас признали. У нас ведь очень хорошо, — и порядок, и равноправие, и даже евреям хорошо: ни одного погрома не было.

Кончилось совещание четырех республик (Союз Балтийских республик, бывших областей России, фактически создан). Финны распростились и уехали, торопятся в Гельсингфорс. Сели за стол, председательствует Штрандман, докладывает Поска.

«Вы знаете телеграмму полученную нами от Чичерина; раньше были предложения от большевиков меньшего колибра и мы отмалчивались; теперь в виду настроений нашего народа нельзя больше молчать. Вы знаете и наш ответ (я ничего не знаю), мы послали делегатов в Псков, на которых возложено две задачи: во-первых, потребовать, чтобы и другим трем республикам было сделано предложение о мирных переговорах (оно сделано пока только Эстонии), во-вторых, чтобы мирные переговоры велись одновременно со всеми четырьмя республиками. На первое требование уже дан ответ: вчера большевиками сделано обращение к Латвии, Литве и Финляндии. Получив ответ на второй вопрос, делегаты наши должны немедленно вернуться обратно. Нам теперь желательно знать, как ваше правительство относится к этим переговорам, при чем разумеется, вы можете быть уверенными, что ни ваше правительство, ни ваша армия не будут преданы.

Я: Мы в этом не сомневаемся, и я считаю долгом своим заявить присутствующим, что И. И. своевременно предупредил нас о начале переговоров и для нас сюр-

призом было только решение послать сегодня же делегатов.

Поска: Я в субботу заходил к Степану Георгиевичу (Лианозову), но узнал, что он в Финляндии.

Я: Благодарю вас. Что касается нашего отношения к переговорам, позвольте ответить вам тем, что я считаю политической аксиомой, кто начал переговоры с большевиками, тот на девять десятых побежден ими. Ведь большевики ползучи, как лишай, и способ их проникновения в народную душу неуловим. Открыть перед ними дверь в эту душу, значит пустить их в нее. Разумеется, мы не претендуем на то, чтобы вы пожертвовали вашими интересами в защиту наших, но и для вас и для нас переговоры с большевиками—гибель. Вы спрашиваете, чего бы мы хотели теперь, когда вы уже вступили в переговоры? Двух вещей: первое — тяните их, чтобы наша армия, снабжение которой вопрос 10 дней, могла перейти в наступление, которое спасет и нас, и вас. Второе — и впредь в такие ответственные моменты, какой мы теперь переживаем, делитесь вашими планами с нами.

Поска: Затяжка неизбежна; четыре правительства должны у себя и между собой сговориться об условиях мира, о которых еще не говорят в деталях, и у вас будет достаточно времени, чтобы развить наступление армии, которой мы от души желаем успеха, ибо она нас избавит от необходимости вести переговоры с большевиками.

Я: Тогда позвольте передать вам просьбу генерала Родзянко создать ему спокойный тыл; вы знаете о событиях в Нарве третьего дня, где эстонские солдаты ранили несколько русских офицеров при срывании погон; было бы крайне желательно, чтобы эта большевистски настроенная часть была переведена из Нарвы.

Штрандман: Я протестую против названия какой бы то ни было эстонской части «большевистски настроенной». У нас нет таких частей.

Я: Меня крайне радует утверждение военного министра, я его немедленно передам командующему армией. Во всяком случае желательно разобрать эти недоразумения и устранить причину их.

Поска: Наше войско хочет знать, за что оно борется, а вот союзники не признают нашей независимости, не признают потому, что и Колчак ее не признает.

Я: Неоднократно мы беседовали с Вами, Иван Иванович, об этом, и я продолжаю считать ошибкой ссылку на Колчака, как на виновника непризнания вашей самостоятельности союзниками. Они не признают ее потому, что не хотят признать, и Колчак лишь предлог. Вы отлично понимаете, что если бы они этого хотели, никакой Колчак, — которого к тому же, как вы знаете, никто из союзников не признал представителем всей России, — не помешал бы этого сделать. Затем большая ошибка думать, что будущая Россия при вопросе о государственном строе, об отношении к вам и другим Северо-Западным республикам будет равняться на Колчака или Деникина, если только правильно приписываемое им отрицательное к вам отношение. Не забудьте, что будущая Росссия найдет в своей среде тысячи и тысячи борцов за децентрализацию и против того режима центрального гнета, который нас погубил; ведь опасность великодержавных тенденций так же велика для всех русских поборников свободы, как и для вас. И от вас теперь зависит дать нам в борьбе за вашу и нашу свободу в будущей России лишний аргумент в вашу пользу. Позвольте закончить еще одним пожеланием — чтобы совещание, подобное этому, собиралось

часто не только по вопросам об отвращении грозящей нам всем гибели национальной культуры, но и по вопросам сближения, породнения нас друг с другом. Я не знаю, во что выльются дальнейшие взаимные отношения России с вами, но не даром мы создали областное правительство; Россия должна перестроиться, и я уверен, что экономика, определяющая политику, скоро сольет всех нас, — в той или иной форме, в дружную семью.

Прощаемся. А на сердце скребут кошки: предадут.

Приехал полковник Поляков, говорит на улицах встречаются солдаты и моряки с красными розетками, — прежде их не было.

Балахович опять в Ревеле.

16 Сентября. Вторник.

Удалось оттянуть из пушек, обещанных англичанами эстонцам, шесть штук (эстонцам все же дали 12).

Новый удар: Геллат закрыл нашу газету, арестовал злополучного зитцредактора Троицкого и высылает его из Эстии. Все — по жалобе министра финансов Кука на идиотскую заметку в газете о падении курса эстонских марок и хорошего курса наших рублей.

Прошу Кедрина зайти к Геллату. Пошел и вернулся с заявлением, что так как Геллат не принял его тотчас же, он счел нужным не ждать у него в приемной больше одной — двух минут: во имя достоинства России!

Пошел Горн; говорил с представителем Учредительного собрания, с депутатами, все ему сочувствовали, вытащили к нему Геллата из Учредительного Собрания. Геллат заявил, что ничего не может сделать, так как такой меры потребовал министр финансов Кук. Пошел Горн к Куку, который заявил, что он вовсе не

требовал ареста и высылки редактора и что его удовлетворит раз'яснение в нашей газете. Идет Горн опять к Геллату, который на этот раз заявляет, что поводом к закрытию газеты является не только финансовая заметка. Когда Горн сказал ему, что это чисто большевистский способ действий, Геллат ответил: «в таких случаях большевики расстреливают и поступают правильно». В кровь разбивающий нос исправник — не новая разновидность. Приходится искать нового зитцредактора и задерживать выход газеты, а Иванов разражается против нас одной статьей за другой.

Приехал генерал Юденич, заходит ко мне. Рассказываю ему все, что было; реагирует слабо. Говорю о необходимости ликвидации дела Балаховича (полковник Владимиров говорил ему о том же), — молчит, но видимо — не против. Сознался мне, что первое, что ему теперь сообщили, когда он приехал в Ревель, было, что я признал независимость Латвии; я ему показал текст нашего ответа Латвии, подписанный Лианозовым и лишь переданный мною. Когда я заговорил о том, что лишь смелый бросок вперед может спасти положение, ответил: «при таком настроении тыла нельзя двигаться вперед». Стал жаловаться на то, что эстонцы с третьего дня обложили таможенной пошлиной американские продукты, посылаемые в Нарву и на фронт (пошлина на пуд сала — 200 рублей).

Заходил ко мне помощник присяжного поверенного Чернявский, личный секретарь Балаховича и сподвижник Иванова. Рассказал, что Стоякин, начальник штаба Балаховича, убитый войсками Юденича, действительно уголовный преступник, что у Балаховича много таких офицеров, но что лично Балахович честен; что он отбил бы Псков и что необходимо его реабилитировать.

Я долго говорил с ним и резюмировал наш разговор так: если Балахович отделится от Иванова, мы все (совет министров) будем ходатайствовать за него перед Юденичем и уверены в реабилитации Балаховича, сделавшего большую ошибку тем, что бежал из Пскова. Если же Балахович связывает свою участь с Н. Ивановым, — положение которого в Эстонии — загадка для нас — то мы выхода не видим.

В 5 часов заседание совета министров.

Вечером долгая беседа с контр-адмиралом Пилкиным. Сообщает, что наступление наше мыслимо лишь при условии перегруппировки войск, то есть снятия войск с Гдовской и Лужской позиции, — а это произведет отвратительное впечатление и ухудшит наше положение; взять Бермонта с его войсками нельзя, ибо Бермонт не подчиняется Юденичу и не пускает к нему своих офицеров; единственный выход—это Кронштадт, но англичане не могут усилить своего флота, ввиду сопротивления из Лондона, а предыдущие атаки на Кронштадт возбудили бдительность большевиков. Признает, что Родзянко давно хочет избавиться от Юденича и что не исключены ходатайства офицерских групп от имени войсковых частей о смене Юденича. По его мнению, Юденич не рискнет на смелый бросок вперед, а заменить его некем и приходится задумываться об эвакуации войска куда нибудь из Эстии.

Словом, загнать нашу армию, как стадо, среди которого неизбежны анархические вспышки с избиениями офицеров, вместо смерти в бою, при попытке прорыва, имеющей за собой не все сто шансов, а лишь пятьдесят.

По словам молодого Форостовского, ездившего шофером на автомобиле Юденича, в Нарве еще не распределяют одежды, — ждут точных сведений из Ре-

веля о том, что вообще доставлено! (А точная спецификация ведь передана здесь приемщикам шесть дней назад.) Да и роздать будет не легко — от шоссейной дороги к позициям верст по 80 по непроезжим тропинкам, где крестьянские клячи гужем тащут легкие клади.

Телефонного сообщения с разбросанными по фронту полками тоже нет.

17 Сентября. Среда.

Совещание у Пири-Гордона с Пилкиным и Шербургом.

Приятная новость: из Германии идут морем в Нарву наши военнопленные, — 2000 солдат и 300 офицеров; из Ньюмарского английского лагеря для русских офицеров уже выехало 500 человек.

Англичане очень озабочены Бермонтом; решаем послать в Курляндию человека для работы по переброске на северный фронт хотя бы части его корпуса из Митавы.

По словам Пилкина, Бермонт запретил своим солдатам и офицерам ехать на северный фронт, угрожая за ослушание расстрелом; что же касается Балаховича, то Лайдонер решил взять его в эстонскую армию в чине, соответственном количеству партизанов, которых он наберет, и с соответственным содержанием; до сих пор, по количеству набранных им людей, он не может рассчитывать и на капитанский чин.

Говорит о способе взятия Кронштадта, о комбинированных действиях на суше и на море. Пилкин указывает на затруднения, испытываемые английским флотом, вследствии минных заграждений в Финском заливе на запад от Кронштадта; благодаря минным полям, англичане не могут подойти на пушечный выстрел,

не могут и послать тральщиков, которые будут под обстрелом из Кронштадта.

Выяснилось, что статья «Валюта», из-за которой закрыта газета, написана неким Теннисоном, служащим эстонского министерства финансов.

Сегодня было заседание по валютному вопросу у эстонского министра финансов. Фиксировали фунты по 240, финнские марки по 2,90; нашим рублям и латвийским маркам курса, увы, не установили.

Штаб ген. Юденича вчера должен был выехать из Нарвы; сели в вагон, а вагон эстонцы отцепили, и штаб остался в Нарве. Мотив — отсутствие разрешения на в'езд в Ревель. Приедет завтра. Не жду от приезда ничего хорошего. К. А. Крузенштиерн подсказывает мысль предложить генералу Юденичу поехать в Париж хлопотать перед Сазоновым .о признании Эстии; Пилкин предлагает ему выйти из состава совета министров и остаться лишь главнокомандующим, а Родзянко не желает присутствия его на фронте. Еще немного и начну испытывать к нему чувство жалости.

Газета наша, изменив заглавие (будет называться «Свобода России»), выходит завтра.

Поска сказал интервьюировавшему его Тиандеру, что он крайне недоволен закрытием газеты, так как боится, что это произведет скверное впечатление на европейскую прессу.

По гостиницам сегодня проверка полицией паспортов. В городе распространяется панический слух, что обыскивают русских министров.

Заезжает полковник Поляков и встревоженно сообщает etwas ganz neues: Иванов с Балаховичем устроили заговор, (предпоследний, очевидно,) арестовать Юденича, Родзянко, гр. Палена, правое крыло правительства, посадить Балаховича главнокомандующим и Ива-

нова премьером. Я его успокоил: его известие опоздало на неделю, и мы еще не арестованы.

Хорошие сведения с фронта: на псковском направлении взят в плен полк матросов, — и все это сделал один танк.

18 Сентября. Четверг.

Слухи. Паника. Форменный Бэдлам. Один прибегает с известием будто бы в город привезено много солдат, раненых в свалке с 4-м эстонским полком в Нарве, другой, — что для переговоров с Эстонией приехали в Ревель Красин и Литвинов; третий, — что Родзянко подал в отставку, и среди офицеров волнения.

Всякий час вбегает очередной паникмахер, — надо разуверять, успокаивать, возвращать к работе. Беспокоит, что с фронтовым офицерством у нас не налаживается добрых отношений. Филиппео рассказывает, что офицеры вообще нами недовольны, — дескать слишком отличаем солдат, а о них мало думаем. Между тем в выпущенном нами обращении к войску мы уделили одинаково внимания тем и другим. .

Клевреты Балаховича засылают ходоков, — были они у Кедрина, у Богданова, у Горна; все доказызывают, что батька велик, а у великих людей и ошибки велики. Юденич склоняется к прощению Балаховича, но как, в какой форме, — еще не решил.

Служили сегодня панихиду по Леониде Андрееве в соборе — батюшка сказал прекрасную речь. Публики почти совсем не было, — только члены правительства, и несколько наших служащих; а ведь в Ревеле большая русская колония.

Зашел к Пири-Гордону; ошеломлен его заявлением, что его вызывают в Лондон. Это для него большая неожиданность, так как он со дня на день поджидал

в Ревеле свою жену, покинувшую Лондон для жизни здесь. Мотивы для него не совсем ясны, но, повидимому, его отзывают из Эстии. Бедняга Пири взволнован и возмущен; а я — убит; у нас из под ног вышибают скамейку, и мы безнадежно повиснем в воздухе. Проклятая Новая Мексика! И кто это оклеветал Пири? „Cui prodest" Не работа ли карташевцев?

Вчера Пири-Гордон передал Поске письменное и словесное заявление от имени английского правительства о недопустимости мирных переговоров с большевиками, (кажется, превысил свои полномочия). Поска сказал, что Эстия не заключит мира, но что для успокоения народа переговоры нужны.

Приехал Лианозов. Измучен переездом. Сообщил, что виделся трижды с Хольсти, подтвердил ему, что мы признаем независимость Финляндии. Хольсти был крайне любезен, но заявил, что теперь они не удовольствуются даже признанием Колчака, — им нужно нравственное обязательство союзников требовать от будущего правительства России независимости Финляндии. С большевиками мира не заключат, не хотят и того, чтобы Эстия его заключила. Переговоры с большевиками очень затянутся. Финляндия очень хотела бы пойти на Петроград, но для этого союзники должны вооружить ее и дать ей средства.

Неоффициально нашим политическим представителем в Финляндии будет Бер, советник русского посольства в Швеции. Кажется, неудачный выбор. Шебеко уехал в Париж, где будет настаивать на признании независимости Финляндии и фактической независимости Эстонии. (?)

В „Huvudsbladet" в Гельсингфорсе была корреспонденция из Ревеля, что меня будто бы не приняли на конференции Эстии, Латвии и Литвы, заявив, что

с нами не о чем разговаривать, раз наша армия распалась. Какая скотина постаралась?

Вечером заходил подполк. Прюссинг — ад'ютант Юденича; штаб Юденича еще не переехал в Ревель, так как собирался выехать без пропусков, а теперь нельзя выезжать из Нарвы в Ревель и обратно без разрешений, получение которых отнимает два—три дня. Срочных курьеров посылать тоже нельзя из-за этих разрешений. Также трудно провозить из Нарвы снаряжение на позиции, — таможня требует удостоверений, что снаряжение получено от союзников.

А солдаты делают чудеса, — бьют и бьют большевиков повсюду.

Из Германии очередная сенсация: Русский Комитет в Берлине заключил как будто договор с Бермонтом и фон-дер-Гольцом для движения на Россию и очистки ее от большевиков; компенсация — торговый договор с Германией.

Несчастный наш редактор «Свободной России»: все еще сидит под арестом и вопит о помощи; совет министров Эстии утвердил решение Геллата закрыть нашу газету и выслать редактора.

Сегодня вышла «Свобода России». Повторяем в Эстонской республике курс, пройденный в самодержавной России.

В ответ на телеграмму Кирдецова Савинкову получен телеграфный ответ его ад'ютанта, Деренталя: Савинков просит телеграфировать, от кого исходит предложение: от Кирдецова или от правительства; если от правительства, то нужно телеграфировать Савинкову и оффициально председателю делегации Львову; Савинков, назначенный недавно оффициальным представителем Колчака, без разрешения Омска или, по крайней

мере, одобрения парижской делегации не может начать переговоров.

Пири отозван Foreign office'ом, содержание отозвавшей его телеграммы таково: „sa conduite dans l'affaire de la création recipitée du gouvernement Nord-Oust montre un maque de jugement".

Очевидно, Пири падает жертвою, как стрелочник, чтобы дать возможность правительству умыть руки перед натиском левых в парламенте 1-го октября. Несомненно, что французы, ничего не делающие, чтобы помочь нам, но, спящие и видящие, как бы помешать англичанам образовать Балтийский союз под своим покровительством, тоже руку приложили. Удар во всяком случае сильнее всех пред'идущих и независимо от возможной потери и без того небольшого престижа нашего в глазах эстонцев и финнов, потеря личной поддержки Пири — огромная потеря.

Очевидно, Пири падает жертвою, как стрелочник, Смитис, сухой полковник Геропат и недалекий Шербург.

Генерал Марш говорил Лианозову, что нас может спасти только наступление; согласен с этим и давно твержу то же самое.

СОДЕРЖАНИЕ.

Часть III.

Русское политическое совещание в Париже.

стр.

Глава I. Попытка создать Международный Комитет для невооруженной борьбы с большевизмом 7

Беседа с Альбертом Тома. — Мой доклад в Русском Политическом Совещании. — В. В. Вырубов. — У Венизелоса. — У Говена. — Беседа с Марселем Самба. — У министра иностранных дел Пишона. — У Альберта Тома с В. А. Маклаковым.

Глава II. Попытки правильного освещения положения России 20

Доклад в „Лютеции". — Русские солдаты во Франции. — В редакциях „France" и „Homme libre". — На вечере у Мэнар д'Ориан. — Записка, переданная Бильону для Экономического Совета. — Встреча с Патеком. — Русские в Лиге Наций. — Беседа с Чермоевым. — У Нансена.

Глава III. Встречи и беседы 34

А. И. Гучков. — Беседа с Саблиным. — Сведения Шателена об эвакуации Одессы. — Рассказ Роговского. — Денежный проект А. И. Путилова. — Эрик Плум. — Сведения о Сев.-Западном фронте. — Савинков. — У главы эстонской делегации. — Встреча с Керенским. — Беседы с Савинковым. — У ген. Головина и Геруа. — Беседа с А. И. Коноваловым. — 1-ое мая в Париже.

стр.

Глава IV. В Лондоне 54
От'езд. — Сообщение Ю. И. Гессена. — Русские группы в Лондоне. — У П. Н. Милюкова. — У Н. С. Брасовой. — Доклады в National Liberal Club'e и в Luncheon Club'e. — Рассказ Г. А. Виленкина. — Русско-Английская Торговая Палата. — Сообщение полковника Махина. — У соллиситора Роней.

Глава V. Опять в Париже 68
Группа с. р. требует от Колчака „демократических" гарантий. — Приглашение Чайковского в „Big four". — Картина эвакуации Одессы. Борьба вокруг признания Колчака. — Украинцы пред „Big four" и у Клемансо. — Переговоры между с. р. и украинцами. — У Логана в „Ара". Рассказ американского журналиста Бернштейна. — Опять в „Ара". — Беседа с Н. В Чайковским. — Французские газеты о признании Колчака. — С. П. Шелухин.

Глава VI. Встречи и беседы 86
Беседа с Пийпом. — У Логана. — Завтрак с И. И. Поска. — Политическая декларация Деникина. — Обед у с. р. Z . . — Рассказ В. О. Фабриканта о Керенском. — Рассказ Сафонова и Зензинова о Колчаке. — О Северном фронте. — О Франше д'Еспере.

Глава VII. По пути на Северо-Западный Фронт 97
Доклад А. И. Гучкова в Лондоне. — О б. великом князе Михаиле Александровиче. — Рассказ Г. А. Виленкина. — Беседа с К. Д Набоковым. Встреча с принцем А. П Ольденбургским. — Встреча в Копенгагене с Н. П. Карабчевским.

Часть IV.
Создание Сев.-Зап. Правительства.

Глава I. В Гельсингфорсе 107
Положение вещей в русской колонии. — С'езд представителей торгово-промышленной группы. — На заседании у Лианозова. — У Кузьмина-Караваева. — К характеристике ген Юденича. — Положение продовольственного дела на С-З.

стр.

фронте. — У сенатора Иванова. — У Е. И. Кедрина. — Доклад полковника Б. П. Полякова о С.-З. армии. — О Булак-Балаховиче.

Глава II. Вокруг политического Совещания при ген. Юдениче 122

Заседание финансового отдела. — Совещание у Кедрина. — Карташев о большевизме — Опять о продовольствии. — Санитарное снабжение — сообщение проф. Цейдлера. — Комитет прессы. Рассказ Кедрина о возникновении политического совещания. — Характеристика членов совещания: о Карташеве, ген Суворове, ген. Юдениче. Проект Городского Самоуправления Петрограда. — У ген. С. В. Иванова. — У И. В. Гессена. — Карташев о политическом Совещании.

Глава III. Вокруг Северо-Западного фронта . 140

Предложение Скавениуса. — Совещание с Карташевым. — У И. В. Гессена. — У Л. Б. Яворской. Предложение И. И. Тхоржевского. — Красный Крест на фронте. — Газета „Русская Жизнь". — Предложение Леонида Андреева. — К. И. Арабажин. — Немцы в Финляндии.

Глава IV. В Ревеле 152

Положение военного снабжения С.-З. армии. — Лианозов об Юдениче. — Об агенте Карташева. — Эстонцы и русский лен. — О настроениях политического совещания. — Рассказ Филиппео и Шульца об образовании северной армии и о Русском Совете. — Н. Н. Иванов. — Борьба между ген. Родзянко и ген. Булак-Балаховичем. — С. Н. Булак-Балахович. — Политическое Совещание и Русский Совет. — Взятие Пскова эстонцами. — Гражданская организация Пскова.

Глава V. О. С.-З. фронте 168

Самовластие генералов. — Отношение союзников к русской армии. — Казнь Николаева. — Беседа с Поской об эстонской самостийности. — Из недавнего прошлого С.-З. фронта. — Юдофобство в штабе. — Беседа с Н. Н. Ивановым. — Жалобы на ген. Юденича. — Бессилие его укрепить фронт. — Кузьмин-Караваев об эстонских требованиях. — Подготовляющийся на фронте coup d'Etat — сообщение В. Л. Горна.

стр

Глава VI. Кризис наростает 183

О настроении псковичей — рассказ Х... Лианозов о Юденичe. — Псковские гласные у англичан. — Балахович готовит переворот. — Настроение эстонцев. — Спешный вызов членов политического Совещания в Ревель. — Лианозов у ген. Лайдонера. — Сообщение Н. Иванова о соглашении в Верро. — Сведения Поллока. — Горн и Филиппео у английского консула. — Составление списка министров.

Глава VII. Образование Северо-Западн. Правительства 202

У ген. Марша. — Обсуждение его предложения. — Предстоящее соглашение с эстонцами. — Предложение Кузьмина-Караваева. — Переговоры по поводу списка министров. — Отказ Кузьмина-Караваева и Карташева. — Протесты ген. Юденича. — Подписание декларации у ген. Марша. — Отказ Суворова. — Согласие Юденича на вступление в состав правительства. — Опять у ген. Марша.

Глава VIII. Первые шаги. 215

Ген. Родзянко и ген. Вандам в Совете Министров. — Недовольство Русского Совета и Н. Н. Иванова. — Совещание, созванное Маршем в Пскове. — Обед у Пири-Гордона. — Требование социалистов. — Совещание с псковичами. — Проект правительственной декларации. — Первая попытка эстонцев удалить Сев.-Зап. правительство из Ревеля. — Борьба англичан с ген. Арсеньевым. — Булак-Балахович у Сев.-Зап. Правительства.

Глава IX. Неразбериха 235

Интриги Н. Н. Иванова и Булак-Балаховича. — Недоброжелательство эстонцев. — Организация оффициоза. — Катастрофическое положение на Псковском фронте. — Лианозов о Жоресе. Беседа с И. Поской. — Попытка арестовать Балаховича в Пскове. — Обед у англичан. — Беседа с ген. Лайдонером. — Высылка из Ревеля А. Д. Зиновьева. — Агония Пскова.

стр.

Глава X. Без своего угла 251
У И. Поски. — Приезд И. В. Гессена. — Начальник снабжения ген. Янов. — Интриги против Сев.-Зап. правительства среди русских в Финляндии. — Из'ятие Н. Иванова из состава Сев.-Зап. правительства. — Рассказ Юденича о псковских событиях. — Совещание с Поскою, Штрандманом и Лайдонером. — О наших новых деньгах. — Эстонские социал-демократы. — Сообщения А. И. Гучкова об армии фондер-Гольца.

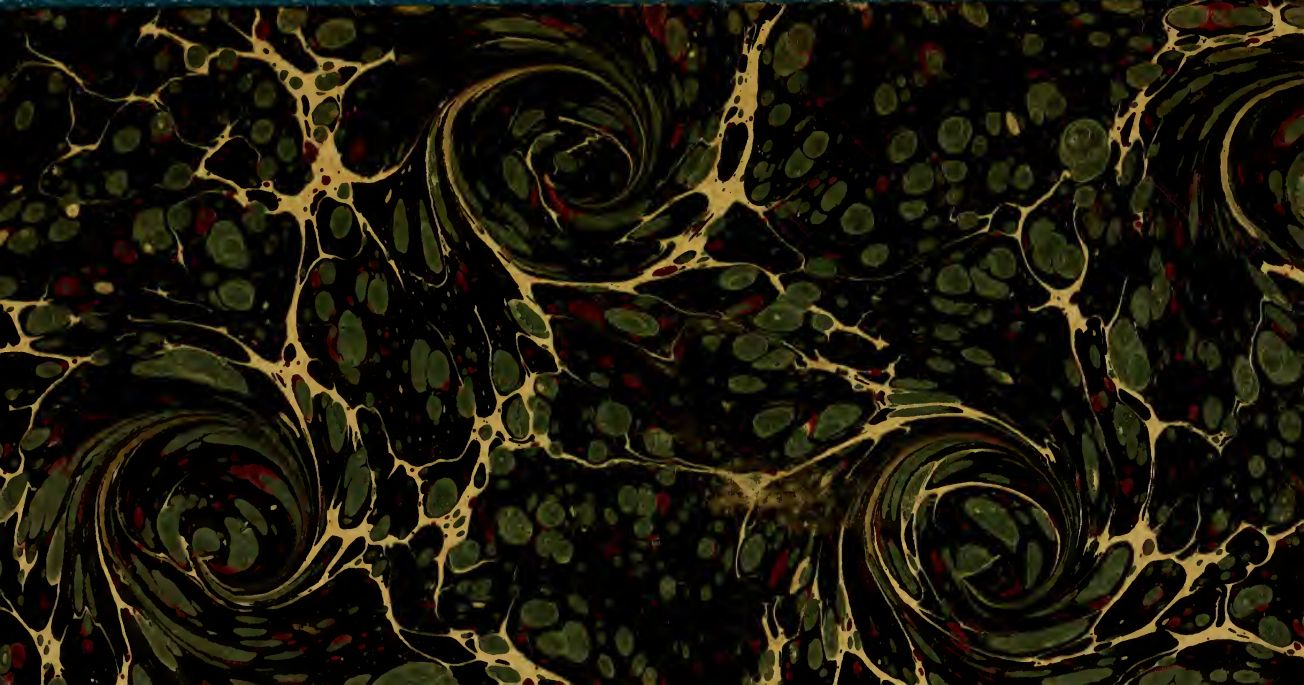
Глава XI. Черная работа 267
У Пятса. — Меры для создания курса нашим деньгам. — Ответ эстонцев на нашу декларацию. — Предложения И. И. Тхоржевского. — Беженцы из Пскова. — Эвакуация Гдова. — Штабы на фронте. — Н. Н. Шебеко в Ревеле. — Проекты расчистки фронта. — Бессилие Юденича. — Предложение эстонцам со стороны большевиков вступить в мирные переговоры. — Требования правительства, пред'явленные Юденичу.

Глава XII. Изо дня в день 286
Просьба Латвийского правительства о признании его независимости. — О Бермонте. — Проект к.-адм. Пилкина. — Новая Мексика. — Депутация ингерманландцев. — Опять Балахович. — Притеснения со стороны эстонцев. — Приход парохода со снабжением. — Полк. Владимиров. — Радио Поски к Чичерину. — Разочарование англичан в Юдениче. — Замедления в разгрузке снаряжения. — Казенные цифры о составе армии. — Беседа с Ульманисом и Мееровицем. — Предложение полк Шербурга.

Глава XIII. Под угрозою мира эстонцев с большевиками 306
Заседание Прибалтийских республик о заключении мира с большевиками. — Сведения Пири-Гордона. — Большевизм в эстонской армии. — Я на совещании Балтийских республик. — Закрытие „Свободной России". — Беседа с ген. Юденичем. — Я настаиваю на скорейшем переходе в наступление. — У Пири-Гордона с Пилкиным. — Отозвание Пири в Лондон.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.4
.M374
1923
kn.2